

Ясуеи Иноуэ

ЛОУЛАНЬ

樓蘭

井上靖

ИНОУЭ

Содержание:

ЛОУЛАНЬ — новелла

ПОТОП — новелла

ЧУЖЕЗЕМЕЦ — новелла

О ПАГУБАХ, ЧИНИМЫХ ВОЛКАМИ — новелла

В СТРАНЕ РАКШАСИ — новелла

ИСТОРИЯ ЦАРСТВА СИМХАЛА — новелла

ЕВНУХ ЧЖУНХАН ЮЭ — новелла

УЛЫБКА БАО-СЫ — новелла

Впервые читатель держит в руках переведенную с японского языка книгу исторических повестей и рассказов, в которых ни разу не упоминается Япония. Более того, среди героев этих произведений нет ни одного японца. И, тем не менее, это очень японская книга. Ее автор — романист, драматург, эссеист, поэт, классик японской литературы XX в. Ясуси Иноуэ (1907–1991). Широкую известность в России получил его исторический роман «Сны о России» (1968), посвященный судьбе японца, заброшенного в Россию времен Екатерины II. Сын военного врача, родившийся на северном острове Хоккайдо, Иноуэ получил литературную известность довольно поздно: его первое значительное произведение, рассказ «Охотничье ружье», вышло в свет в 1949 г. К этому времени за плечами у автора были учеба в университете Киото, недолгая военная служба в Северном Китае, полтора десятка лет работы в газете «Майнити». В 1951 г. Ясуси Иноуэ принял решение целиком посвятить себя литературе — и всю оставшуюся жизнь напряженно работал, создав множество произведений в самых разных жанрах. Главный вклад в популярность писателя на родине и за рубежом внесли его исторические романы, повести, рассказы и эссе — прежде всего, те из них, что были посвящены Древнему Китаю и сопредельным с ним землям. В его произведениях можно найти элементы исторических хроник, жизнеописаний, эпоса, мифа, легенды, волшебной сказки, притчи и даже фэнтэзи — а чаще всего удивительное соединение этих компонентов, ставшее отличительной чертой стиля Ясуси Иноуэ.

-
- [Ясуси Иноуэ](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ЛОУЛАНЬ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [ПОТОП](#)
 - [ЧУЖЕЗЕМЕЦ](#)
 - [О ПАГУБАХ, ЧИНИМЫХ ВОЛКАМИ](#)
 - [В СТРАНЕ РАКШАСИ](#)
 - [ИСТОРИЯ ЦАРСТВА СИМХАЛА](#)

- [ЕВНУХ ЧЖУНХАН ЮЭ](#)

- [УЛЫБКА БАО-СЫ](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

- [32](#)

- [33](#)

- [34](#)

- [35](#)

- [36](#)

- [37](#)

- [38](#)

- [39](#)

- [40](#)

- [41](#)

- [42](#)

- [43](#)

- [44](#)

- [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
-

Ясуси Иноуэ

ЛОУЛАНЬ и другие новеллы

Предисловие

Наверное, впервые наш читатель держит в руках переведенную с японского языка книгу исторических повестей и рассказов, в которых ни разу не упоминается Япония. Более того, и среди героев этих произведений нет ни одного японца.

Вместо мягкой зелени, цветущей сакуры и видов горы Фудзи — бескрайние желтые степи и зыбучие пески глубинной Азии, где не встретить «ни птицы летящей, ни зверя бегущего». Вместо утонченных гейш и благородных самураев — полудикие кочевники неведомых времен, военачальники Древнего Китая, императорские наложницы или совсем уже сказочные принцессы и ведьмы.

И тем не менее это очень японская книга. Ее автор — романист, драматург, эссеист, поэт, классик японской литературы XX века Ясуси Иноуэ (1907–1991).

Житейская биография писателя небогата событиями. Сын военного врача, родившийся на северном острове Хоккайдо, Иноуэ получил литературную известность далеко не в юном возрасте: его первое значительное произведение, рассказ «Охотничье ружье», вышло в свет в 1949 году. К этому времени за плечами у автора были учеба в университете Киото, недолгая служба в армии в Северном Китае в 1937 году, полтора десятка лет работы в газете «Майнити»...

В 1951 году Ясуси Иноуэ принял решение целиком посвятить себя литературе — и всю оставшуюся жизнь напряженно работал, создав множество произведений в самых разных жанрах, в том числе и на современном ему материале.^[1] Но, наверное, главный вклад в популярность писателя на родине и за рубежом внесли его исторические романы, повести, рассказы и эссе — прежде всего те из них, что были посвящены Древнему Китаю и сопредельным с ним землям.

Китай издавна оказывал огромное влияние на культуру соседних стран. Достаточно напомнить, что та же Япония в старину активно заимствовала у материкового соседа очень многое: иероглифическую письменность, религиозные, философские и эстетические концепции и т. п. — вплоть до сюжетов конкретных художественных произведений. Все эти заимствования прививались к местной практике и через некоторое время давали уже чисто японские плоды, в которых нередко с трудом можно было разглядеть черты первоисточника.

В этом смысле «китайские» повести и рассказы Ясуси Иноуэ лежат в русле данной традиции. Так, все произведения сборника «Лоулань» (1959) имеют основу в древнекитайских хрониках — по преимуществу в «Исторических записках» (Ши цзи) — бесценном памятнике китайской классики, принадлежащем кисти выдающегося историка Сыма Цяня (145 — 86? гг. до н. э.)

Однако повести и рассказы Ясуси Иноуэ менее всего похожи на пересказы древнекитайских текстов современным японским языком. Насколько можно понять, метод работы писателя был совершенно иным. Отыскав в анналах китайской истории ростки будущих произведений (это могли быть сюжеты, герои и даже отдельные строчки хроник), он в высшей степени бережно пересаживал их на почву японской художественной традиции и выращивал из этих побегов свои, полностью оригинальные повести и рассказы на общечеловеческие темы: о долге и о чувствах, о любви и ненависти, о верности и предательстве, о взлетах могущества империй и их падении в прах безвестности...

Созданные таким образом произведения отличает удивительное жанровое и стилистическое разнообразие. В них можно найти элементы исторической хроники,

жизнеописания, эпоса, мифа, легенды, волшебной сказки, притчи и даже фэнтези, а чаще всего — удивительное соединение этих компонентов, ставшее отличительной чертой стиля Ясуси Иноуэ. Вечные темы, глубокие мысли, блестящее литературное мастерство, фактографическая точность в исторических новеллах и безудержная фантазия в сказочных сюжетах — все это не сможет оставить равнодушным ценителя настоящей высокой литературы.

Евгений Кручина

В древности в Западном крае^[2] существовало небольшое царство Лоулань. Название Лоулань появилось в истории Востока примерно в 130–120 гг. до н. э., а исчезло с исторической сцены приблизительно в 77 г. до н. э. Таким образом, царство под названием Лоулань просуществовало на исторической карте Востока всего лишь около 50 лет. Было это более двух тысяч лет тому назад...

Познакомил китайцев с Лоуланем знаменитый искатель приключений Чжан Цянь,^[3] которого направил в Западный край ханьский император У-ди.^[4] За свой поход Чжан Цянь был пожалован титулом Бован-хоу.^[5] Сегодня большая часть территории Западного края входит в состав китайской провинции Синьцзян,^[6] однако в то время она являла собой пустынный район к северо-западу от Китая, так называемые «земли варваров», на которых жили «дикие племена». Иными словами, это были не китайские земли, населенные иноплеменными народами. Именно здесь через много веков сложился коридор, по которому пошел культурный обмен между Востоком и Западом и был проложен караванный маршрут, известный как Шелковый путь.

Однако во времена У-ди ни один, даже самый отчаянный храбрец еще не ступал на эту пустынную землю. Ничего не было известно ни о том, насколько велика эта песчаная пустыня, ни о том, какие народы ее населяют, ни о том, какие страны там существуют.

Впрочем, У-ди повелел Чжан Цяню отправиться туда вовсе не потому, что сам испытывал к неизвестным землям под названием Западный край какое-то особое любопытство или познавательный интерес. Дело было в другом. За полосой неизведанных и пустынных земель находилось крупное царство под названием Большое Юэчжи. Экспедиция нужна была императору для того, чтобы создать коалицию с Большим Юэчжи, обрести тем самым огромную мощь и ударить по государству Сюнну, которое постоянно угрожало Ханьской империи.^[7] За более чем пятьдесят лет, прошедших с воцарения Гао-цзу,^[8] Хань несколько раз отдавали в жены правителям Сюнну китайских принцесс, посылали кочевникам дары, позволяли им торговать с империей, но нападения и грабежи со стороны сюнну не прекращались.

На набегах сюнну обжигали себе руки все без исключения Сыны Неба — представители китайской императорской династии того времени. Сюнну — агрессивный народ, который кочевал к северу от Китая на пространстве от Сибири до Центральной Азии. По природе свирепые и кровожадные, быстрые и дерзкие, люди сюнну при любом удобном случае выдвигались на юг и нападали на пограничные районы Китая. В стране случались годы без недородов и стихийных бедствий, но годы без набегов сюнну — никогда. Дело доходило до того, что на борьбу с сюнну приходилось бросать едва ли не всю имевшуюся в то время в Ханьской империи пехоту и конников. Во время первого похода У-ди для усмирения сюнну один из варваров, находившихся у них в плену, рассказал, что «когда-то сюнну разгромили правителя Юэчжи и сделали из его головы чашу для вина. Поэтому юэчжи питают ненависть к сюнну, но не имеют союзника для совместного нападения на них и потому находятся в затруднительном положении». Услышав этот рассказ, У-ди решил отправить в Большое Юэчжи своего посла и предложить этому царству совместно выступить против Сюнну. Приняв такое решение, У-ди стал призывать желающих пойти послом в Юэчжи. На этот призыв и откликнулся Чжан Цянь. В 139 году до н. э. Чжан Цянь в сопровождении ста бывших пленников сюнну вышел из уезда Луньси и вступил в земли варваров. Вернулся же он в Хань только через тринадцать лет, а из ста человек, вышедших вместе с Чжан Цянем, вновь ступил на ханьскую

землю лишь один. Более десяти бесплодных лет провел Чжан Цянь в плену у сюнну, сумел бежать, пересек обширные пространства, пока достиг, наконец, своей цели — Большого Юэчжи — и приступил к выполнению возложенной на него миссии посла. По дороге домой он опять был схвачен сюнну, но, воспользовавшись смутой в их стане, снова сумел ускользнуть и в конце концов вернулся на родину.

В пятом году под девизом царствования Юань-шо (124 г. до н. э.) Чжан Цянь прибыл в столицу Чанъань и почтительно преподнес императору У-ди отчет о природных особенностях, нравах народов и продуктах труда тех стран, которые он объездил.

Так в истории Китая был впервые упомянут Лоулань, а также большое число других государств, расположенных на этой пустынной территории: Цемо (Черчен), Юйтянь (Хотан), Шачэ (Яркенд), Яньци (Карашал), Луньтай (Бугур), Гуйцы (Куча), Шулэ (Кашгар) и другие.

В «Повествовании о Западном крае» из «Истории Хань»^[9] эти земли описываются следующим образом: «Сначала в Западном крае было тридцать шесть царств, но в результате последующих делений их число временами доходило до пятидесяти с лишним. Все они располагаются к западу от сюнну, к югу от усуней.^[10] Через эти земли течет река Тарим, а к югу и к северу от них простираются гигантские горные хребты Тянь-Шань и Куньлунь. На шесть с лишним тысяч ли^[11] с востока на запад и на тысячу с лишним ли с юга на север расстилаются эти земли. На востоке они соседствуют с Хань, отделяясь заставами Юймэньгуань и Янгуань, на западе упираются в высокогорья Памира».

Иными словами, Западный край занимал весь бассейн реки Тарим, ограниченный тремя горными цепями: Тянь-Шанем, Куньлунем и Памиром. Центральную его часть занимала пустыня Такла-Макан, а по периметру этой пустыни были разбросаны небольшие крепости-государства, созданные различными народами, которые говорили на разных языках, имели разные обычаи и отличались друг от друга цветом кожи. Естественно, земли Западного края и Китай поддерживали связи между собой и до периода правления У-ди, но все эти связи сводились к контактам между отдельными людьми. Межгосударственные же отношения начались именно во времена У-ди.

Сразу за ханьскими заставами Юймэньгуань и Янгуань расстилалась обширная пустыня. За ней находилось озеро Лобнор. В те времена ханьцы называли это озеро Пучанхай — «Море, изобилующее камышом», или Яньцзэ — «Соленое болото». Гигантскому заболоченному озеру с очень соленой водой, которое во много раз превышало по размерам нынешний Лобнор, действительно больше подходило название «море», нежели «озеро». Оно находилось в местности, на три с лишним сотни ли отстоявшей от застав Юймэньгуань и Янгуань. В озеро впадал Тарим — самая большая река пустыни Такла-Макан.

На северо-западном берегу этого озера и стоял Лоулань — ближайшее к Хань государство Западного края. Дорога, которая вела из Хань в Западный край, у Лоуланя разветвлялась надвое. Один путь вел на юг: он проходил по северному склону хребта Куньлунь. Второй путь, проходивший по южным склонам Тянь-Шаньских гор, вводил сначала на север, а потом на запад. Южная дорога от Лоуланя шла через царства Цемо (Черчен), Юйтянь (Хотан), Шачэ (Яркенд), Шулэ (Кашгар) и далее вела в Юэчжи. Северный путь шел через земли Гуши, Яньци (Карашал), Луньтай (Бугур), Гуйцы (Куча) и доходил до страны усуней и царства Давань (Фергана). Таким образом, вне зависимости от того, каким путем, северным или южным, путешественник собирался пройти из Китая в государства Западного края, он не мог миновать Лоуланя.

В «Повествовании о Западном крае» из «Истории Хань» о царстве Шаньшань (Чарклык), преемнике Лоуланя, сообщается, что в нем «дворов — 1570, жителей — 14 100, сильных

воинов-латников — 2912». По этим данным можно примерно представить себе и масштабы Лоуланя: это небольшое царство на северо-западном берегу озера Лобнор, имело население 14–15 тысяч человек. С этнической точки зрения жители Лоуланя принадлежали к иранской ветви арийской расы. Они были смуглыми, имели глубоко посаженные глаза и орлиные носы. У большей части людей были очень рельефные черты лица. Жили лоуланьцы земледелием, скотоводством, а также ловлей рыбы и добычей соли на озере Лобнор.

Чжан Цянь впервые познакомил китайцев с этой страной, но, естественно, люди жили в этой области и раньше — может быть, еще за несколько сотен лет до этих событий. Еще до установления отношений с Хань царство Лоулань подвергалось постоянным угрозам со стороны сюнну и страдало от их жестоких набегов, но, несмотря на постоянные попытки порабощения, этот крохотный народ — всего-то 14–15 тысяч человек, теснившихся на берегу прекрасного озера Лобнор — как-то ухитрялся выживать. Как целое, маленькое царство, конечно, не могло противостоять Сюнну, но в поединках один на один вооруженные жители Лоуланя были отважны и неустрашимы. Они также были искусны в конном бою, а их особые боевые приемы управления колесницами и стрельбы из лука часто наводили ужас на соседей.

Итак, У-ди направил Чжан Цяня в далекие и чуждые пределы для того, чтобы выработать план совместных военных действий против Сюнну. Впрочем, истинное отношение Большого Юэчжи к Сюнну не прояснилось и после этой миссии, и в этом смысле У-ди не смог получить от Чжан Цяня тех известий, на которые он рассчитывал. Однако среди полученных сведений, а точнее, среди сведений, которые У-ди никак не ожидал получить, были очень важные детали, которые позволили монарху составить новое представление о государствах Западного края.

В стратегическом смысле царства Западного края имели большую ценность для противостояния Сюнну, ибо, взяв их под контроль, можно было угрожать этому государству с фланга. Стоило подумать и об использовании военной силы этих царств для непосредственных ударов по Сюнну. Кроме того, группа этих маленьких, затерянных в пустыне стран была родиной многочисленных диковинных драгоценностей. Там находили яшму и янтарь. Там были золото, серебро, медь. Там имелись соль, перец, виноградные вина. Там водились лошади, буйволы, слоны, павлины, носороги, львы. Там богато плодоносили фруктовые деревья и в изобилии произрастали пять злаков.^[12] Установив торговые отношения с этими странами, можно было бы хотя бы частично поправить финансы Ханьской империи, истощенные войнами с Сюнну. Особенно заманчивой представлялась У-ди, который страдал от нехватки лошадей, идея восполнить их недостаток за счет благородных скакунов, которых разводили в царстве Давань (Фергана).

У-ди узнал также названия нескольких больших стран, находившихся за царствами Западного края. Безусловно, он не мог сказать, где в точности находятся Кангюй (Канцзюй),^[13] Аньси (Парфия),^[14] Шэньду (Индия), но знал, что это огромные державы, земли которых, несомненно, изобилуют несметными сокровищами. Особенно заинтересовался У-ди жаркой страной под названием Шэньду (Индия), лежавшей в нескольких тысячах *ли* к юго-востоку от Дася (Бактрии).^[15] Услышав, что туда можно добраться, не подвергая себя угрозам со стороны сюнну, а жители этой страны готовы обменивать сокровища, которые она рождает, на товары из Хань, У-ди выказал большую заинтересованность в этом царстве.

В 122 г. до н. э. Чжан Цянь по приказу У-ди во второй раз отправился в Западный край. На этот раз его миссия состояла в том, чтобы достичь Индии и попытаться установить с ней торговые отношения. Однако в пути Чжан Цянь был задержан «юго-западными варварами» и, не достигнув поставленной цели, вернулся обратно.

В следующем году Чжан Цянь в третий раз отправился в Западный край. Незадолго до этого

ханьская армия атаковала сунну и захватила окрестности города Дуньхуан, ^[16] который до того входил в сферу влияния кочевников. Обретя контроль над трактом, который вел в Западный край, У-ди решил не упускать открывшихся возможностей и попытаться впервые в истории установить дружественные отношения со здешними государствами. С этой целью Чжан Цянь был снова направлен в «варварские» земли. Произошло это в 121 г. до н. э.

Жители Лоуланя впервые увидели ханьские войска во время третьего похода Чжан Цяня в Западный край. В тот день в маленькой, обнесенной стенами крепости на берегу озера Лобнор все было вверх дном: после получения известия о продвижении ханьских войск здесь воцарилась невиданная сумятица. Несколько тысяч лошадей и верблюдов, которые обычно паслись у стен крепости, загнали внутрь, все семь крепостных ворот крепко-накрепко заперли. Во всех важных пунктах на стенах цитадели были расставлены вооруженные люди.

С крепостных стен можно было видеть спокойную поверхность озера Лобнор, напоминавшую развернутый рулон синей ткани. Соленая вода озера обычно приходила в бурное волнение от любого ветерка, и потому сегодняшняя тишь отзывалась в сердцах людей страхом и беспокойством. Вода, зеленая у берега, вдаль от него набирала густую синеву. На северном берегу озера, далеко, насколько можно было видеть с крепостных стен, тянулась полоса густого леса. В основном там росли тополя, но среди них лентами проходили заросли тамарисков и других кустарников, которые все вместе складывались в сложную природную ткань с узором из неровных полос. Южный берег озера сплошь зарос мискантом и разными видами тростника. В озеро впадало несколько больших и малых рек, но заросли обступали их столь густо, что увидеть текущую воду можно было, только подойдя к ней вплотную.

Вообще окрестности крепости изобиловали водными путями. словно ячейки плетеной сети, они покрывали всю землю на много *ли* вокруг, исключая лишь северный берег озера с его поясом густого леса. Между реками и протоками тянулись возделанные поля. Были среди водных путей и рукотворные каналы, но по большей части они представляли собой следы древних рек. По этим высохшим руслам к Лоуланю подводилась вода реки Тарим, протекавшей на расстоянии одного *ли* от города.

Итак, строго говоря, Лоулань представлял собой крепость, расположенную среди плодородных земель дельты реки Тарим. С одной стороны к ним примыкала пустыня, с другой стороны — берег озера Лобнор.

По северному берегу реки Тарим шла дорога. С крепостных стен большая часть реки была не видна, поскольку ее скрывала полоса густой растительности, и только в одном месте вода смутно виднелась сквозь синее марево. Несколько лет назад протяженная река в этом месте изменила свое течение и ее берега здесь еще не успели порости кустарником. Иными словами, на этом отрезке и берег реки, и идущая вдоль него дорога были лишены растительности и находились прямо под лучами палящего солнца...

Людам, стоявшим на крепостных стенах Лоуланя, было видно, как по проглядывавшей вдалеке дороге тянется длинная шеренга людей и животных, которые отсюда казались крохотными, словно бобы. С той минуты, как люди и животные выходили из густого леса и до момента, когда они снова скрывались в чаще, проходило весьма много времени. Трое мужчин, выбранных за свою способность хорошо видеть вдаль, с высоты крепостных стен подсчитывали число людей и животных в цепочке. Другие люди громкими голосами поминутно передавали эти сведения под стены крепости, а оттуда — на главный наблюдательный пункт. Такая система передачи данных из уст в уста позволяла постоянно следить за действиями ханьских войск.

В крохотных глазах сухощавого 78-летнего старца, лучшего наблюдателя царства, отразились триста человек и примерно вдвое большее число лошадей; он также насчитал в караване до десяти тысяч волов и овец. Когда старик понял, что около половины лошадей несут

на своих спинах тяжелые тюки с поклажей, то прежде напряженное выражение его лица заметно смягчилось, ибо отражавшийся сейчас в глазах наблюдателя ханьский отряд никак не мог иметь перед собой боевых целей.

Характер суеты, царившей за крепостными стенами, слегка изменился. Все жители Лоуланя поняли, что угрозы немедленного нападения на город сейчас нет, но никто и не подумал расслабляться. Только два дня спустя в городе было снято военное положение, сокровища возвращены из пещерных хранилищ, а лошади и верблюды снова вернулись на свои пастбища за стенами крепости. А еще несколько дней после этого жители Лоуланя толковали о том, почему большой отряд, вышедший из Хань в Западный край, проследовал на запад, не направив ни единого гонца в их царство...

Только спустя полгода правителю Лоуланя стало известно, что тот ханьский отряд отправился от его города на север, к царству У сунь, самому сильному на так называемой северной дороге, которая проходила вдоль северной кромки пустыни Такла-Макан. Установив отношения с Усунь, ханьцы разделились на несколько групп, которые отправились в Давань (Фергана), Кангюй (Канцзюй), в Большое Юэчжи, в Дася (Бактрия), Аньси (Парсрия), Индию, Юйтянь (Хотан), Юйми и другие страны. Стало ясно, что ханьский отряд сознательно обошел царство Лоулань, находившееся в сфере влияния сюнну, равно как и еще одно царство — Гуши, которое тоже находилось у границы Западного края и тоже подчинялось сюнну.

Весь следующий год жители Лоуланя наблюдали, как мимо них буквально ежемесячно проходили на запад и на восток большие и малые ханьские отряды. И не только ханьские. В Лоулане видели, как двигались вдоль берега реки Тарим в Ханьскую империю группы усуней в несколько десятков человек, а с ними по нескольку десятков голов лошадей и верблюдов, как по нескольку дней подряд проходили на восток маленькие группы людей из Дася (Бактрии), тоже с лошадьми и верблюдами. И хотя самих жителей Лоуланя эти события напрямую не затрагивали, им было ясно видно, что отношения между Хань и государствами Западного края день ото дня становятся все более тесными.

Иногда жители Лоуланя выходили за стены крепости, пересекали обширные поля и доходили до берега реки Тарим, чтобы увидеть иноземных путников вблизи. Такого случая им никогда не представлялось с тех давних пор, как эти люди здесь поселились...

Жители Лоуланя думали, что теперь они вряд ли увидят снова хоть одного сюнну. До них доходили слухи о том, что ханьцы разгромили государство Сюнну, что его правитель Хунье сдался. Да в конце концов, уже просто нельзя было не видеть очевидного: путешественники рассказывали, что в Дуньхуане и Цзюцюани, которые прежде были опорными базами Сюину, теперь создано два ханьских уезда, что до Цзюцюани уже дотянулась Великая стена длиной в десять тысяч *ли*, что к западу от Дуньхуана, и прежде всего у застав Юймэньгуань и Янгуань, построено несколько сигнальных вышек и наблюдательных постов — словом, что завершено сооружение своего рода коридора, связывающего Хань с Западным краем.

К этому времени царству Лоулань удалось прожить без набегов сюнну уже целых два года...

Впервые Лоулань принял у себя ханьского посла через три года после того, как там в первый раз увидели ханьский отряд. Это было осенью. Цель визита посла состояла в том, чтобы передать недвусмысленный приказ: царство Лоулань должно выделять необходимое число людей, чтобы снабжать провиантом и водой ханьцев, вышедших через заставы Юймэньгуань и Янгуань в Западный край. Причем такой приказ получило не только царство Лоулань, но и Гуши.

Во исполнение этого приказа царство Лоулань было вынуждено буквально ежедневно посылать на работу в пустыню большое число мужчин. Они выходили навстречу ханьцам, неся

за спиной тяжелые тюки с провиантом и водой — и это была невероятно трудная работа. Многие годы жители Лоуланя страдали от тирании царства Сюнну. Но и подчиняться приказам, за которыми стояла военная мощь Ханьской империи, для этих людей тоже оказалось невыносимо трудно...

Прошел примерно месяц с того дня, как мужчины Лоуланя, вместо того чтобы работать в поле, начали выходить с тяжелыми тюками в пустыню. Однажды ночью жители города слышали звуки, уже очень долго не тревожившие их уши: это было ржание лошадей, которых погоняли сюнну. Отряд сюнну человек в десять ворвался в Лоулань через крепостные ворота и проскакал по всем улицам и переулкам города, демонстрируя его жителям, что народ сюнну все еще живет и здравствует. На острия копий молодых всадников были насажены головы только что зарубленных ханьских воинов. В лунном свете головы поблескивали синевой. С них медленно, одна за другой, падали капли крови...

На следующий день молодые жители Лоуланя, вышедшие, как обычно, в пустыню, убили трех ханьских путников и возвратились вечером в город с награбленным добром. Горожане встретили их восторженными криками. Обитатели Лоуланя хорошо понимали, что им в любом случае придется покориться внешней силе, но из двух зол выбирали не непонятных ханьцев, а сюнну, с которыми их связывали многие годы тесных отношений.

Назавтра в пустыне снова убили ханьцев. Больше жители Лоуланя помогать ханьским послам не выходили. А вскоре в царствах Лоулань и Гуши были расквартированы отряды войск Сюнну, после чего молодые жители Лоуланя начали грабить послов с новой силой.

В начале зимы 108 г. до н. э. в пустынях Западного края произошли первые столкновения между войсками Хань и отрядами Сюнну, которые в очередной раз подошли к заставам Юймэньгуань и Янгуань. Ханьский полководец Чжао Пону во главе войска в несколько десятков тысяч человек вторгся в Западный край, разбил сюнну и отбросил их на север. Оставшиеся после этой кампании силы ханьцев были брошены на берега озера Лобнор для разгрома Гуши и Лоуланя...

Огромное ханьское войско в мгновение ока окружило Лоулань. Ханьцы нахлынули столь быстро, что у города не осталось времени на подготовку к сражению. Поэтому когда ханьский военачальник Ван Хуэй, имея под началом 700 человек, ворвался через ворота в крепость, жителям города не оставалось ничего иного, как, сложив руки, наблюдать за происходящим. Ханьские воины вломились в царские покои в центре города и схватили самого правителя Лоуланя. Он был доставлен в лагерь Чжао Пону, где его заставили поклясться в покорности Хань. Вечером того же дня старший сын правителя был передан китайским войскам для отправки ко двору ханьского императора в качестве заложника.

Взяв в свои руки Лоулань, ханьское войско сразу же атаковало Гуши. После его падения ханьцы решили, что они достаточно напугали Усунь и Давань (Фергана), и весной следующего года их войска возвратились домой.

Однако на место ушедших из Западного края ханьских войск тут же пришли только и ожидавшиеся этого момента отряды Сюнну. Правитель Лоуланя, прежде присягнувший Хань, был вынужден также принести клятву в верности Сюнну и отправить к ним в качестве заложника своего младшего сына...

Единожды направив войска в Западный край, У-ди принял решение и впредь доминировать над его царствами с помощью военной силы. В частности, разгневавшись на царство Давань за то, что его жители отказались продать за тысячу золотых монет своих породистых коней и убили предлагавшего эту сделку ханьского посла, У-ди направил в Давань карательную экспедицию. Во втором году под девизом царствования Тай-чу (103 г. до н. э.) Ли Гуанли во главе шеститысячного регулярного отряда всадников и нескольких десятков тысяч «молодых

негодяев»^[17] вышел в Западный край и двинулся на Давань. Однако на этот раз жители всех царств Западного края не захотели обеспечивать ханьцев продовольствием и укрылись за стенами своих городов. В результате, когда долгая карательная экспедиция приблизилась к своей цели — царству Давань, то большая часть войска просто голодала. Потерпев поражение в решающей битве, Ли Гуанли с немногочисленными оставшимися в живых воинами вернулся к заставе Юймэньгуань. Император У-ди, узнав о бездарном поражении Ли Гуанли, крайне разгневался и издал указ, в котором говорилось: «Кто из войска осмелится войти в пределы империи — немедленно казнить». Остатки разбитой армии не пустили за ворота Юймэньгуань, и они ушли в Дуньхуан.

На следующий год Ли Гуанли снова выступил из Дуньхуана, только во главе войска из шестидесяти с лишним тысяч человек. На этот раз запас оружия и продовольствия у него был велик: с армией шли 100 тысяч волов, более 30 тысяч лошадей, по нескольку десятков тысяч ослов, мулов, верблюдов.

Когда огромное войско Ли Гуанли проходило мимо озера Лобнор, Лоулань по приказу Сюнну выслал им навстречу своих воинов, чтобы потрепать арьергард ханьских частей. Однако китайцы разгадали этот план, и ханьские войска, стоявшие неподалеку от заставы Юймэньгуань, окружили Лоулань. Сюнну выслали в подкрепление осажденным отряд конницы, но защитники города все равно не смогли удержать крепость, и правитель Лоуланя снова попал в плен к ханьским войскам.

Бывшего правителя царства Лоулань доставили в ханьскую столицу Чанъань как раз тогда, когда туда стали одна за другой приходить победные реляции об успехе длительной карательной экспедиции против царства Давань. Ханьские войска окружили крепость Давань и принудили ее защитников сдаться. После этого ханьцы отобрали себе несколько десятков лучших скакунов и более трех тысяч лошадей похуже.

В ходе следствия пленный правитель сказал: «Царство Лоулань маленькое, находится между двух великих держав Хань и Сюнну. Лоулань должен подчиняться и Хань, и Сюнну, иначе он не сможет выстоять. Народ наш очень утомился. Для того чтобы империя Хань овладела Лоуланем, есть только один способ. Покорнейше прошу позволить всем людям царства Лоулань переселиться на земли Хань». Услышав эти слова, У-ди преисполнился жалости и не только не казнил правителя, но и отослал его обратно в Лоулань.

После похода на Давань (Фергана) ханьцы построили сторожевые вышки во всех стратегически значимых местах пустыни от заставы Юймэньгуань до озера Лобнор, приняли меры по обеспечению безопасности дорог, ведущих из Хань в Западный край, а также разместили несколько сот человек в военных поселениях, созданных в Луньтай (Бугур) и других важных пунктах на берегу реки Тарим. Иными словами, нравилось это властителям Лоуланя или нет, но это царство снова попало под контроль империи Хань. Так, в четвертом году под девизом царствования Чжэн-хэ (89 г. до н. э.), когда Хань атаковало Гуши, царство Лоулань по приказу Ханьской империи направило для участия в сражении своих солдат. Таким образом, воины Лоуланя оказались вынуждены сражаться с армией Сюнну которая пришла на помощь Гуши. Воинство Лоулань вышло из этих боев с большими потерями.

Измученный непрерывными душевными метаниями из-за необходимости подчиняться то Хань, то Сюнну, правитель Лоуланя вскоре заболел и скончался. Наследовать лоуланьский трон было некому. Один из сыновей правителя был оставлен заложником в Сюнну, второй — в Хань, но ни один из них вернуться на родину не мог. Посланный в Хань старший сын был обвинен в нарушении законов империи и казнен, а о втором сыне, отосланном в Сюнну, вообще не было никаких известий... Но династия правителей Лоуланя не прервалась: в конце концов, царский трон занял один из родственников прежнего повелителя. Сразу же после этого обе соседние

державы затребовали у нового правителя заложников. Старший из двух его сыновей, Аньгуй, был послан в Сюнну, а младший, Юйтуци, отправился в Хань.

На склоне лет У-ди, который всегда проводил в отношении Западного края исключительно активную политику, слегка утомился от постоянных военных кампаний и перестал выказывать прежний горячий интерес к этим землям — в том числе и по той причине, что его собственная страна оказалась в крайне тяжелом финансовом положении, а народ начал роптать... В результате в царствах Западного края снова появились сюнну и стали медленно, но верно расширять свое влияние на эти земли. В свое время почти все царства, лежавшие на трактах Западного края, признали себя вассалами Хань, однако теперь все большее их число стало «отлагаться» от империи. Следуя велениям времени, Лоулань тоже отдалился от Хань и сблизился с Сюнну.

Новый правитель Лоуланя также недолго казнился необходимостью метаться между двумя могущественными соседями и через несколько лет пребывания на троне скончался. После этого сюнну вернули в Лоулань и возвели на трон его старшего сына Аньгуя, которого все эти годы держали у себя в качестве заложника. Молодому правителю было 28 лет. Политика нового властителя оказалась отчетливо дружественной по отношению к Сюнну и направленной против Хань. Аньгуй хорошо понимал, как трудно приходилось его отцу и прежним правителям, вынужденным лавировать между двумя державами, однако поскольку сам он долгое время жил в военном лагере сюнну, то ему казалось легче поддерживать добрые отношения именно с вождями кочевников — тем более что многих из них он хорошо знал.

Вскоре дружественная Сюнну и враждебная Хань политика нового молодого правителя Лоуланя обрела конкретные очертания. Сразу же после восшествия Аньгуя на трон в его царство прибыл ханьский посол, который пригласил нового правителя прибыть ко двору императора. Аньгуй ответил на приглашение отказом и в Хань не поехал. Более того, он пошел на то, чтобы фактически сделать свое царство форпостом Сюнну, призванным препятствовать отношениям Хань с государствами Западного края. У озера Лобнор снова участились нападения жителей Лоуланя на ханьских послов, двигавшихся на запад, равно как и на послов из царств Запада, направлявшихся с дарами в Хань.

Через несколько лет, после того как Аньгуй вступил на престол, войска Сюнну уже открыто заходили в Лоулань и выходили из города. И в крепости, и за ее стенами всегда можно было видеть целые табуны белых лошадей, принадлежавших людям Сюнну.

Тем временем в Хань скончался император У-ди. Ему наследовал Чжао-ди.^[18]

Из всех царств Западного края, кроме Лоуланя, открыто вошло в лагерь сторонников Сюнну только небольшое царство Гуйцы (Куча). На него постоянно оказывали давление как Хань, так и Сюнну, и в этом смысле тяготы Куча ничем не отличались от испытаний, выпавших на долю Лоуланя или Гуши. В конце концов два маленьких, разделенных пустыней царства склонились к тому, чтобы порвать с одновременной зависимостью сразу от двух стран, и твердо решили (будь что будет!) развивать свои государства в военном союзе с Сюнну.

Аньгуй, конечно, понимал, что Хань когда-нибудь отомстит Лоуланю и Гуйцы за такое решение, но не думал, что развязка наступит гораздо быстрее, чем он предполагал.

Осенью 77 г. до н. э. Лоулань встречал ханьского посла Фу Цзецзы. Это был уже второй его визит в царство за год. В прошлый раз Фу Цзецзы выказал недовольство текущей политикой царства, а Аньгуй тогда с извинениями отослал посла обратно. С тех пор эта политика не изменилась ни на йоту, поэтому Аньгуй снова встречал ханьского посланника с тяжелым сердцем. К несчастью, в это время все расквартированные в окрестностях Лоуланя войска Сюнну крайне нехотя были отведены от города. Так или иначе, Аньгую не оставалось ничего иного, как пригласить посла в свои покои, хотя душа к нему у правителя совершенно не

лежала...

Пировали в большом зале дворца, куда Фу Цзецзы прибыл с двумя сопровождающими. Члены царской фамилии и главные вассалы правителя Лоуланя заняли места вокруг трех ханьских посланников.

Пир был в разгаре, когда Фу Цзецзы сказал, что хотел бы сообщить нечто важное лично правителю. Аньгуй придвинулся к послу, чтобы послушать, что тот скажет, но в это время два молодых ханьца, которые стояли по правую руку от кресла Аньгуя, ударами сзади в мгновение ока закололи правителя. Пока гости в ужасе кричали, Фу Цзецзы вскочил, с нескрываемой злобой оглядел всех и громко, отрывисто стал отдавать приказ за приказом. Собравшимся показалось, что Фу Цзецзы стал похож на разъяренного дэва. Глаза его сверкали огнем, а голос гремел, словно раскаты грома:

— Правитель совершил преступление, он выступил против Хань! Сын Неба послал меня наказать его! Новым правителем будет Юйтуци, который уже давно находится в заложниках в Хань! Он вот-вот прибудет вместе с ханьскими войсками! До тех пор не смейте ничего предпринимать, иначе погубите свое царство!

Не дав никому опомниться, Фу Цзецзы выхватил меч и отрубил Аньгую голову.

Юйтуци, который долгое время жил в Чанъани на положении заложника из Лоуланя, узнал о смерти своего старшего брата от ханских послов. Вскоре он получил приказ спешно вернуться на родину и стать правителем Лоуланя вместо Аньгуя.

Однако для того, чтобы выехать из Чанъани, Юйтуци потребовалось несколько дней.

За это время он подал на имя императора петицию, в которой говорилось: «Я теперь возвращаюсь в Лоулань, но сюнну и их сторонники непременно и тотчас же меня убьют. К счастью, на юге царства Лоулань есть место под названием Исюнь, с озером и тучными землями. Прошу, чтобы Хань создала там военное поселение и послала туда своих солдат. Думаю, это позволит Вашему слуге опереться на их силы, а царству Лоулань сбросить оковы Сюнну. Без этого у меня нет уверенности в том, что я смогу править страной».

После долгого ожидания, Юйтуци, наконец, получил от чиновников ответ: ханский двор решил создать в Исюнь военно-земледельческое поселение и отправить туда 40 воинов во главе с *сыма* — начальником военного приказа.

В сопровождении эскорта из ханских солдат Юйтуци вышел из Чанъани, миновал Цзюцюань и заставу Юймэньгуань, прошел по пустынной области Байлуньдун (Барханы Белого Дракона), о которой говорили — «ни птицы, в небе летящей, ни зверя, по земле бегущего», и наконец впервые после нескольких лет пребывания в Хань увидел вдалеке полосу леса, скрывавшего озеро Лобнор. Минуло уже два месяца с того дня, как Фу Цзецзы заколол Аньгуя, правителя Лоуланя.

Узнав о прибытии Юйтуци, у ворот крепости столпились люди. Они встречали нового правителя холодными взглядами. Когда тот въезжал в ворота замка, один мальчишка — ему не было и десяти лет — вдруг прокричал:

— Не предавай Речного Дракона!

Речной Дракон — так звали местное божество, которое этот народ почитал и считал своим.

А через несколько шагов молодого правителя словно хлестнула криком одна старуха.

Воздев руки к небу, она заголосила:

— Уйти из Лоуланя — значит умереть!

Юйтуци так и не понял, о чем кричали эти двое — мальчишка и старуха...

Дворец правителя строго охранялся хаиьскими воинами. Встретить Юйтуци пришлось множество хорошо знакомых ему мужчин и женщин из правящей фамилии. Но и их глаза обдавали нового правителя ледяным холодом.

Свою первую аудиенцию Юйтуци дал ханьскому военачальнику, который со своим отрядом вошел в крепость, чтобы охранять Лоулань от нападений сюн-ну и внутренних беспорядков.

— В самое ближайшее время в Исюнь придут ханьские воины, — заявил командир. — Новому же правителю следует, не теряя ни единого дня, собрать всех жителей Лоуланя и оставить эти места. Вам нужно перебираться в Исюнь!

От слов ханьского военачальника правитель почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой. За всю свою жизнь Юйтуци не испытывал такого потрясения...

«До тех пор, пока царство Лоулань будет находиться на берегу Лобнора, оно не сможет избежать набегов сюнну. Для того чтобы изъять полную покорность Хань, страну следует перенести далее к югу. В противном случае никакие ханьские войска делу не помогут», — вот как, оказывается, мыслили себе будущее Лоуланя ханьские государственные мужи!

Когда Юйтуци просил Хань создать военное поселение и расквартировать войска в Исюнь, ему и в голову не могло прийти, что туда придется переносить все царство. Ведь для жителей Лоуланя озеро Лобнор было божеством, было общим предком, было всей их жизнью. Эти люди не мыслили ни Лоуланя, ни самих себя без Лобнора, без десятков рукавов впадавшей в озеро реки Тарим, без скрывававших его берега густых лесов, без поросших тростником болот, без садящегося в озеро солнца, без дующего над ним ветра...

Первым своим приказом новый правитель собрал во дворце всех без изъятия представителей правящей фамилии старше десяти лет, а также главных вассалов и старейшин, и объяснил им, в какое тяжелейшее положение попало царство Лоулань. Как оказалось, все собравшиеся уже слышали эти известия от ханьского командира. Оказалось также, что поначалу они подозревали Юйтуци в сговоре с ханьцами, но его слова мало-помалу рассеяли непонимание и злобу по отношению к новому правителю.

День за днем проходил в Лоулане в спорах принцев, вассалов, старейшин. Конечно, никто из них не одобрял мысли о переносе царства с берегов Лобнора в другое место, но нынешнее заявление ханьцев по существу было ультиматумом. Жителям Лоуланя приходилось выбирать одно из двух: либо они игнорируют ханьский приказ с полным осознанием того, что за этим последует гибель царства, либо ненадолго подчиняются воле Хань и гаданием определяют подходящее место для временной столицы рядом с Исюнь.

В конце концов было решено временно подчиниться приказу Хань, оставить крепость Лоулань и заняться строительством нового города к югу от прежнего, а затем при покровительстве Хань набраться сил и при первой же возможности попытаться вернуть столицу на берега Лобнора.

Целый месяц после этого в крепости Лоулань по ночам горели огни: в городе шли моления и пиры. Взволнованные люди не смыкали глаз до поздней ночи, и стар и млад бродили по улицам среди моря огней — их жгли на каждом углу.

Тем временем, наконец, было выбрано место для нового главного города, куда должны были переехать жители Лоуланя. Оно представляло собой пустынный участок, расположенный неподалеку от крепости Исюнь на южном берегу маленького озера, которое конечно не шло ни в какое сравнение с Лобнором... После того как место для новой столицы было выбрано, кто-то (кто точно — неизвестно) назвал ее Шаньшань, что на языке тех мест значило «новая вода»: людям и в голову не могло прийти, что новые места могут быть достойны славного имени «Лоулань». Без Лобнора для них не существовало ни Лоуланя, ни их самих.

Между решением о переносе столицы в Шаньшань и переездом всего царства на новое место прошло почти двадцать дней. Все эти дни жители Лоуланя отдали большим хлопотам. Конечно, людям не верилось, что они надолго покидают свою, с таким трудом обустроенную землю. Впрочем, они не смогли бы поверить в это, даже если бы очень захотели. Но жители Лоуланя уже столько раз меняли свой образ жизни, столько раз переходили из-под защиты Хань под покровительство Сюнну и обратно, что и нынешнее решение далось им сравнительно легко. Ясно, что набеги сюнну будут продолжаться до тех пор, пока ханьцы окончательно не очистят от них Западный край. Поэтому, для того чтобы избежать бесчинств кочевников, нужно на время уйти на юг, под защиту ханьских войск.

Стараясь не попадаться на глаза расквартированным в крепости ханьским солдатам, люди бродили по берегам озера Лобнор в поисках мест, где можно было бы надежно спрятать свои сокровища. Некоторые уходили далеко, за много ли от города. Укрывать было что. Здесь был нефрит, добытый в ночь полнолуния где-то в стране Юйтянь (Хотан). Здесь была редкостная по красоте яшма, найденная в пересохшем русле реки Тарим в нескольких *ли* от крепости Лоулань. Здесь были квадратные куски ткани, которыми украшали стены, и разнообразные одеяния. Здесь

были восхитительные шелковые наряды, игравшие мягкими переливами света, и шелковые туфли. Здесь были многочисленные рога диковинных животных и изготовленные из них тонкие вещицы... И все это нужно было надежно спрятать до той поры, когда жители Лоуланя вернутся в свои родные края, — и спрятать так, чтобы сокровища не достались иноземцам... Вздрагивая от пронзительных криков птиц, которые назывались «озерными яками», но на самом деле верещали как ослы, люди уходили все дальше в лесную чащу, а иные даже забирались на огромные мертвые деревья, лежавшие по берегам озера. Поиски укромных мест не прекращались ни днем, ни ночью.

После того как сокровища были надежно укрыты, жители Лоуланя начали группами уходить из города на берега озера Лобнор, к реке Тарим, к его притокам, к укрытым густым тростником болотам, к обнаженным белым руслам пересохших рек. Во всех местах, так или иначе связанных с водой, они воздвигали алтари, возжигали огни и возносили моления своему божееству — Речному Дракону.

Приближался день, когда жители Лоуланя должны были покинуть свой обжитой город на берегу озера Лобнор, где обитали многие поколения их предков, и перебраться за двести пятьдесят миль от этих мест, в новую столицу Шаньшань. Но накануне исхода случились два печальных события.

Во-первых, скончалась старая принцесса. Это была несчастная женщина: она рано потеряла мужа, а ее сына взяли заложником сюнну. Несколько лет она была прикована к постели, а последних вздох испустила в одном из своих покоев утром того дня, когда столица должна была переехать на новое место. Поскольку покойная принадлежала к царствующей фамилии, ее нужно было похоронить с подобающими почестями. Поэтому начало новой истории народа Лоулань пришлось на один день отложить...

На голову старой принцессы водрузили подвязанную красной лентой шапку, которую она носила при жизни, а тело обрядили в легкую полотняную одежду. Потом останки обернули темно-коричневым покрывалом и положили в гроб.

Похоронная процессия вышла из умирающего города. Гроб внесли на вершину холма в половине *ли* от крепости и опустили в глубокую могилу, вырытую в глинистой почве. После того как могила была засыпана землей, участники похоронной процессии установили на ней несколько больших камней. Прощание было долгим, причем не только из-за горечи человеческой утраты, но и потому, что люди не могли налюбоваться расстилавшимся пред их взорами озером Лобнор — озером, с которым им вскоре предстояло на время расстаться...

И еще одно печальное событие случилось ночью сразу вслед за смертью старой принцессы: покончила с собой вдова прежнего правителя Аньгуя.

Вне всякого сомнения, это было самоубийство. Первой женщину увидела служанка: госпожа возлежала на ложе в роскошном одеянии, тщательно убранная — и бездыханная. Во рту она держала листик ядовитой травы, но на ее лице не было и следа страданий...

Более всего смерть вдовы Аньгуя опечалила Юйтуци. Новый монарх втайне надеялся сделать прекрасную юную жену покойного ората и своей супругой — при условии ее согласия, разумеется... Впрочем, таково было желание не только Юйтуци, но и всей царской фамилии, а может быть, и всех жителей Лоуланя, ибо ее любила вся страна. Но, конечно, теперь Юйтуци никому и слова об этом не сказал: молодой новый правитель был каждый день занят куда более неотложной проблемой переноса столицы на юг и множеством других сопутствующих этому дел. Между тем, прежде он собирался сразу же после переноса столицы в Шаньшань обсудить вопрос о браке с близкими ему людьми и, заручившись их согласием, объявить об этом открыто...

Итак, вдова предыдущего правителя покончила с собой. Причины ее смерти, ее

самоубийства обсуждали в Лоулане все. Одни говорили, что она пошла на этот шаг, переполненная скорбью о несчастной судьбе бывшего правителя. Другие — что ей было горько расставаться с Лоуланем, где похоронен ее муж. Третьи — что ее поступок есть не что иное, как ритуальное «самоубийство вслед» за городом Лоуланем, которому суждено быть брошенным и обратиться в развалины. Истинной причины этой смерти никто не понимал. Тем удивительней, что сама эта смерть не казалась жителям Лоуланя чем-то из ряда вон выходящим. Более того, они вообще не видели в этом событии ничего необычного: произошло то, что и должно было произойти. Удивительно было другое: как это раньше об этом никто не подумал! Только со смертью юной женщины люди поняли, что она и не смогла бы жить нигде, кроме как в Лоулане! Как немыслим был Лоулань в отрыве от Лобнора, так невозможно было даже представить себе молодую правительницу вдали от родного озера.

Из-за кончины старой женщины Юйтуци пришлось на один день задержать уход в Шаньшань. Теперь он был вынужден отложить исход еще на два дня — на этот раз из-за смерти супруги своего старшего брата, бывшего правителя Лоуланя. Похороны молодой женщины состоялись на второй день после ее кончины. Церемония была пышной: две служанки обернули тело в несколько слоев великолепной по красоте ткани, голову украсили тюрбаном. Юйтуци лично положил женщину в гроб и укрыл ее роскошным узорчатым покрывалом, которое он привез из Хань.

Похоронили вдову бывшего правителя на склоне холма неподалеку от горы, где была погребена старая принцесса. Могилу вырыли большую: кроме гроба здесь должны были поместиться многочисленные сундуки с личными вещами и предметами обихода, которые понадобятся покойной в загробном мире. Вместе с ней была даже похоронена одна овца. А украсил свежую могилу молодой женщины пышный, разноцветный закат, блиставший переливами лилового, голубого, темно-багряного — закат, который можно было увидеть только в Лоулане...

Могилу женщины отместили большим тамариском, выкопанным на берегу озера Лобнор, а перед кустом установили огромный каменный кувшин, который должен был служить вазой для цветов. И Юйтуци, и другие участники траурной церемонии не сомневались в том, что в самом недалеком будущем настанет день, когда они снова придут поклониться могиле правительницы.

На рассвете дня, назначенного для начала переселения на юг, все жители Лоуланя собрались на площади перед главными воротами города. Несколько тысяч лошадей и верблюдов были навьючены тяжелыми узлами с поклажей. Когда первые лучи солнца, поднимавшегося из-за берега Лобнора, окрасили гладь озера в ржаво-красный цвет, люди закончили возносить свою последнюю молитву Речному Дракону, и голова каравана наконец двинулась вперед.

Вереница людей, лошадей и верблюдов оставила за собой город и длинной цепочкой потянулась на север. Каравану предстояло сначала обойти болотистую местность, и только потом, следуя извилам высохших рек, повернуть к югу. Передовая часть отряда уже шла по песку пустыни, когда последние в колонне все еще были у городских ворот...

Не прошло и часа после того, как замыкавшие караван люди покинули город, как три всадника, отделившись от процессии, вернулись в оставленный ими утром Лоулань.

Один мужчина подъехал к дому, в котором недавно жил, спешился, вошел в дом, забрал с полки кладовой забытый им топорик, заткнул его себе за пояс, сел на коня и ускакал прочь.

Второй всадник проскакал через весь город, выехал из него через ворота на противоположной стороне крепости и гнал коня до тех пор, пока не въехал в густой лес, укрывавший берега озера. Здесь он сдвинул каменную крышку с ямы, в которой хранились его сокровища, и поставил в нее красивый маленький кувшин, привезенный из западных краев. После этого он снова закрыл яму каменной плитой, присыпал ее землей, завалил старыми

деревьями, забросал опавшими листьями — словом, замаскировал яму так, чтобы никто и никогда ее не заметил, а потом вскочил на коня и вернулся к каравану...

Третий из вернувшихся в город ничего особенного не делал. Он просто объехал на коне все улицы и переулки, вплоть до самых глухих и узких, выехал через те же самые ворота, через которые въехал в город, еще раз оглянулся на его крепостные стены, а потом прищпорил коня и вихрем помчался вслед оставленному им каравану...

Через два дня Лоулань полностью обезлюдел. Казалось, за эти дни город разом постарел на несколько десятилетий. Из-за порывов ветра, но вряд ли только из-за них, быстро осыпались его глинобитные стены, и мелкий, словно пепел, песок покрывал одну улицу за другой. Так или иначе, Лоулань стал быстро терять свои краски и уже больше походил не на город, а на руины города... На третий день вечером, когда ветер наконец стих, в город вошел отряд ханских всадников из нескольких сот человек. Они пересекли пустыню и прибыли в крепость, чтобы стать здесь на постой. Безлюдный город снова наполнился голосами людей и конским ржанием. А по мутно-желтой воде озера Лобнор в этот день забегала мелкая рябь...

В течение почти восьми десятилетий, прошедших с того дня, как в 77 г. до н. э. жители Лоуланя перебрались в Шаньшань, и до 8 г. н. э., когда в Хань началась смута Ван Мана, [19] на просторах Западного края империя Хань чаще всего превалировала над Сюнну. Хань посылала в царства Западного края своих наместников, размещала в разных местах свои военные поселения — словом, в целом постепенно поставила здешние государства под свой полный контроль. Правда, за это время между Хань и Сюнну состоялись крупномасштабные сражения за царства Усунь и Чэши, но Хань все-таки постепенно удалось вытеснить кочевников из Западного края.

Перебравшиеся в Шаньшань жители Лоуланя построили новый город и начали возделывать целинные земли по берегам пресноводного озера, которое ничем не напоминало их родной Лобнор. На новом месте сюнну ни разу на них не напали, и в этом смысле освобождение от гнета кочевников и переезд в Шаньшань стали для жителей Лоуланя подлинным благом.

Прошло десять лет после того, как жители Лоуланя оставили родные места. В третий год под девизом царствования Ди-цзе (67 г. до н. э.), уже при императоре Сюань-ди, [20] из Шаньшаня вышел караван из сотни людей и такого же числа верблюдов. Караван направлялся в Лоулань. Люди шли забирать сокровища, спрятанные когда-то их соплеменниками в городе и его окрестностях.

Более двух третей из этой сотни составляли люди старше тридцати лет, которые после переезда в Шаньшань ни на день не забывали о Лоулани и озере Лобнор. Остальные же либо родились уже после переезда в Шаньшань, либо перебрались сюда совсем еще несмышленными детьми. С рождения и доньше эти юноши ежедневно возносили слова молитв Речному Дракону, и не проходило дня, чтобы уста их не произносили, а уши не слышали названий «Лоулань» и «Лобнор». Но что это на самом деле были за места — этого они, конечно, совершенно не представляли... Как может вода быть соленой? Как может быть соленым песок? Нет, это и вообразить себе невозможно! Единственное, что они знали — так это то, что когда-нибудь вернуться в свои родные места и будут жить в самом прекрасном городе на свете. Они твердо в это верили, ибо разве могла быть иной судьба их народа, predeterminedная их божеством?

Однако поход в Лоулань окончился трагически: по пути, в самом сердце пустыни, на караван напал отряд сюнну. Погибли десять человек и почти половина верблюдов. Остальные люди кое-как добрались до Лоуланя, но там обнаружили, что окрестности города превращены в укрепленный район, наводненный ханьскими солдатами. Их отряды прибывали сюда из Хань для подготовки удара по войскам Сюнну, которые заняли царство Чэши. Ханьцы непрерывной колонной тянулись вдоль берега озера, проходили через город и направлялись дальше. Пришедшие так и не смогли откопать свои сокровища: им не только не дали войти в крепость, но и вообще не подпустили к ней.

Глядя с барханов на далекий Лоулань, который когда-то был их столицей, старожилы вдруг увидели, что и сам город, и его окрестности выглядят уже совсем не так, как в их времена. Внизу, под ногами, сильнейший ветер словно стлался по земле, так что в невысоких местах закручивалось множество маленьких песчаных вихрей. Десять лет назад они таких песчаных вихрей никогда не видели. Многочисленные холмы, окружавшие город, изменили свои очертания и казались теперь совершенно холодными и неприветливыми. Озеро, прежде сверкавшее кристально-чистой водой, стало грязным и мутным. Прибрежный тростник поредел, а волны в прибрежной полосе бессмысленно бурлили и бросались друг на друга.

«Ярится Речной Дракон», — пришли к выводу обитатели Шаньшаня, которые всего лишь десять лет назад были жителями царства Лоулань. Делать было нечего — им пришлось возвращаться домой с пустыми руками, не раскопав ни единого клада...

Прошло еще десять лет, когда один старик лет семидесяти, по должности водных дел мастер, решил в одиночку добраться из Шаньшаня в Лоулань на верблюде. Он ушел, никому не сказав ни слова, и потому внезапное исчезновение старика вызвало переполох среди его родных и близких.

Шел он долго. Только на десятый день старик завершил, наконец, свое путешествие через пустыню и вышел к Лоуланю — городу, который он никогда не забывал. Спешившись, он вошел в городские ворота. Крепость встретила его полным запустением. В ней не было ни души.

Пройдя несколько десятков шагов от восточных ворот крепости, старик увидел мертвого ханьского солдата. Труп был свежий. Еще через несколько десятков шагов лежали лицами вниз три воина с юнну — все пораженные стрелами в спину. Пройдя еще несколько шагов, старец снова увидел мертвого солдата, на этот раз ханьского...

Внезапно старик замер: где-то рядом послышалось лошадиное ржание. Показалось? Нет, ошибиться он не мог...

Старец опрометью бросился к воротам, вскочил на оставленного на привязи верблюда и тотчас же покинул жуткий город. Он спустился на землю со спины верблюда только через сутки бесконечной тряски, когда понял, что ему удалось добраться до прибрежных зарослей у южной оконечности Лобнора. И только здесь старик осознал, что не достиг ни одной из целей, ради которых отправлялся в Лоулань. Он хотел забрать спрятанные ценности. Он хотел поклониться могилам предков. Наконец, он хотел вдоволь, до пресыщения, налюбоваться видами берегов Лобнора — озера, у которого он когда-то жил. Но все эти планы напрочь забылись при виде мертвецов в крепости Лоулань...

Когда старик понял, что до берега Лобнора не так уж и далеко, он снова поднялся на верблюда, и уже через полстражи вышел на берег озера, которое, действительно, было очень похоже на Лобнор. Спешившись, он обратил свой взгляд на водную гладь, и первое, что бросилось ему в глаза — несколько башен кроваво-красного цвета. Одна из них взметнулась очень высоко; маковки других таких же красных башен едва приподнимались над ее основанием. Старик долго смотрел на башни. Ему и в голову не могло прийти, что увиденное им принадлежит нашему миру. Оставалось только удивляться тому, какую удивительную и многокрасочную картину создало все то же озеро, подернутое мелкой рябью волн...

Снова поднявшись на верблюда, старик отправился прочь из этих мест. Теперь ему казалось одинаково странным и необычным и то, что он увидел прежде, в Лоулани, и то, что наблюдал только что, на озере. А когда такие странные видения являются во множестве, то это может значить только одно: ярится, гневается Речной Дракон. Иначе как же это все понимать? ...

Вернувшись в Шаньшань, старик никому не сказал ни слова о том, куда он ходил и какие странные видения ему явились. Сам же пришел к такому выводу: для того чтобы успокоить Речного Дракона, жители Шаньшаня должны как можно быстрее возвратиться в родные места, в Лоулань.

Несмотря на случавшиеся порой крайне жестокие схватки, подобные той, какую довелось увидеть в Лоулани престарелому путешественнику, в целом во время правления императора Сюань-ди империя Хань вполне владела положением в Западном крае. Во второй год царствования под девизом Шэнь-цзюэ (60 г. до н. э.) император Сюань-ди даже установил должность *сиюй духу* — Всеохраняющего Западный край — и пожаловал ее Чжэн Цзи. После того как Чжэн Цзи обосновался в городе Улэй (Енгишар) царства Гуйцы (Куча), территории

Западного края окончательно перешли под руку Хань. Торговля между империей и государствами края процветала: так, через северные земли Лоуланя караваны с Запада проходили едва ли не каждый день...

В 8 г. н. э. в Хань началась смута; власть в империи узурпировал Ван Ман. При нем Хань в своей политике перестала обращать внимание на государства Западного края, и в результате на этих землях вновь начались неурядицы. Этим не замедлили воспользоваться сюнну, которые опять стали проникать в Западный край. Их усилия привели к тому, что некоторые царства скоро перестали подчиняться ханьскому Всеохраняющему.

Шаньшань, впрочем, всегда оставался в лагере сторонников Хань: ведь его жители решились покинуть Лоулань, где жили многие поколения их предков, только для того, чтобы заново отстроить свою страну под покровительством империи. Могли ли эти люди изменить решению полагаться на Хань, принятому ими за счет Лоуланя? К тому же, если снова подчиняться Сюнну, то зачем было тогда перебираться в Шаньшань? Тогда терялся сам смысл исхода...

Конечно, сейчас среди жителей Шаньшаня можно было по пальцам пересчитать тех, кто помнил времена Лоуланя, но в душе все понимали, что сам смысл ухода из Лоуланя состоял в полном и окончательном разрыве с Сюнну. Шаньшань при любом развитии событий должен подчиняться Хань, а его люди — вернуться на свою родину, в Лоулань. А для жителей Шаньшаня слово «Лоулань» по-прежнему означало «город, в который нужно вернуться»...

Тем временем в Китае закончилась поднятая Ван Маном смута, и на престол вступил император Гуай-у-ди.^[21] Однако теперь Хань была гораздо слабее, чем прежде, и потому Западный край продолжал бурлить. Набеги же сюнну на эти земли становились все более яростными.

В 38 г. н. э. третий правитель Шаньшаня и властитель царства Шачэ (Яркенд), которое к тому времени постепенно стало одним из самых сильных государств Западного края, совместно направили ко двору Хань послов с богатыми дарами. Послы привезли петицию, в которой правители Шаньшаня и Шачэ настоятельно просили Хань направить в Западный край своих солдат и восстановить должность Всеохраняющего Западный край, упраздненную из-за смуты в империи. В послании утверждалось, что не только эти два царства, но и все государства Западного края не в силах более терпеть гнет Сюнну и просят под руку Хань.

В 41 г. н. э. Сянь, правитель Шачэ (Яркенд) направил в Хань уже свое собственное посольство, которое повторно обратилось с просьбой восстановить должность Всеохраняющего Западный край. Но Гуан-у-ди не хотелось осложнять отношения с Сюнну, и потому он на этот призыв не ответил, а вместо того послал печать со шнуром Всеохраняющего Западный край самому правителю Шачэ. Но этим дело не кончилось: Бэй Цзунь, тогдашний ханьский губернатор Дуньхуана, подал на высочайшее имя прошение, в котором утверждал, что недопустимо передавать печать Всеохраняющего в руки варваров. В результате правитель Шачэ был вынужден вернуть дарованную ему печать, и потому сильно озлобился на Хань. Он понял, что у империи нет желания входить в дела Западного края, и загорелся страстным желанием создать свой собственный союз государств под своим же началом. Постепенно царство Шачэ стало проводить в отношении других государств все более агрессивную политику.

Не в силах терпеть притеснения со стороны Шачэ, царства Западного края совместно обратились с жалобами к Хань. Шаньшань, Гуйцы (Куча), Чешу Ближнее (Турфан), Яньци (Карашал) и другие — всего 18 государств — направили к ханьскому двору своих послов, а каждый из правителей определил на службу в Хань своего сына. В дар ханьскому императору были также посланы редкостные драгоценности и детальное описание положения дел в Западном крае. Взамен послы настоятельно просили Гуан-у-ди решительно взять на себя

управление Западными землями. Один за другим послы 18 стран говорили о том, как жаждут они отдаться под управление Хань, однако Гуан-у-ди давал всем им очень уклончивые ответы. Так, он распорядился щедро наградить всех послов, но отказался принять к себе на службу царских отпрысков.

Вскоре после этого царство Шачэ напало на Шаньшань, жителям которого пришлось вступить в бой с захватчиками. С момента переезда сюда это был первый случай, когда жители Шаньшаня взяли в руки оружие для защиты своего города — и были наголову разбиты Шачэ. Пытаясь спасти свою страну, правитель Шаньшаня снова, в третий раз направил в Хань посла, который попытался обратиться к императору с просьбой помочь Западному краю. Но Гуан-у-ди и на этот раз остался безучастным. Стало ясно, что царству Шаньшань придется самому искать средства для своего спасения. Спустя некоторое время правители Шаньшаня и Чэши решили перейти в лагерь сунну. Таким образом, озлобившиеся на бездействие Хань жители Шаньшаня решили снова попытать счастья под властью кочевников.

С тех пор как они покинули Лоулань, землю своих предков, прошло уже 120 лет...

После Гуан-у-ди на ханьский трон вошел император Мин-ди.^[22] Занятый внутренними делами, новый правитель также не имел времени, чтобы заниматься проблемами иных народов. Подобно Гуан-у-ди, он тоже накрепко закрыл заставы Юймэньгуань и Янгуань, служившие воротами в Западный край, и таким образом государства Западного края вновь оказались предоставлены сами себе перед лицом бесчинств сюнну. Понятно, что вскоре сюнну снова поработили Шаньшань, как, впрочем, и другие царства края. Все они опять были принуждены терпеть бремя жесточайших поборов.

Как оказалось, Хань оставила Западный край очень надолго. По-новому взглянуть на эти территории империя заставила только набеги северных сюнну^[23] на ханьский район Хэси,^[24] начавшиеся в конце правления Мин-ди. Для того чтобы защитить Хэси, Хань должна была выйти в Западный край, и наоборот: для того чтобы выйти в Западный край, его нужно было освободить от влияния Сюнну.

В шестнадцатом году под девизом царствования Юн-пин (73 г. н. э.) ханьский двор принял, наконец, решение «усмирить» сюнну. Два ханьских военачальника, Доу Гу и Гэн Чжун, вышли во главе своих войск из крепости Цзюцюань, продвинулись по пустыне далеко к северу, нанесли удар по Сюнну и захватили их главный опорный пункт в Иулу. Сразу же после окончания военных действий против сюнну командующий Доу Гу отправил в Западный край для установления связей с местными царствами своего посла Бань Чао.^[25] Бань Чао в сопровождении тридцати шести человек вышел с заставы Юймэньгуань и после шестнадцатидневного перехода через пустыню прибыл в Шаньшань.

За 60 с лишним лет, прошедших после мятежа Ван Мана, в царстве Шаньшань впервые встречали ханьского посла, а жители Шаньшаня впервые видели такое число ханьцев. Гуан, правитель Шаньшаня, встретил Бань Чао очень тепло, но за те несколько дней, пока посол находился в городе, в тридцати *ли* от Шаньшаня появился отряд сюнну, поэтому правитель, опасавшийся гнева кочевников, как-то вдруг изменил свое отношение к ханьскому послу. Однако Бань Чао по быстрой перемене его настроения понял, что неподалеку появились сюнну. Выяснив, где именно они находятся, Бань Чао той же ночью внезапно атаковал лагерь сюнну и вернулся с головой убитого посла кочевников.

Убоявшись храбрости и военной силы Бань Чао, правитель Шаньшаня согласился подчиниться ханьцам. После этого Бань Чао отправился объезжать другие царства Западного края. В конце концов, благодаря его усилиям связи между Хань и странами Западного края были восстановлены — впервые за последние 50 лет. Измученные долголетней тиранией Сюнну, царства Шаньшань, Юйтянь (Хотан), Шуле (Кашгар), Чэши Ближнее (Турфан), Чэши Дальнее (Цицзяоцзин) и другие с радостью подчинялись Хань. В империи также восстановили должность Всеохраняющего Западный край.

Казалось, Хань окончательно взяла эту область под свой контроль. Но нет: спустя всего лишь два года после этих событий, в восемнадцатом году под девизом правления Юн-пин (75 г.), сюнну собрали двадцатитысячную армию и попытались вернуть себе Западный край. Развернулась долгая война между Сюнну и Хань, война не на жизнь, а на смерть, война, на которой Бань Чао провел всю свою жизнь...

Но еще до того как огромная армия Сюнну двинулась к югу, чтобы сойтись в решающем сражении с силами Хань, правитель Шаньшаня во главе двух тысяч своих воинов нанес удар по земле своих предков — Лоуланю. Получив известие о том, что Бань Чао стал в Шуле (Кашгар),

обладавшем тридцатитысячным войском, и что это царство решено сделать опорным пунктом для управления Западным краем, горячий правитель Шаньшаня окончательно потерял голову и вдруг вознамерился вернуть себе Лоулань, который сюнну давным-давно превратили в мощный укрепленный пункт. Жители Шаньшаня ненавидели сюнну куда более яростно, чем обитатели других царств Западного края. Ведь каждый раз, когда сюнну приходили в город, всем им приходилось наглухо закрывать двери своих домов, прятаться в подполах и там пережидать бесчинства пришельцев — а такое повторялось по нескольку раз в год. Мало того, кроме этих грабежей, жители Шаньшаня должны были мириться и с огромной данью, которую они ежегодно выплачивали Сюнну...

Для нынешних жителей Шаньшаня, в отличие от их предков, Лоулань уже не был «городом, куда нужно вернуться». Нет, теперь это было место, где однажды предстоит свершить отмщение и вырезать всех сюнну... Именно с такими мыслями всадники двухтысячного, хорошо вооруженного шаньшаньского отряда оседлали своих лошадей и верблюдов и выступили туда, где в могилах покоились их предки — к берегам никогда ими не виденного озера Лобнор.

Первые три дня похода людей страшно мучили чудовищные ветра, но ни один из воинов не повернул назад. За тридцать *ли* от Лоуланя все пересели с верблюдов на лошадей. Глубокой ночью войско подошло, наконец, к крепости. План шаньшаньцев состоял в том, чтобы взобраться по ее стенам и нанести внезапный удар по войскам сюнну, занимавшим цитадель. Однако сражение началось еще на подступах к ней: сюнну разгадали планы внезапного ночного удара шаньшаньцев, и, когда те предприняли попытку приблизиться к стенам крепости, на них сверху полетели отравленные стрелы. Между осаждавшими и лучниками из крепости завязался бой, в котором шаньшаньские воины гибли один за другим. Когда же ядовитые стрелы вывели из строя значительную часть шаньшаньцев, отряд сюнну неожиданно ударил по ним с фланга. Увидев, что положение безнадежно, правитель Шаньшаня был вынужден дать приказ отходить...

Шаньшаньские бойцы обратились в бегство. Под покровом ночи они разбились на мелкие группы и стали уходить через пустыню в сторону Шаньшаня. Часть бежавших была добита преследовавшими их сюнну, часть заблудилась в пустыне... Тех, кто сумел вернуться в Шаньшань, едва ли набралось и три сотни человек... Все думали, что в этой схватке погиб и Гуан, правитель царства, но он, весь израненный и еле живой, тоже вернулся домой...

Итак, атака на Лоулань закончилась трагически, однако она убедила жителей Шаньшаня в том, что у них нет иного выхода, кроме как полагаться на Хань.

Вообще императору Мин-ди трудно было управлять Западным краем как раз потому, что царства варваров были исключительно склонны к измене. Да и Бань Чао именно из-за этого и провел всю свою жизнь в Западном крае, в войнах против варварских племен. Из всех стран Западного края только царство Шаньшань никогда более не выходило из лагеря сторонников Хань. Или, наверное, лучше сказать — не смогло выйти...

В четырнадцатом году под девизом царствования Юн-юань (102 г. н. э.) постаревший Бань Чао, который всю жизнь провел на полях сражений в Западном крае, вернулся, наконец, в Лоян.^[26] После него должность Всеохраняющего занял Жэнь Шан, чье имя, судя по иероглифам, означало «Более ответственный». Однако ответственности-то он и не проявил: дело дошло до того, что почти все государства Западного края опять «отложились» от Хань, а на эти земли снова стали активно проникать сюнну.

В первом году под девизом царствования Юн-чу (107 г. н. э.) ханьский двор принял решение полностью оставить Западный край, то есть отозвать оттуда Всеохраняющего, чиновников, военных колонистов и вывести все войска. Причин тому называлось три: во-

первых, дорога в Западный край была далекой и трудной; во-вторых, варварские народы были непостоянны и склонны к измене; в-третьих, пребывание войск в Западном крае требовало колоссальных средств. Посему заставы Юймэньгуань и Янгуань были в очередной раз накрепко закрыты, а на исторической арене снова появились очередные властители Западного края — северные сюнну, которые опять превратили Лоулань в свою крепость.

В царствование императора Ань-ди,^[27] в шестой год под девизом Юань-чу (119 г. н. э.), северные сюнну вступили в союз с государствами Западного края, лежащими к югу от Тянь-Шаня, и стали нападать на территории Хань, расположенные в районе Хэси, к западу от реки Хуанхэ. Опасаясь еще более масштабного вторжения сюнну, губернатор Дуньхуана Цао Цзун подал на высочайшее имя петицию с нижайшей просьбой осчастливить подданных мерами по восстановлению управления царствами Западного края. В результате было решено «умиротворить страны Запада», направив в крепость Иулу более тысячи солдат под командованием *чжанши*^[28] Со Баня... Первыми тогда подчинились империи Хань царства Чэши Ближнее (Турфан) и Шаньшань, более других пострадавшие от набегов сюнну.

В ответ сюнну уже в следующем году при поддержке войск Чэши Дальнего (Цицзяоцзин) разгромили Чэши Ближнее и убили Со Баня. Во время этих событий правитель Шаньшаня во главе своего войска вышел на помощь Со Баню, но был разбит отрядом сюнну.

После этого правитель Шаньшаня обратился за помощью к губернатору Дуньхуана Цао Цзуну, и тот направил в столицу новую петицию, в которой попросил выделить пять тысяч солдат для «усмирения» сюнну. Однако ханьский двор этой просьбе не внял.

Когда к ханьскому двору был призван Бань Юн, сын того самого Бань Чао, который так преуспел в освоении Западного края, власти поинтересовались и его мнением по этому вопросу. Бань Юн предложил восстановить издавна существовавший в Дуньхуане гарнизон численностью 300 человек, а кроме того разместить в крепости Лоулань 500 солдат под началом *чжанши* Западного края. Но и этот план осуществлен не был.

Позднее, в 124 г. н. э., император Ань-ди все-таки назначил Бань Юна *чжанши* Западного края, и тот во главе 500 солдат вошел на эти территории. Шаньшань и на этот раз присоединился к ханьскому лагерю самым первым.

Благодаря Бань Юну влияние Хань на государства Западного края было в очередной раз восстановлено — правда, снова ненадолго. По мере того как охладевал пыл ханьцев в отношении управления Западным краем, здесь снова стали появляться сюнну...

Таким образом, царство Шаньшань, зажатое между Хань и Сюнну, всегда страдало от набегов кочевников и всегда быстро подчинялось ханьцам, когда те появлялись в Западном крае. Но в итоге получалось так, что ханьцы раз за разом обманывали шаньшаньцев. Быть обманутым снова и снова, сегодня как вчера, а завтра как сегодня — такова уж, видно, была судьба царства Шаньшань...

Когда-то, во времена императора У-ди, в бассейне реки Тарим насчитывалось свыше 30 малых городов-государств. Стиснутые между двумя империями, они временами примыкали к Хань, временами — к Сюнну, да к тому же нередко воевали между собой. Однако с началом в Китае периода Троецарствия, то есть примерно с 280 г.,^[29] число таких царств начало постепенно уменьшаться, и на их месте образовалось несколько крупных государств. Так, царство Шаньшань завладело Цемо (Черчен), Сяовань, Цзинцзюе (Ния) и другими землями, а царство Юйтянь (Хотан) вобрало в себя Жунлу, Уби, Цзюйле, Пишань и др.

Особенно увеличили свои владения Шаньшань, Юй-тянь (Хотан), Яньци (Карашал), Гуйцы (Куча), Шулэ (Кашгар) и Чэши Дальнее (Цицзяоцзин). Эти шесть царств занимали теперь гораздо более обширные территории, чем во времена императора У-ди.

Впрочем, несмотря на свои большие размеры, эти страны по-прежнему практически непрерывно находились в подчинении у сяньби,^[30] сменивших на севере сюнну, и прочих народов. С другой стороны, эти царства были вынуждены поддерживать отношения и с властями Китая как страны, противостоявшей этой новой силе.

Во второй год правления под девизом царствования Тай-нин китайского императора Мин-ди из династии Восточная Цзинь^[31] (324 г. н. э.), Чжан Цзюнь, правитель царства Раннее Лян,^[32] которое тогда владело Дуньхуаном и его окрестностями, отдал приказ генералу Ян Ги преодолеть зыбучие пески и нанести удар по Шаньшаню и Куча. В тот раз оба царства сдались на милость Чжан Цзюня, а Юаньмо, правитель Шаньшаня преподнес победителям красивых женщин...

Позднее, во времена правления в Китае императора Сяо-у-ди^[33] из династии Восточная Цзинь, а, точнее, в седьмой год под девизом царствования Тай-юань (382 г. н. э.), правители Чэши Ближнего (Турфан) и Шаньшаня прибыли ко двору Фу Цзяня, властителя царства Раннее Цинь.^[34] Облаченные в дарованные им придворные парадные одеяния, два правителя из Западного края были удостоены аудиенции Фу Цзяня в Западном зале. Пораженные великолепием дворца и строгой торжественностью церемонии, они изъявили желание отныне ежегодно приносить дань правителю Китая, однако Фу Цзянь от даров такого рода отказался по причине отдаленности царств Западного края. Вместо этого было решено принимать дары один раз в три года, а давать аудиенцию один раз в девять лет. Сразу после этого визита оба царства по приказу Фу Цзяня пропустили через свои территории семидесятипяти тысячное войско, шедшее под командованием генерала Люй Гуана. В ходе этих событий жителям Чэши Ближнего (Турфан) и Шаньшаня снова пришлось сражаться с воинами из других царств Западного края.

Впрочем, вскоре после этого царство Раннее Цинь потерпело поражение от правителей Восточной Цзинь и прекратило свое существование. Как следствие, земли Западного края снова охватила смута.

В это время один молодой шаньшаньский военачальник принял решение атаковать Лоулань, который уже давно вернулся под власть китайцев. Воспользовавшись возникшей смутой, он вознамерился взять в свои руки землю, на которой стоял город его далеких предков, территорию, которая по праву принадлежала царству Шаньшань, но стала вместо этого военным лагерем теперь уже несуществующего Раннего Цинь.

Имея под началом не более 500 человек, военачальник шел на Дуньхуан, когда ему в голову пришло решение напасть на Лоулань. Поэтому до Дуньхуана он не дошел, а по пути повернул на Лоулань. За исключением молодого командира, никто из пятисот бойцов даже не подозревал о том, что они как-то связаны с этим городом.

Отряд день и ночь безостановочно двигался маршем через пески до тех пор, пока до крепости Лоулань осталось не более половины дневного перехода. Ночью воины хорошо отдохнули, а на рассвете следующего дня двинулись к городу. Только теперь молодой командир объяснил подчиненным их задачу: отбить Лоулань у его защитников, потерявших былую силу. Командир также объяснил, какое огромное значение имеет Лоулань для каждого из воинов. Шаньшаньские солдаты всегда относились к своим командирам с почтением и уважали их за храбрость, поэтому и против этого приказа никто возражать не стал. Воодушевленные задачей взять в свои руки город великих предков, воины ничуть не сомневались в том, что с таким замечательным командиром они обязательно это сделают.

Едва отряд вышел в путь, поднялся сильный ветер. Он стал еще более яростным, когда солдаты подступили к стенам старой крепости. Ведомые своим командиром, воины шаг за шагом продвигались вперед, хотя среди песчаной бури не было видно ни зги, а ветер едва ли не

уносил их прочь вместе с лошадьми...

Наконец из туч песка показались громадные пепельно-серые стены крепости и неясные контуры башен.

Молодой офицер занял свое место во главе отряда. Зарубив трех часовых, дежуривших у ворот, солдаты мгновенно ворвались в крепость. Началась сеча. Атакующие не знали, каковы в точности силы защитников, но их явно было гораздо больше, чем ожидалось. Штурмовой отряд разбился на несколько групп, в каждой из которых воины старались держаться вместе, не доводя дело до поединков один на один. Общий бой охватил каждый дом, каждый переулок, каждую башню, каждое укрепление в крепости.

Наступила ночь. Бойцам казалось, что она наступила слишком рано. С приходом ночи ветер стих. Шаньшаньцы потеряли убитыми треть своих воинов, но потери защитников крепости были в несколько раз больше.

На рассвете в городе произошла еще одна мелкая стычка, но она оказалось последней. Сражение завершилось. Оставшиеся в живых защитники, по-видимому, скрылись под покровом ночи: с рассветом в крепости не удалось обнаружить ни одного неприятельского солдата. Шаньшаньцы несколько раз обошли усеянный трупами город. Как и все захватчики, они заглядывали в каждую постройку, в каждый дом в поисках денег и дорогих вещей.

Молодой офицер в сопровождении нескольких подчиненных поднялся на башню, чтобы посмотреть на землю, которой его далекие предки правили почти шестьсот лет тому назад. Его взору открылся совершенно мертвый пейзаж. Вокруг крепости, насколько мог видеть глаз, простиралось море песка, изрезанное бесчисленными мелкими барханами, которые напоминали вздыбившиеся, колючие белые волны.

Ветер продолжал дуть, хотя уже не столь яростно, как вчера. Он срывал с гребней, вершин и склонов белых барханов мелкий песок, закручивал его вихрями и поднимал вверх. Песчаные вихри сливались в единую тонкую завесу, которая быстро продвигалась с севера на юг.

Молодой офицер размышлял о том, как же его далекие предки выживали здесь без рек и без озер, когда увидел на северо-востоке нечто вроде полосы густого леса. «А нет ли там хоть маленького пруда?» — подумал он.

Один из подчиненных офицера, которому было приказано собрать в крепости трупы и вывезти их в пустыню, сообщил ему, что в лесной полосе действительно находится озеро, длинное и узкое, словно лезвие меча. А еще солдат говорил, что это озерцо все тянется и тянется куда-то вдаль, хотя потом, конечно, где-то наверняка смыкается с большим озером.

Молодой офицер решил вместе с солдатами пойти посмотреть на длинное озеро. Уверенный в том, что враг не пришлет в крепость подкрепление, он был очень весел и беззаботен.

Озеро, кинжалом входившее в зелень леса, оказалось совсем мелким, но вода в нем была выше всяких похвал, чистая и прозрачная. Это мелководье тянулось без конца и края, но само озеро постепенно набирало ширину, а на воде уже кое-где стали видны птичьи стаи...

Вернувшись в крепость, шаньшаньские солдаты собрались вокруг бочек с вином, найденных в поверженном городе. Начался пир победителей.

День быстро шел к концу, и заходящее солнце окрашивало небо многоцветным сиянием. Шаньшаньцы никогда прежде не видели такого потрясающе красивого заката. Один из солдат сказал, что увидеть такой закат — дурная примета, так что им лучше как можно быстрее уйти из города. Храбрый молодой командир и сам подумал, что это очень уж зловещее предзнаменование, но тем не менее шаньшаньский отряд остался в крепости еще на одну ночь...

Утром до шаньшаньских воинов стали долетать странные, совершенно незнакомые им

звуки, напоминающие голоса диковинных музыкальных инструментов. Ветер? Ветер продолжал свирепствовать, но это не был свист ветра — звуки проникали сквозь него.

В тот момент, когда молодой командир отдавал одному из солдат приказ подняться на башню, откуда-то прилетела стрела. Ударившись о стену дома, она упала на вымощенную камнем мостовую. Стрела была довольно длинной.

Это был сигнал. Вскоре на крепость обрушился настоящий ливень из стрел. Было видно, что прилетают они издалека, но откуда именно — понять было невозможно: сильнейший ветер сносил большую часть стрел, и они падали на землю плашмя.

Наконец, вернулся посланный на башню шаньшаньский солдат. Он доложил, что из-за песчаной бури небо черным-черно и потому ровным счетом ничего не видно. Командир сам поднялся на башню и убедился, что солдат говорил правду: разглядеть хоть что-нибудь за стенами крепости было решительно невозможно.

Казалось, что на землю спустилась ночная тьма. В черном небе ревел ветер, и в его реве слышался еще один голос — это всеми своими волнами яростно кричал Лобнор. Если бы молодой офицер вчера набрался терпения и прошел немного дальше, то увидел бы это озеро своими глазами...

Командир спустился с башни. Дождь из падающих стрел становился все гуще, странные музыкальные звуки — все ближе. Молодой офицер собрал всех своих бойцов и повел их к воротам: сражение с превосходящими силами противника нельзя было вести внутри крепости. Построившись боевым порядком, шаньшаньцы поспешили к выходу и у самых ворот, перед караульным помещением, столкнулись с облаченными в диковинную форму воинами противника, чей отряд как раз входил в город. Шаньшаньцам пришлось отказаться от попытки вырваться за пределы крепости, им пришлось схлестнуться с врагом прямо в воротах.

Вражеские воины взметнули над головами длинные мечи, закружились, словно в странном танце, и ринулись вперед. Шаньшаньские солдаты встретили врага длинными пиками, но в это время на поле боя обрушился настоящий песчаный водопад, который накрыл и своих, и чужих, и схватка сама собой прекратилась, потому что песок не только быстро забил все складки обмундирования, но и мгновенно запорошил глаза воинам.

Ветер ревел все громче, песчаная буря становилась все сильнее. Солнце полностью скрылось во тьме, и противники окончательно потеряли друг друга из виду.

Молодой офицер и несколько солдат наконец-то вырвались за ворота, но не смогли сделать и шагу дальше: здесь песчаная буря лютовала еще сильнее, чем в крепости. Шаньшаньские воины один за другим выходили из ворот — и сразу же прижимались к крепостной стене. Тут же, под стенами, толпилось множество солдат противника, которые не могли сделать и шага, чтобы попасть в крепость. Кроме воя ветра и шума волн отовсюду слышались ржание сотен лошадей и надрывные крики верблюдов...

Ветер безумствовал еще трое суток, не стихая ни днем, ни ночью. Он не только похоронил под слоем песка множество людей, лошадей и верблюдов, но и засыпал до половины крепостные стены...

Итак, неожиданно начавшееся здесь сражение на удивление быстро и закончилось. Вместо того чтобы сражаться друг с другом, шаньшаньцы и их противники потратили три дня на битву с песчаной бурей.

К вечеру четвертого дня, когда ветер, наконец, немного стих, молодой командир увел солдат от крепости Лоулань, оставив десятки своих подчиненных лежать в песках. Иноземные завоеватели, которые в борьбе с песчаной бурей тоже потеряли часть товарищей, также покинули маленькую цитадель в пустыне.

Лишившись всех лошадей, шаньшаньцы были вынуждены возвращаться домой пешком

порядком. Когда они уходили из крепости Лоулань, в пустыне все еще стоял целый лес из сотен песчаных смерчей. Только к вечеру их стало немного меньше.

Уцелевшим шаньшаньцам пришлось еще несколько дней испытывать на себе все трудности перехода по пустыне. Им слышались то оживленные голоса каких-то людей, беседующих у семейного очага, то ржание табуна лошадей, который, кажется, проходил где-то совсем рядом. Они видели на своем пути крохотные лесные островки, в которых, несомненно, били из земли живительные родники, но дойти до них не было никакой возможности: при попытках приблизиться рожицы бесследно исчезали...

Только через месяц молодой офицер вернулся домой в Шаньшань — вернулся с третьей того отряда, который выходил с ним в поход. Солдаты так и не поняли, из какой земли пришли в Лоулань виденные ими странные завоеватели. А люди, которым они рассказывали об этом, склонялись к мысли, что те воины, скорее всего, были злыми духами пустыни, таким же дьявольским порождением ее, как миражи...

Даже молодой офицер до самого конца своей жизни так никогда и не узнал, что тогда в Лоулань вторгся передовой отряд жуань-жуаней, могущественного северного народа...^[35]

Два года спустя молодой офицер снова побывал в Лоулане вместе со своими подчиненными. К этому времени крепость полностью занесло песком, единственное, что можно было увидеть — это часть башни, которая все еще выглядывала из барханов...

Офицер добрался и до леса, надеясь еще раз посмотреть на то самое узкое и длинное озеро, но озера нигде не было, и только дорожка из сухого белого песка тянулась куда-то вдаль...

Озеро Лобнор тоже исчезло, как исчез погребенный в песках Лоулань...

Примерно через шестьдесят лет после этих событий, в двадцать втором году под девизом правления Юань-цзя (445 г. н. э.), царство Шаньшань вступило в войну против бывшего тогда в силе Да-у-ди из царства Вэй.^[36] Посланные им из земель Лан войска нанесли удар по царству Шаньшань и принудили его правителя сдаться. В результате Шаньшань окончательно перестало существовать как царство — с тех пор оно считалось одним из уездов Вэй.

Иными словами, Лобнор, Лоулань и Шаньшань исчезли с исторической сцены почти одновременно...

При императоре Ань-ди^[37] из династии Восточная Цзинь, в третьем году под девизом царствования Лун-ань (399 г. н. э.), монах по имени Фа Сянь^[38] и еще полтора десятка адептов буддийского учения направились из Чаньани в Индию, чтобы изучать санскрит и читать священные книги. Вот как говорится об этом в путевых записках Фа Сяня: «Выйдя из врат Юймэньгуань, отправились мы в путь по песчаным потокам. Злые духи обитают в тех песках и окрест, а ветра, там рожденные, столь жгучи, что путники, даже единожды встретившись с ними, все как один умирают, и ни единый из них жизни своей не спасает. И нет там в небе ни единой птицы летящей, и нет там на земле ни единого зверя бегущего. Не на чем глазу осечься на этих бескрайних просторах, а путник, который пути переходов там найти пожелает, ошибется наверно незнанием, если использовать будет иные дорожные вехи, а не кости людей и животных, что в этих песках от прежних походов остались».

Точно неизвестно, проходил ли Фа Сянь по тем самым пескам, которые видели Лоулань, или когда-то простирались по берегам озера Лобнор. Но вполне можно представить себе, что его путь и вправду лежал через окрестности этого мертвого города...

В эпоху Тан по повелению императора Тай-цзуна^[39] паломничество в Индию совершил еще один буддийский монах, преподобный Сюань-цзан.^[40] Преодолев невероятные трудности и лишения, он возвратился в китайскую столицу со священными книгами, причем его обратный путь прошел через земли Лоуланя.

В его «Записках о западных землях, составленных в правление великой династии Тан» об этом говорится кратко: «В четырехстах с лишним *ли* пути находится древнее царство Ду-ло. Страна эта давно находится в запустении, и все ее крепости лежат в руинах. В шестистах с лишним *ли* пути к востоку от тех мест есть древнее царство Шэрумадана. Это земля Цемо (Черчен). Крепость там высока и величава, но жизнь в ней пресеклась: ни людей, ни дымов над очагами... А от нее в тысяче с лишним *ли* к северо-востоку находится древнее царство Нафубо. Это земля Лоулань».

Иными словами, преподобный Сюань-цзан видел в бескрайней пустыне два безлюдных города, но про Лоулань не сказал ничего. Похоже на то, что к тому времени его руины уже были полностью погребены под глубоким слоем песка, а вокруг на все четыре стороны расстилалась пустыня — ничего, кроме песка и неба.

И было это все более 1300 лет тому назад, в 645 году...

Лоулань очнулся после долгого сна и снова вышел на историческую арену только с началом XX века.

За это время на карте мира много раз менялись цвета, в которые были окрашены те или иные территории, и лишь один участок Центральной Азии не привлекал внимания — участок, на котором и покоился Лоулань. В эту обширную, в буквальном смысле слова безжизненную пустынную зону многие века не ступала нога человека.

Погребенный в песках пустыни древний город Лоулань вновь — и внезапно — возник на поверхности земли только через много сотен лет, в 1900 году. Произошло это благодаря шведскому изыскателю Свену Гедину.^[41]

Впрочем для того, чтобы доказать, что это найденные Гединым развалины — это действительно руины Лоуланя, потребовалась дискуссия с участием большого числа ученых. А для того чтобы точно определить положение Лоуланя, предстояло раскрыть еще одну тайну — тайну озера Лобнор, которое когда-то дарило городу прекрасную воду, а сегодня бесследно

исчезло из тех мест.

Как жители древнего города не мыслили Лоуланя без Лобнора, так и ученые XX века не могли представить их в отрыве друг от друга. Если те руины, которые открыл Гедин, — это действительно Лоулань, говорили они, то где-то рядом должно находиться озеро Лобнор. Если же оно куда-то переместилось, то нужно найти его среди множества озер, разбросанных по пустыне — найти, даже если оно сменило свой облик... А самое главное — ответить на вопрос, как оно туда попало...

После того как было доказано, что древнее городище — это действительно Лоулань, возникло предположение, что озеро Лобнор перемещается по линии север-юг с периодом около 1500 лет. Вскоре это мнение стало общепринятым: было доказано, что благодаря течению реки Тарим, которая создает песчаные отложения, и работе ветра, который эти отложения разрушает, река периодически меняет свое русло. В свою очередь, озеро Лобнор тоже смещается вслед за рекой то с юга на север, то с севера на юг, и период этих колебаний составляет примерно 15 веков.

В 1927 г. Гедин, которому тогда было 62 года, сформировал из большого числа специалистов свою четвертую экспедицию в Западный край.

Формально эта группа изыскателей называлась «Научно-исследовательская экспедиция на Северо-Запад (Китай)». Среди ее основных участников было 18 шведов и немцев, а также 10 китайских исследователей. Кроме них, в группе были местные носильщики, повара и прочие.

Во время своего четвертого путешествия Гедин вновь посетил руины Лоуланя. Однажды он шел вдоль одного из каналов, проложенных в пустыне. Вода в последний раз текла в нем примерно в IV веке, еще в те древние времена, когда в Лоулане жили люди... Каково же было удивление Гедина, когда он увидел, что иссушенный, много веков не видевший воды канал стал снова наполняться влагой.

Когда-то Лоулань из-за смещения озера Лобнор оказался заброшен, забыт и превратился в безлюдные руины, погребенные в песках. Сегодня на глазах Гедина к развалинам Лоуланя вновь подходила вода! Вода, вода прибывала по нескольким пересохшим руслам, а вместе с ней приходили растения и животные, наступала жизнь! Когда-нибудь и по руслам множества других, пока что пересохших рек тоже побежит вода, а вместе с ней придут и мириады форм жизни. Это время обязательно наступит!..

В тот день Гедин нашел в пустыне два захоронения. Одно из них находилось на вершине холма, а другое на некотором отдалении, у его подножия. О том, как было обнаружено это последнее захоронение, Гедин в подробностях рассказал в своей книге:

«Два наших лодочника с острыми, как у ястребов, глазами, разглядели с вершины меса^[42] еще одну могилу. Она находилась восточнее, на вершине совсем маленькой меса, располагавшейся и самого подножия меса большой.

Оставив с миром могилу, чей покой мы так бессердечно потревожили, мы спустились в уединенное место для отдыха. Поняв, что сплав по реке невозможен, я приказал перенести наш палаточный лагерь точно на юго-запад, к захоронению № 2, однако все стали просить оставить их здесь до окончания изысканий, и я не смог отказать им в этом невинном удовольствии.

Маленькая меса с этим захоронением вытянута с северо-востока на юго-запад; ее длина составляет 41 фут^[43] ширина — 12 футов. Ее вершина поднимается над уровнем воды на 29 футов, а над уровнем окружающего ее участка — на 24 фута. С большой меса сразу видно, что эта маленькая меса скрывает захоронение. Почему? Обыкновенно вершины мес совершенно голы, на них никогда ничего не растет. На

вершине же этой мезы стоит одинокий тамариск, и уже отсюда ясно, что она не может быть заурядной.

Этот одинокий куст едва ли не в голос просил нас начать раскопки, поэтому люди быстро принялись за работу. Однако глина, из которой была сложена меза, закристаллизовалась и стала твердой — буквально как обожженный кирпич. Поэтому из базового лагеря были принесены топоры, с помощью которых люди продолжили вскапывать неподатливый участок.

Могила оказалась прямоугольной. Она была расположена у начала северо-западного склона мезы и окружена глинобитной стеной, толщина которой сверху составляла 1 фут, а внизу достигала 2 футов. На глубине 2 футов и 3 дюймов ^[44] копатели натолкнулись на деревянную крышку. Сначала топорами, а потом с помощью лопаток ее отчистили от глины. Крышка состояла из двух хорошо сохранившихся досок длиной 5 футов 11 дюймов. Ширина гроба менялась от 1 фута 8 дюймов у головы до 1 фута 5 ^{1/2} дюймов в ногах, толщина досок составляла 1 ^{1/2} дюйма. Тело лежало головой на северо-восток.

После того как была очищена крышка гроба, выяснилось, что он плотно прилегает к стенкам ямы, и, не расширив ее, поднять гроб будет невозможно. Тогда мы решили разобрать северо-западную стену могилы, на что потребовалось много времени и труда. Но вот, наконец, последние препятствия устранены, и мы, затаив дыхание, со всеми возможными предосторожностями поднимаем гроб на поверхность мезы.

Форма гроба оказалась характерной для этого многоводного района: она в точности воспроизводила обычную лодку-каное, только корма и нос у этой лодки были спилены и заменены ровными торцевыми стенками.

Две доски, образовавшие крышку гроба, были подняты еще до того, как рухнула стенка, отделявшая захоронение от мезы: мы просто пылали желанием увидеть тело незнакомца, который так долго и безмятежно здесь покоился. Однако увидели мы не тело, а шерстяное покрывало, в которое оно было укутано с головы до пят. Впрочем, покрывало оказалось настолько ветхим, что рассыпалось в прах при самом легком прикосновении...

А когда мы сняли часть ткани, которая скрывала голову, то, наконец, увидели... Увидели ее — беспредельной красоты владычицу пустыни, Принцессу Лоуланьскую и Лобнорскую...

Смерть настигла эту юную женщину внезапно. Любящие люди своими руками обрядили ее в саван и перенесли на вершину мирного холма, где она и покоилась почти две тысячи лет, пока люди иной, далекой эпохи не потревожили ее долгий сон...

Кожа на ее лице стала твердой, как пергамент, но прошедшие века не смогли изменить черты этого прекрасного лица и его абрис.

Она лежала, сомкнув веки своих совершенно не запавших глаз, а на ее губах и сейчас играла легкая улыбка, которую не смогли стереть все минувшие столетия. Улыбка делала это таинственное творение еще более милым и очаровательным.

Увы, она не раскрыла нам ни одной из тайн минувшего; не поделилась своими воспоминаниями о многокрасочной жизни в Лоуланде, об озере, лежавшем в оправе из весенней зелени, о странствиях по рекам на каное и маленьких лодчонках и о многом другом, что она навсегда унесла с собой в могилу.

Она видела, как уходили в поход защитники Лоуланя, готовые сразиться с сунну и прочими варварами. Она видела боевые колесницы с лучниками и копьеносцами. Она

видела, как проходили через Лоулань и как останавливались в нем на ночлег огромные караваны. Она видела бесчисленных верблюдов, двигавшихся на запад по Шелковому пути с тюками дорогого китайского шелка. И конечно, она любила и была любима, а может быть, и умерла от любовной тоски. Но всего этого мы уже никогда не узнаем...

Длина внутренней части гроба составляла 5 футов 7 дюймов. Неведомая миру принцесса была миниатюрной женщиной ростом всего лишь около 5 футов 2 дюймов.

На ярком послеполуденном солнце Чэнь и я осмотрели одежду, в которой она когда-то была похоронена. Ее голову украшал головной убор в виде тюрбана, скрученный из единственной простой ленты. Тело ее покрывала холщовая материя (скорее всего, пеньковая), под которой она была укутана еще двумя одинаковыми покрывалами из желтого шелка. Грудь женщины скрывал квадратный кусок красного, расшитого нитками шелка, под которым находилось еще одно, холщовое нижнее одеяние.

Нижняя часть тела была обернута чем-то наподобие двойной юбки; один из ее слоев был из того же желтого шелка, что и покрывало, второй — из простой пеньковой ткани. Ниже шла более короткая белая юбка из пеньки, игравшая роль нательного платья. Под ней находилась еще одна юбка и шаровары из тонкой ткани, заправленные в цветные вышитые туфли. На талии был повязан шелковый пояс.

Со всех этих одеяний мы отобрали образцы ткани, а некоторые — например, тюрбан и туфли — забрали целиком; взяли и кошелек, расшитый прекрасными яркими узорами.

Рядом с гробом, в головах, мы обнаружили деревянный прямоугольный обеденный столик на четырех ножках, снабженный низким ободком, деревянную чашку, окрашенную в красный цвет, а также скелет целой овцы. По-видимому, они были припасены для питания путешественницы, отправившейся в мир иной...»^[45]

Не будем опускаться до натяжек и гадать, действительно ли в гробу, который открыл Гедин, находилась та самая юная принцесса, что покончила с собой в день, когда древние жители Лоуланя должны были оставить свой город. Смерть этой женщины с самого начала была окутана тайной. Так нужно ли нам сейчас знать о ней больше?

Достаточно того, что усилиями ученых были явлены миру Лоулань и Лобнор. А ведь за те полторы тысячи лет, что Лоулань был погребен в песках, забылось, где находились город и озеро...

Сейчас Лобнор постепенно возвращается к тому месту, где прежде стоял Лоулань. Прошло полвека с тех пор, как Гедин открыл руины этого города. Все это время вода Лобнора продолжает медленно двигаться к старому Лоуланю. Она и сейчас к нему движется. Пройдет, наверное, еще не один десяток лет, прежде чем вода вернется окончательно, но уже сейчас ясно: Лобнор возвращается, а вместе с ним возвращается и Речной Дракон, божество жителей Лоуланя.

А, может быть, Речной Дракон уже вернулся?

В конце правления китайского императора Сянь-ди (на троне с 189 по 220 гг. н. э.) из династии Поздняя Хань военачальник Со Май во главе тысячи воинов вышел из Дуньхуана через заставу Юймэньгуань на запад. Целью похода было создать новое военно-земледельческое поселение на берегу реки Кумдарья, протекавшей в восточной части пустыни Такла-Макан. Перейдя государственную границу, ханьские войска вступили в так называемое Зарубежье — земли, на которых китайцы не появлялись уже тридцать лет.

Прошло уже больше трехсот лет с тех пор, как войска императора У-ди впервые вторглись в Западный край. Все это время западные земли оставались ареной постоянного соперничества между державами Хань и Сюнну, а заставы Юймэньгуань и Янгуань то открывались, то закрывались. Бывало так, что могущество Хань простиралось до далеких хребтов Куньлуня, но бывало и так, что даже земли между заставой Юймэньгуань и берегами реки Хуанхэ страдали от набегов сюнну.

На сюнну обжигали себе руки все без исключения Сыны Неба — императоры Ранней и Поздней Хань. До тех пор, пока существовали эти кочевники, ханьские правители не могли спать спокойно. Для того чтобы удерживать за собой земли к западу от реки Хуанхэ, нужно было наносить удары по сюнну, а для того, чтобы наносить по ним удары, нужно было заходить в Западный край. Однако дорога в Западный край была далекой и трудной, обитавшие там «варвары» — непостоянны и склонны к измене, а для направления войск в эти края требовались колоссальные средства, поэтому Хань приходилось рано или поздно покидать эти земли. Впрочем, после каждого такого судьбоносного решения рано или поздно наступали новые времена, когда ханьские государственные мужи снова решали вернуться в Западный край...

Нынешний ввод войск Со Май в Западный край повторил события, которые за долгую историю случались уже много раз. Решение Сянь-ди направить войска в Западный край, чтобы в очередной раз очистить его от сюнну, было предопределено: в крае, покинутом ханьцами тридцать лет назад, кочевники в последнее время распоясались до того, что копыта их лошадей уже по нескольку раз в год топтали земли к западу от реки Хуанхэ. Вот поэтому Со Май и получил приказ вместе с авангардом своих сил создать в Западном крае опорный пункт и таким образом подготовиться к будущему полномасштабному захвату этих земель ханьскими войсками.

Чем занимался Со Май до того, как во главе военной экспедиции отправился в Западный край? Об этом ничего не известно. «Со Май, вторым именем Янь И, уроженец округа Дуньхуан, человек одаренный», — вот и все, что говорится о нем в одной древней книге.^[46]

Издавна китайские войска, посылаемые в Западный край, набирали из всякого рода «злоумышленников». Чжан Цянь, который во времена императора У-ди первым проник в Западный край, вел за собой «молодых негодяев». Войска Ли Гуанли, командующего походом на Эрши (Коканд), которые отправились в Давань (Фергану) за прекрасными скакунами, почти полностью состояли из «головорезов». Отряды Бань Чао и Бань Юна, отличившиеся позднее на полях брани в Западном крае, тоже не были исключением из этого правила. Словом, в Древнем Китае экспедиционные войска всегда формировали из неблагонадежных людей, преступивших закон.

Уже из того, как были организованы крупномасштабные военные экспедиции в Западный край, нетрудно представить, из каких людей состояла та тысяча военных поселенцев, которую вел за собой Со Май. Скорее всего, военачальник, сам выходец из пограничных земель империи,

пребывавший в возрасте «начала старости» (ему уже перевалило за 45), просто набрал в нее не знавшую жизни молодежь из подчинявшихся Дуньхуану пограничных частей. Наверное, за плечами у некоторых рекрутов были какие-то темные истории, но критерий отбора в войска, если он вообще существовал, был один: достаточно ли у парней сил для того, чтобы управляться с тугими боевыми луками...

Не только командующий Со Май, но и каждый из тысячи солдат, уходивших на запад через заставу Юймэньгуань, не думал, что он когда-нибудь снова вернется на ханьскую землю...

В тот день Со Май покинул крепость во главе колонны верхом на верблюде. Когда замыкающие отошли от стен заставы на две сотни шагов, командир неожиданно остановил отряд. Никаких команд не последовало: Со Май просто хотел дать своим воинам возможность попрощаться с родиной, которую они, скорее всего, больше никогда не увидят...

Солдаты поднялись еще на рассвете, но сборы в дорогу продолжались дольше, чем ожидалось, поэтому к часу выступления солнце уже поднялось высоко и палило так, как будто наступила полуденная жара. Пепельно-серые стены заставы словно плавали в ярких солнечных лучах и оттого казались особенно мрачными.

Со Май долго смотрел на наблюдательную башню, возвышавшуюся над остальными постройками заставы... Наконец он отвел от нее взгляд, и его лицо сразу же приняло прежнее волевое выражение, а в глазах заиграл природный острый блеск. Прозвучала команда «Марш!».

Со Май провел в борьбе с сюнну всю свою жизнь. Только самым сражениям с «инородцами» он отдал, наверное, половину жизни. На границе его то и дело переводили с одного места на другое, и Со Май был готов без колебаний отправиться служить куда угодно. Однако нынешний поход в земли варваров наводил его на непривычные мысли.

Он хорошо понимал, что значит создать глубоко в сердце вражеских земель маленький опорный пункт. Это значит — вести бесконечную борьбу с ненавистными сюнну. Это значит — постоянно умиротворять царства Западного края, которые склонны к измене... Наконец, это значит — работать в поле, ведь солдаты там должны кормить себя сами.

Но пусть даже они сумеют построить на берегу реки Кум военно-земледельческое поселение. Сможет ли оно без поддержки с родины долго продержаться в пустыне? Нет, это исключено. Если такой поддержки не будет, то солдат вместе с построенным в пустыне поселением ждет одна судьба — остаться в песках. А надеяться на помощь с родины им не стоит: судя по всему, ханьский двор постепенно клонится к упадку, он все более озабочен внутренними проблемами. И где гарантия, что он не изменит своего отношения и к этим поселениям? Очень даже возможно, что изменит — тем более что государственные мужи годами колеблются и действуют по старой схеме: «Утром — приказ, вечером — отставить!»

Во второй половине дня отряд под командованием Со Мая вышел в настоящий песчаный океан, где не на чем было остановиться взгляду. На третий день пути океан песка во всю свою ширь покрылся мягкими, округлыми холмами: стоило перевалить через один бархан, как за ним возникал другой — и так без конца. С четвертого дня пути отряд двигался боевым порядком. Вечером этого дня, воины, наконец, увидели зеленый оазис, в котором и разбили свой лагерь. А к ночи в нем уже появилось полтора десятка мужчин и женщин странной наружности — они откуда-то узнали о прибытии ханьцев и пришли продавать им воду. Это были люди народа ашья.

Со Май подозвал к себе одну из молодых женщин и оставил ее ночевать в своем шатре. Женщина не противилась. Ее тело сверкало, словно натертое маслом, а кожа была холодная, как рыба чешуя. В женщине была примесь ханьской крови, и она немного понимала по-ханьски.

Лежа в постели, женщина рассказывала, что эти земли назывались Лунду, Обитель Дракона, и были столицей царства Ганьлай. Со Май впервые слышал это варварское название.

Из слов женщины было непонятно, когда все это было, но она продолжала рассказывать:

«Город этот был столь обширен, что если на рассвете выехать от западных его ворот, то к закату еле-еле поспеешь к восточным... И построен был тот город на насыпи покато́й, что плавно спускалась прямо к берегу озера, и протекала через город полосой единой протока широкая, в озеро впадавшая. И если стать на высокой башне крепостной, обратившись лицом к западу, и посмотреть на озеро, то видно было, как вьется-извивается дракон диковинный, в протоке живущий. А насыпь широкая, что несла на себе город, вся сложена была из ровных слоев соли твердой, и если путники хотели устроить там на ночлег скотину, то им, говорят, даже ковры подстилать приходилось... А еще над городом тем часто стоял такой туман, что пень не разнился от ночи, и тогда не было видно на небе ни солнца, ни луны, ни звезд... И жили в том городе не только люди-ганьлайцы, но и демоны во множестве... И вот однажды ночью случилось у озера диво дивное, и навсегда погрузился тот город глубоко в пучину песчаную...»

Женщина все говорила и говорила... И, глядя на нее, залитую проникавшим в шатер лунным светом, Со Май впервые почувствовал, что влечет его к этой женщине всем сердцем...

На следующее утро Со Май приказал приписать женщину к своему отряду. Для того чтобы защитить ее от взглядов буйных солдат, командир по совету своего ближайшего окружения передел женщину в мужское платье и приказал держать ее верблюда поближе к своему.

Только через два дня после этого солдаты узнали, что в отряде — женщина, но никто не осмелился подойти к ней поближе: солдаты боялись своего командира.

На седьмой день отряд вышел на равнину, усеянную камнями и песком. Далее караван двигался по дороге, отмеченной, как вехами, костями людей и животных. Три дня подряд путники видели мертвые города, в которых наблюдательные вышки, башни и прочие здания были наклонены к западу. Все эти крепости были наполовину погребены под песком. В городах, выстроенных варварскими народами, за прошедшие века бесчисленное число раз стояли и войска Хань, и войска Сюнну, но сейчас они были совершенно безлюдны — как говорится, «ни дымка от костра человеческого». Остались от них лишь руины былых твердынь, брошенные и песком занесенные...

Миновав одну за другой несколько поглощенных песками крепостей, отряд на десятый день наконец достиг местности, от которой до цели, реки Кумдарья, оставалось около половины дневного перехода.

Моросивший со вчерашнего дня дождь превратился в ливень. Скоро и люди, и лошади, и верблюды промокли до костей. К ночи, несмотря на продолжавшийся дождь, отряду удалось разбить палаточный лагерь, но вода проникала сквозь пологи и затапливала палатки. Скоро все солдаты замерзли так, будто наступила настоящая зима.

Той же ночью в лагерь неожиданно пришел десяток солдат из царства Шаньпань. Назвавшись посольством правителя, они приветствовали прибывших ханьцев и преподнесли им запас провианта. А глубоко за полночь в лагере появилось еще трое купцов, на этот раз из царства Гуйцы (Куча). Они начали торговать едой, которую доставили на верблюдах. Купцы рассказали, что в том месте на берегу реки Кумдарья, где Со Май собирался строить военное поселение, пару дней назад появился крупный отряд сюнну.

Несмотря на то что стояла глубокая ночь, Со Май, услышав это известие, отдал отряду приказ немедленно выступать. Он хотел застать сюнну врасплох и одним махом вырезать их всех.

Под покровом ночи ханьцы вышли из лагеря. Под проливным дождем, они быстро продвигались вперед и уже к рассвету достигли Кумдарьи. Поселок, который заняли сюнну, находился на другом берегу.

Стоя у реки, Со Май долго смотрел на то, как бурный поток мутной, желтоватой воды пронесется мимо него в серой предрассветной мгле. О том, чтобы навести здесь переправу, и думать было нечего.

А между тем мысль о том, что нужно как можно быстрее переправить отряд на ту сторону, нанести удар по лагерю сюнну и обратить врага в бегство, не отпускала командира. Однако пока перед глазами бушевала и неистовствовала Кумдарья, это было легче представить, чем сделать...

Со Май не знал, как поступить. Ошеломленный увиденным, он все стоял и стоял на поросшем камышом берегу. Насколько позволял видеть дождь, кроме камыша, здесь больше ничего не росло. Ни одного большого дерева!

С тяжелым сердцем Со Май собрал отряд на берегу реки. После того как солдаты почти полчаса простояли под проливным дождем, один из воинов подошел к начальнику, который все глядел и глядел на проносившийся мимо мутный желтый поток:

— Исстари так повелось, — осторожно начал он. — Когда божество реки гневается, ему приносят в жертву женщину... Вот и сейчас, похоже, ничего другого не остается...

Солдата звали Чжан. Он уже десять с лишним лет делил со своим командиром все тяготы боев и походов. Со Май доверял ему больше других.

Командир выслушал Чжана, но ничего не ответил. Через некоторое время тот снова пришел с советом:

— Если промедлить с переправой хотя бы день, то сюнну успеют получить подкрепление, и тогда нам несдобровать...

Со Май долго молчал.

— Когда-то Ван Цзунь своими молитвами отвратил наводнение после прорыва дамбы, а Ван Ба одной силой воли сумел остановить течение бурной реки, — наконец произнес командир, ^[47] — нравы водных божеств вряд ли с тех пор изменились.

Со Май быстро поставил на берегу реки алтарь и начал перед ним молиться. Было видно, что ему совсем не хочется бросать в этот мутный поток женщину и он решил успокоить воды Кумдарьи молитвами, а не жертвой.

Действительно, если правда, что воители прежних веков усмиряли течения рек, то почему же он, Со Май, не может этого сделать?

Со Май молился уже очень долго, но в мутный поток был все тот же. Вода не убывала. Напротив, ее уровень с каждой минутой становился все выше. Все то время, что Со Май провел в молитве, вода постепенно затопляла берег и теперь плескалась уже у самых ног солдат, лошадей и верблюдов. Но Со Май ни на шаг не отходил от алтаря.

Чжан снова приблизился к полководцу и во второй раз повел разговор о человеческих жертвах:

— Раз так, может быть, не ждать, когда боги откликнутся на молитву? — снова сказал он. — Не пора ли уже принести в жертву женщину?

И, не дождавшись ответа командира, продолжил:

— Отходить нам отсюда нужно, и поскорее. Иначе смочет всех — и людей, и коней, и верблюдов...

В это мгновение Со Май вдруг выхватил из ножен меч, сжал клинок зубами и поднял голову к небу. Капли дождя били ему в лицо, прямо в широко раскрытые глаза. Чжан и все солдаты, затаив дыхание, следили за действиями командира. В его фигуре было что-то

демоническое.

Жертвенник, перед которым стоял Со Май, внезапно наклонился, упал — и в мгновение ока был унесен мутным потоком. Со Май еще некоторое время постоял, замерев в странной, неестественной позе среди мчавшейся грязной воды, потом вынул изо рта клинок и обратился к своему воинству:

— Наши моления не доходят до Неба! Значит, в эту реку вселился злой демон! Мы должны со всех сил ударить по нему и разбить супостата! Только тогда вода уйдет, а мы — переправимся через реку!

Голос Со Мая звучал как раскаты грома.

Дождь прекратился, но вода в реке бушевала все сильнее.

Со Май отвел отряд от реки на сотню шагов и, сохраняя боевой порядок, занял позицию на небольшой высоте.

Первыми дали залп лучники, разом выпустившие стрелы в сторону реки. Огромное число стрел одна за другой падали на середину мутного потока и через мгновение скрывались в землисто-желтой воде. После того как было выпущено несколько сот стрел, в бой пошли пехотинцы. С громкими кличами они хлынули на берег, а потом под звуки боевых барабанов бросились вниз, вбежали в реку по колено и начали рубить воду мечами и разить ее копьями. Противник ответил яростными всплесками брызг. В сражении с водой нескольких солдат течением сбило с ног, и мутный поток унес их прочь...

За день боевые действия вспыхивали еще несколько раз. Иногда отряду приходилось оставлять занятые высоты и отходить на другие позиции.

И для командира, который вел своих солдат в бой, и для самих этих солдат, готовых сражаться с потоком не на жизнь, а на смерть, вышедшая из берегов мутная желтая река действительно представлялась чем-то вроде громадного злобного демона. И этот демон мучился, безумствовал, бился, наступал, отступал и снова наступал...

А когда на землю спустилась ночь, обессилевшие солдаты заснули вповалку прямо на мокрой земле занятой ими высоты.

На следующий день погода улучшилась, но вода и не думала спадать. Напротив, мутный поток только сильнее забурлил водоворотами.

С раннего утра битва с рекой Кум возобновилась. Сегодня, как и вчера, воины засыпали ее стрелами и забрасывали камнями, рубили мутный поток мечами и кололи его копьями.

День вступил в свои права. Пики и мечи, мелькавшие в руках солдат, теперь таинственно сверкали в лучах яркого солнца, которое быстро превратило лютую стужу в испепеляющую жару. А враг все не сдавался. Более того — в каждой схватке с мутным потоком ханьцы теряли нескольких солдат...

Снова пришла ночь. К сражавшимся поступило подкрепление — по тысяче солдат из трех царств: Шань-шань (Чарклык), Яньци (Карашал) и Гуйцы (Куча).

Эти царства много лет страдали от набегов сюнну и давно ждали, что Ханьская империя направит свои войска в Западный край. Поэтому, когда здесь услышали, что ханьцы наконец пришли, то спешно присягнули Хань и направили солдат в помощь отряду Со Мая.

Получив пополнение из числа «варваров», которые отличались от ханьцев языками и обычаями, Со Май принял решение не прекращать сражения даже ночью. В синем лунном свете, заливавшем пустыню, огромное четырехтысячное войско выстроилось боевым порядком в три шеренги.

Зазвучали боевые барабаны, и солдаты с громкими кличами ударили по врагу. Атака следовала за атакой, но силы реки не убывали: в лунном свете было хорошо видно, что она все так же несетя вскачь и бурлит своими черными водоворотами...

Наконец Со Май решил предпринять последний, решающий штурм. Он собрал всех лошадей и посадил на них самых крепких и сильных солдат. Всадники должны были разом нанести удар в самое сердце бурного потока. Во главе трехсот с лишним конных воинов стал сам Со Май.

По приказу командира лошади разом пустились вскачь по песку. Ворвавшись в реку, Со Май стал отчаянно разить противника копьем и вдруг почувствовал, что его вместе с конем уносит вниз по течению, как когда-то уносило стрелы... Только спустя некоторое время лошадь и всадника выбросило на отмель. Держась за шею скакуна, Со Май выбрался на берег. Здесь, сверкая в лунном свете, уже стояло несколько десятков насквозь промокших коней. Были здесь и лошади, потерявшие наездников, и всадники, потерявшие лошадей. А на берег продолжали выбираться все новые и новые лошади и солдаты...

Со Май построил солдат и пересчитал их. Потери составили примерно половину всадников и столько же лошадей.

Поскольку командира и его воинов снесло далеко вниз по течению, им потребовалось около одной стражи^[48] времени, чтобы по раскисшему от воды полю вернуться к основному отряду.

Вернувшись к месту сбора, Со Май повторил оставшимся в живых солдатам свой приказ: атаковать противника! Он хотел вновь лично возглавить атаку, но конь Со Мая противился командам хозяина и не желал двигаться с места. Собственно говоря, такую строптивость выказывал не только конь командира, но и все остальные лошади. Выхватив меч, Со Май стал плашмя хлестать им своего коня, пытаясь заставить его сдвинуться с места. Солдаты последовали его примеру.

Наученные опытом предыдущей атаки, Со Май и его воины на этот раз отказались от копий и решили разить противника мечами. Конники собрались в единый кулак и ринулись к реке.

Влетев на берег, Со Май вдруг неожиданно отпустил поводья и высоко поднял над головой меч, отдавая следующим за ним воинам команду остановиться — впрочем, некоторые из них все равно не смогли удержать коней и на полном скаку влетели в реку...

Со Май глядел на противника и не верил своим глазам. Всего полстражи назад река была переполнена водой. Сейчас же ее уровень как-то незаметно упал чуть ли не наполовину. Конечно, мутный поток по-прежнему стремительно бежал вперед, но над его поверхностью уже показалось несколько чи^[49] свободного от воды берега.

Со Май подозвал к себе Чжана. Некоторое время оба стояли и изумленно смотрели на воду. Было слышно, как в отряде уже заговорили о победе в битве с Кумдарьей.

Отряд разбился на несколько групп. Через полстражи они, одна за другой, благополучно переправились через Кумдарью, вода в которой продолжала падать. А потом воины из Хань, Шаньшаня (Чаркльк), Янь-ци (Карашал), Гуйцы (Куча), не теряя времени даром, слились в единый отряд и обрушились на лагерь сюнну, который находился в 5–6 ли от места переправы.

Сражение завершилось к рассвету, но войска, преследовавшие разбитого неприятеля, вернулись в лагерь только на третий день: Со Май строго приказал не прекращать преследования до тех пор, пока жив хоть один вражеский солдат...

Прошел год. Возле маленького поселка на берегу реки Кум, который Со Май отбил у сюнну, шли работы по строительству небольшого военно-земледельческого поселения. Сначала здесь поставили временные бараки для солдат, а потом, когда их строительство было закончено, обширную территорию вокруг поселка вспахали и превратили в поля. Для их орошения была подведена вода из Кумдарьи.

На помощь строителям направлялись попеременно солдаты из Гуйцы (Куча), Шаньшаня

(Чарклык) и некоторых других царств.

Весть о доблести командира по имени Со Май, который одним ударом рассеял большой отряд сюнну, разнеслась по всем землям Западного края. Все «варварские» народы во всех тридцати с лишним царствах, разбросанных вокруг пустыни Такла-Макан, теперь трепетали перед его воинской силой, покорившей даже течение Кумдарьи...

А из-за военно-земледельческого поселения, которое Со Май поставил на берегу реки, сюнну еще долго не показывались в этих краях...

Позднее между землями поселения и заставой Юймэньгуань были сооружены две дозорные башни, ставшие путеводными вехами для караванов, которых становилось все больше и больше. Шли они из Хань в Западный край. Раз в два-три дня большие и малые караваны шествовали по этим землям и в обратном направлении — из Западного края в Хань.

Ходившие с караванами купцы разнесли повсюду слухи о том, что скоро, наверное, будет восстановлена существовавшая в прежние времена должность Всеохраняющего Западный край. И слухи эти не были беспочвенными. Требования назначить в страны Западного края Всеохраняющего становились все сильнее. В конце концов с подобными просьбами стали обращаться к ханьскому двору и послы из «варварских» стран, направлявшиеся на восток через военное поселение, которое основал Со Май.

Следующий год Со Май посвятил строительству постоянных казарм для солдат и возведению крепостной стены. Большие казармы строили из досок и кирпича, стены затирали глиной, а крышу крыли циновками, сплетенными из стеблей чжума.^[50] Рядом с четырьмя казармами на 500 человек каждая соорудили две смотровые вышки. За большой крепостной стеной, охватывавшей всю территорию поселка, кроме казарм и плаца, размещались рынок, храмы и общее кладбище.

Материалы и рабочая сила для такой стройки поступали из самых разных царств Западного края. На строительной площадке звучала разноязыкая речь: говорили на согдийском языке,^[51] на языке, принятом в царстве Юйтянь (Хотан), на языке сюнну, на тюркских языках...

Поднявшись на крепостную стену, можно было увидеть обширные, тщательно возделанные поля, которые охватывали поселок со всех сторон. Поля были вдоль и поперек изрезаны каналами и арыками, по берегам которых росли невысокие тополя, словно указывавшие путь водным потокам.

Половина подчиненных Со Маю солдат теперь работала на строительстве, другая же половина вместе с соседями, жителями поселка, каждый день выходила за крепостные ворота на работу в поля. Через год жители военно-земледельческого поселения собрали первый урожай — по 500 тысяч даней^[52] чумизы и пшеницы. Урожай зерновых обещал год от года расти...

Итак, солдаты, позабыв о сражениях, сосредоточились на полевых работах и строительстве крепости. Со Май же все это время жил в одних покоях с женщиной из племени ашья. Она не была яркой красавицей, но Со Май любил эту женщину.

Трудно сказать, насколько женщина облегчала жизнь воина на этой «варварской» земле. Так или иначе, из всех помещений поселка были как-то украшены только комнаты Со Мая: здесь на земляном полу она расстелила тростниковые циновки, а на них положила яркие, разноцветные тканые коврики. В передней стояли в ряд кувшины с водой, а в комнатах, на полках, — привезенные из западных краев стеклянные тарелки и другие сосуды. Кремами и притираниями женщина не пользовалась, но зато убирала свое тело разными красивыми вещами: надевала тонкие бронзовые кольца, ожерелья из яшмы и серьги-колечки из белого нефрита...

Через год пребывания в Западном крае, как раз во время сбора первого урожая пшеницы, Со

Май получил высочайшую благодарность за свои деяния — она была передана через находившегося в Дуньхуане *чжанши*^[53] Западного края. Вместе с благодарностью посланник передал Со Маю и его отряду приказ возвращаться на родину. Со Май ответил, что строительство нового военно-земледельческого поселения пока только разворачивается, и потому ему хотелось бы еще на некоторое время остаться в чужих краях.

Из разговора с посланником Со Май узнал, что сражение с Кумдарьей и укрощение реки превозносятся на родине как примеры великого героизма. Более того, посланник заявил, что когда Со Май вернется домой, то очень возможно, что ему пожалуют высокое звание — наподобие того титула, который получил когда-то Ли Гуанли за заслуги в походе на Эрши в царстве Давань.^[54] Такие слухи действительно постоянно ходили по столице.

До сих пор Со Маю были совершенно чужды блестящая карьера или известность, а сам он твердо верил в то, что ему суждено прожить свою жизнь именно так. Поэтому, когда на него вдруг обрушилась нежданная слава, то Со Май был просто ошеломлен...

Командир ни с кем и словом не обмолвился об этом разговоре, но, тем не менее, о нем тотчас стало известно всему отряду. Не было солдата, который бы не горел желанием вернуться домой, и потому все и всюду только об этом и говорили.

В конце концов слухи о том, что отряд возвращается домой, дошли и до женщины из племени ашья, и она спросила Со Мая, правда ли это. Со Май ответил, что сейчас у него нет ни малейшего желания возвращаться в ханьские земли.

Женщина ашья с рождения умела скрывать свои чувства; обычно на ее лице не отражались ни радость, ни гнев, ни печаль, ни веселье. Однако сейчас, при известии о том, что Со Май не собирается возвращаться на родину, она очень обрадовалась. Эта радость оживила ее зор и развязала язык: глаза женщины ярко заблестели, она, смеясь, защебетала о том о сем, а потом надела на себя все, что у нее было из украшений и весь день выглядела очень нарядной. И Со Май снова был поражен в самое сердце...

На общем сборе отряда Со Май решительно опроверг распространившиеся среди солдат слухи и заявил, что им вместе предстоит еще не один год воевать с сюнну.

— А всем, кто впредь будет распространять слухи о возвращении на родину, буду рубить головы! Никому пощады не будет! — заверил он.

Несколько дней спустя, словно в подтверждение сказанного полководцем, солдатам пришлось впервые за долгое время отложить в сторону мотыги и взяться за луки и мечи: они вступили в бой с отрядом конников сюнну, который предпринял яростную атаку на крепость. После такого начала набеги повторялись все чаще, и солдаты то и дело были вынуждены менять крестьянские орудия на боевое оружие...

А слухи о возвращении на родину быстро пошли на убыль и унеслись прочь — совсем как когда-то воды Кумдарьи.

На третье лето в поселении собрали урожай уже по миллиону *даней* пшеницы и чумизы. К этому времени как раз подошло к концу строительство крепости, поэтому Со Май решил устроить большой трехдневный праздник для жителей тех земель, на управление которыми он положил столько сил.

В эти дни посмотреть на торжество в крепости собралось великое множество «варваров» во всех мыслимых и немыслимых одеждах и нарядах (и где они только до сих пор прятались?).

Все три праздничных дня Со Май каждый вечер поднимался на сторожевую башню и вместе с женщиной из племени ашья смотрел на шумную суету в крепости, украшенной огнями сигнальных костров.

В один из таких вечеров женщина спросила, зачем Со Май устроил этот праздник — уж не потому ли, что отряд скоро уходит?

А когда Со Май со смехом ответил «нет», она пристально посмотрела ему в глаза и молча покачала головой.

— Разве ты уже не веришь моим словам? — с упреком проговорил Со Май.

— Я с радостью бы поверила... Но вы же сами не знаете своей судьбы... Так как же можно верить? — ответила она.

На этот раз женщина беспокоилась не зря. Примерно через полгода в судьбе полководца произошло то, чего не мог предвидеть Со Май и чего так опасалась женщина.

Миновала осень, подошло к концу время сбора урожая. Со Май с половиной своего отряда выдвинулся из крепости на северо-запад, чтобы сразиться с неумемными сюнну. Уходя, Со Май полагал, что в любом случае вернется обратно дней через десять. Однако на этот раз, против ожидания, военные действия затянулись: то вспомогательный отряд из Гуйцы (Куча) вступил в тайные сношения с противником, то раньше обычного пошел град, который нанес большой ущерб. В результате военные действия, проходившие в разных местах, отличались какой-то особой несогласованностью, а сам отряд Со Мая оказался в западне и с трудом смог найти путь к отступлению.

Начавшиеся на исходе осени военные действия завершились только к началу нового года, когда после ряда побед и поражений каждой из сторон сюнну наконец бежали на север.

Шел снег, когда Со Май и его солдаты входили в ворота крепости. Они сильно исхудали, были изнурены неожиданно долгим походом, но зато... Зато шедший на верблюдах авангард отряда нес на остриях своих копий несколько отрубленных голов военачальников сюнну, держа их гордо и прямо, словно знамена. И отрубленные головы, и спины верблюдов, и плечи солдат были укутаны свежим снегом...

Со Май наконец-то добрался до дома. У входа его встречала женщина из племени ашья. Со Май сразу заметил, что женщина смотрит на него иначе, чем прежде.

Прямо с порога женщина провела полководца в комнату для гостей — там уже месяц обитал посланник Ханьской империи, дожидавшийся возвращения полководца в крепость. Посланник имел при себе приказ об отзыве Со Мая, утвержденный императорским двором. На родине полководца и его отряд ждала великая слава...

В начале седьмой луны, когда на подраставших в городке тамарисках начали появляться зеленые побеги, в крепость на смену отряду Со Мая прибыл новый постоянный гарнизон.

Даже после того как было принято решение о его возвращении на родину, Со Май был постоянно занят: он то участвовал в стычках с небольшими отрядами сюнну, которые все-таки иногда осмеливались появляться в этих местах, то обмерял поля — и совершенно не имел времени, чтобы поразмыслить о будущем женщины из племени ашья. А женщина не переставала думать о том, что ждет ее впереди...

Возьмет ли Со Май ее с собой в ханьскую землю? Хорошо, пусть даже возьмет... Но сможет ли она там жить с ним так, как жила до сих пор? Со всеми этими вопросами маленькая женская головка совершенно не справлялась... Когда же женщина заговаривала об этом с Со Маем, то он всегда отвечал одинаково: «О чем речь! Конечно, мы едем вместе!»

Со Май действительно хотел взять женщину с собой. Однако когда в его голове всплывали образы давно не виденных им кварталов Цзюцюань и Лянчжоу, женщине из варварского племени места в них почему-то не находилось. Прическа, глаза, цвет кожи, язык — все в ней теперь раздражало полководца. Но Со Май гнал подобные мысли из головы. Он вообще не был силен в рассуждениях о повседневных материях, а уж размышлять о будущем женщины тем более не хотел...

Отряд, пришедший на смену, был в несколько раз больше отряда Со Мая. Самого

полководца сменял новый комендант крепости, молодой офицер. Со Май передал ему все дела, но покинул крепость не сразу, а лишь три дня спустя — и не только потому, что ему было трудно расставаться с той землей, которой довелось управлять: уже несколько дней шел дождь, и Со Май ждал, когда распогодится.

В день выхода из крепости в знак уважения к отряду Со Мая его вышел провожать весь новый гарнизон, а за воротами крепости собралось около двухсот жителей поселка, которым было жаль расставаться с полководцем.

Вереница верблюдов, лошадей и солдат двинулась по протянувшейся через поля дороге, которую сами эти солдаты когда-то и проложили...

Небо прояснилось и стало темно-голубым. Свежий сухой ветер овеивал кроны тополей и тамарисков, высаженных по обеим сторонам дороги. Она на этом участке шла от крепости прямо к реке и пересекала ее почти под прямым углом.

Выйдя на берег Кумдарьи, Со Май увидел, что вода в ней поднялась, а сама река стала в несколько раз шире и быстрее прежней — всё как пару лет назад, когда он впервые через нее переправлялся...

Как быть? Переправляться-то надо... Со Май задумался. Ему очень не хотелось возвращаться назад, к тем, кого он недавно оставил в крепости, только из-за того, что река снова разлилась. Чжан и все командиры думали точно так же: отряд, чья слава покорителя Кумдарьи гремела по всей Поднебесной, не мог отступить перед новым разливом этой реки!

Общее мнение выразил один из подчиненных Со Мая:

— Делать нечего: будем снова пробиваться через реку!

Со Май приказал отряду разбить лагерь на берегу и стать на ночевку. Несмотря на то что днем стояла ясная погода, с полуночи пошел дождь, который скоро превратился в ливень.

На рассвете в шатер Со Мая зашел Чжан:

— Командир! — произнес он. — Дождь идет, вода в реке всё поднимается. Промешкаем — тогда не переправиться нам через эту реку ни через день, ни через десять дней. Медлить нельзя! Уж если биться с ней, то сей же час!

Оставив Чжана в шатре, Со Май вышел наружу и застыл на берегу реки под ударами дождевых струй. Ночь уходила. Воды в реке стало куда больше, чем вчера.

И долго еще стоял Со Май на берегу реки, объятый своей, одной-единственной думой... Впервые в жизни для полководца настал час горькой печали, терзавшей все его существо...

Вернувшись в шатер, Со Май обратился к ожидавшему его Чжану и тихо, но отчетливо произнес:

— Жертвую женщину.

Чжан вздрогнул и поднял глаза на Со Мая. Когда в отряде говорили «женщина», то речь не могла идти ни о ком другом, кроме женщины из племени ашья.

Только несколько мгновений спустя Чжан медленно, тщательно подбирая слова, заговорил о том, что он глубоко благодарен Со Маю за принятое им решение, что он сам хотел просить об этом, но не дерзнул...

И тут же вышел из шатра Со Мая.

Через некоторое время до слуха Со Мая долетел душераздирающий крик. Кричала женщина, которую выводили из соседней палатки. Этот крик напомнил Со Маю разрывающий тьму ночи плач дикой птицы, который он несколько раз слышал в горном лагере прошлой осенью и нынешней зимой во время трудной кампании против сюнну...

Начало светать, когда Со Май построил отряд на берегу реки. Дождь как-то незаметно прекратился. Может быть, поэтому мутный поток, поглотивший женщину, несколько ослабел — кажется, это было ясно видно не только Со Маю, но и Чжану:

— Если переправляться, то сейчас, не откладывая — повторял он, словно подталкивая командира к решению.

Пройдя по берегу несколько сот метров вниз по течению реки, солдаты выбрали место, в котором напор воды казался наименее сильным. Здесь и решили навести переправу.

Отряд разбился на несколько групп. Сначала в поток вошла первая группа, и сразу же мощное течение понесло верблюдов, лошадей и людей вниз. Даже несколько прочно привязанных тюков сорвались со спин лошадей и, покачиваясь, поплыли по волнам. Тем не менее, все люди из первой группы сумели благополучно выбраться на противоположный берег.

Чжан тут же заговорил о том, что они не потеряли на переправе ни одного солдата только потому, что реке вовремя принесли в жертву женщину. Со Май был того же мнения, но промолчал...

Группы солдат одна за другой успешно переправлялись через поток. Наконец и сам Со Май присоединился к арьергарду отряда и быстро направил своего коня в реку, тем более, что напор воды в ней заметно ослабел даже со времени переправы первой группы.

Благополучно выбравшись на противоположный берег, Со Май вдруг почувствовал острую жалость и благодарность к женщине, которой он пожертвовал. Вместе с тем он ощутил и огромное облегчение — как будто какой-то невидимый груз свалился с его плеч...

Войско снова двинулось вперед. Со Май с Чжаном шли во главе колонны. Отряд еще не успел далеко отойти от реки, когда Чжан вдруг осадил своего коня и прокричал:

— Смотрите!

Со Май остановился и взглянул в ту сторону, куда показывал Чжан.

Вдали на равнину словно выплеснулись потоки желтой лавы. Было ясно видно, как эта грязная жидкая масса, постепенно расплываясь, приближается к отряду. Со Май не сразу понял, что это было. А «это» тяжело, медленно, но верно двигалось вперед, погребая под собой бескрайнюю равнину.

— Да что же это?! — сорвался на крик Со Май.

Но ни Чжан, ни окружавшие его солдаты тоже не понимали, что происходит: со всех сторон только и слышалось: «Что это?» «Что?». Но вот кто-то прокричал:

— Вода! Это потоп!

И сразу стало ясно: эта грязная живая слизь, пожирающая степь, есть действительно не что иное, как обыкновенная вода...

Это на самом деле был потоп! Где-то быстрее, а где-то медленнее, но грязная желтоватая вода продолжала вытягивать вперед свои омерзительные щупальца, и всё подгребала и подгребала под себя широкую равнину.

— Что будем делать? — раздался рядом с Со Маем голос Чжана. Но в этот момент даже Со Май не мог быстро найти выход.

— Уходить вниз по течению! — наконец прокричал он.

Действительно, от щупалец такого колоссального захватчика невозможно было уклониться ни влево, ни вправо. Пока что у отряда действительно оставался лишь один способ избежать водного плена — уйти вниз по течению Кумдарьи.

Походная колонна тотчас же рассыпалась. Верблюды, лошади и люди, обгоняя друг друга, кинулись вперед. Переваливая через песчаные барханы, отряд побежал по равнине на юго-восток, однако очень скоро остановился перед непреодолимым препятствием. Наверное, Кумдарья уже разлилась и в нижнем течении; по крайней мере, видневшаяся впереди полоса залитой водой земли начинала на глазах расширяться...

Отряд изменил курс и двинулся на северо-восток, но и на этом направлении путь ему перекрыла вода.

Когда отряд в очередной раз собирался повернуть, Со Май, стоявший на вершине песчаного холма, вдруг обнаружил, что толстый ковер из воды с желтым илом уже выкатился к соседним барханам.

— Все наверх, на холм! — скомандовал он, но и без приказа Со Мая люди, лошади, верблюды уже сбились в шумливую группку на вершине этой пусть малой, но возвышенности. На лицах всех солдат был написан такой ужас перед неизбежной смертью, какой нельзя увидеть даже на поле боя.

Со Май тоже поднялся на холм. Толпа людей и животных сгрудилась здесь, как куски железа, притянутые к магниту. Стоя на вершине, полководец еще раз осмотрел окрестности. Землисто-желтый поток как языком слизнул все холмы и долины. Вся равнина, насколько мог видеть глаз, превратилась в безбрежное море грязи. С песчаного холма, на котором собралась толпа людей и лошадей, было видно, как поток грязи уже начинает заливать и три ближайших бархана...

Но не это сразило Со Мая: глядя вдаль на северо-запад, он сначала почувствовал, что море грязи там бурлит как-то по-особому, а потом различил в волнах колыхающейся желтой жижи часть крепостной стены и наблюдательную вышку — они едва виднелись над поверхностью воды. Картина была далекой и мелкой, но сомнений быть не могло: он видел крепость, которую они сами построили и в которой до вчерашнего дня жили. А их поля и жилые дома уже утонули в море грязи.

И только тут Со Май понял, что и он сейчас будет погребен под потоками этой грязной жижи...

На мгновение в его голове мелькнуло воспоминание о том, как в ту ночь, когда он встретил женщину из племени ашья, она рассказывала ему о городе Лунду, Обители Дракона. Но воспоминание только блеснуло — и сразу поблекло на фоне куда более неправдоподобных событий, которые происходили в действительности, сейчас, прямо на глазах у Со Мая.

На миг Со Май обрел невероятное спокойствие духа, но тут же вскипел от бешеного гнева. Атаковать потоп! Биться с ним, биться не на жизнь, а на смерть — ничего другого ему теперь не оставалось.

Тут же посыпались приказы, которым солдаты повиновались беспрекословно: все понимали, что просто так стоять и ждать смерти — бессмысленно.

Загремели боевые барабаны, послышались воинственные клики. Отряд разделили надвое, одну половину возглавил Чжан, другую — сам Со Май.

Первым бросился в атаку вниз по склону холма отряд под командованием Чжана. Побежали все — верблюды, лошади, солдаты. Вот они поднялись на другой холм, вот спустились вниз. На взгляд командира, атака выглядела недостаточно мощной, однако расстояние между отрядом и мутным потоком стремительно сокращалось. У самого подножия холма два фронта сошлись. Момент — и на глазах Со Мая отряд Чжана в мгновение ока бесследно пропал, испарился, улетучился — словом, исчез столь быстро и легко, что никто и глазом не успел моргнуть...

В тот же миг Со Май скомандовал «Вперед!» оставшейся части отряда. Перед ним был самый сильный противник в его жизни, и Со Май превратился в комок ненависти, в воплощенное бешенство.

Он вскочил на коня и, потрясая копьём, ринулся вперед. Потоп ревел так, что дрожала земная твердь. Казалось, нараставший грохот воды заполонил всю вселенную.

Наконец Со Май увидел врага: передний край мутного потока только что срезал очередной холм и теперь изо всех оставшихся сил мчался ему навстречу. Мириады свирепых, буйных, безумных демонов с каждым мгновением подступали все ближе и ближе.

Взметнув над головой правую руку с зажатым в ней копьём, Со Май бросил коня прямо на

стену мутной воды, которая уже поднялась перед ним на два человеческих роста.

Фигура Со Мая тут же исчезла, а вслед за этим исчезли шедшие за ним верблюды, лошади и солдаты — исчезли все до единого и в мгновение ока...

Над пустыней, превращенной в сплошное море грязи, висело тусклое, испачканное небо. В одном из его уголков необычно слабо, как при затмении, поблескивал красный, словно запекшаяся кровь, солнечный диск. Вселенная по-прежнему была наполнена гулом потопа, да и сам он не знал ни минуты покоя: ведь на свете оставалось еще так много всего, что он должен был поглотить...

1959

Бань Чао, второе его имя — Чжун Шен, родился в восьмом году под девизом царствования Цзянь-у (32 г. н. э.) в Пинлине. Он был сыном Бань Бяо, автора труда «Исторические записки. Дополнительные жизнеописания». Старший брат Бань Чао, Бань Гу, известен как ученый-конфуцианец времен династии Поздняя Хань, написавший «Историю (Ранней) Хань».^[55]

Бань Чао с юных лет обуревали честолюбивые помыслы; он не искал в жизни легких путей, все время вызывался испытывать трудности и страдания. Он запоем читал классиков и никогда не терял интереса к этому занятию. После того как Бань Гу по велению императора стал при ханьском дворе сверщиком текстов, Бань Чао по рекомендации старшего брата получил работу переписчика в императорской канцелярии, но продолжал жить в горькой нужде — притом ему приходилось еще и ухаживать за родителями...

В жизнеописании Бань Чао из «Истории Поздней Хань»^[56] рассказывается, что однажды он отбросил свою писчую кисть в сторону и с горечью воскликнул: «Большой человек никаких других целей в жизни иметь не должен, кроме подражаний великим людям как, например, Фу Цзецзы или Чжан Цяню, которые за подвиги в чужих странах заслужили владения и титулы! Неужели и далее служить мне среди кистей и тушетерок?!»

(Фу Цзецзы, служивший в Западном крае во времена императора Юань-ди, убил правителя Лоуланя, за что был пожалован титулом Иян-хоу.^[57] Чжан Цянь, начавший при императоре У-ди освоение Западного края, был удостоен титула Бован-хоу.)

В шестнадцатом году под девизом царствования Юн-ин (73 г. н. э.), когда Бань Чао было 42 года, он попал в Западный край в составе войск, направленных усмирять сунну. Чем он занимался до этого времени в подробностях неизвестно; неясные контуры первой половины его жизни обрисованы в хрониках буквально в нескольких строках, не более.

Бань Чао сформировался как личность во времена императоров Гуан-у-ди и Мин-ди. Как известно, Гуан-у-ди был основателем династии Поздняя, или Восточная Хань, восстановленной после временной узурпации власти Ван Маном. Император Мин-ди, сын Гуан-у-ди, был известен своей мудростью и талантами. Эпоха Гуан-у-ди и Мин-ди — это период твердого управления страной и постепенного упрочения ханьского императорского двора.

В те времена мысли всех честолюбивых ханьских юношей обращены были в одну сторону — к Западному краю. Они не видели на земле иного места, где можно было бы без особых усилий совершить подвиги, приносящие владения и титулы.

История деяний Чжан Цяня, который во времена императора У-ди был оценен за выдающиеся заслуги в освоении Западного края, еще не стала далеким прошлым, и поэтому каждый, кто хотел обрести славу великого мужа, мечтал стать вторым Чжан Цянем...

К тому же во время мятежа Ван Мана налаженное У-ди управление Западным краем пришло в полный упадок, а затем ханьцы вообще ушли с этих земель, оставив их на разграбление сунну.

Бань Чао тоже мечтал при случае последовать примеру Фу Цзецзы и Чжан Цяня и совершить подвиги в чужих странах, но случай этот до 42 лет ему все никак не представлялся... Император Гуан-у-ди проводил в отношении Западного края исключительно пассивную политику, которая требовала много сил, но приносила мало результатов. Мин-ди тоже был слишком занят внутренними делами и не имел желаний вмешиваться в отношения между сторонними племенами и народами.

На закате правления Мин-ди северные сунну стали не только угрожать государствам

Западного края, но и начали совершать набеги на китайские земли к западу от реки Хуанхэ. Бесчинства сюнну год от года становились все сильнее, и потому на приграничных территориях даже днем ворота всех крепостей держали наглухо закрытыми...

Для того чтобы защитить земли к западу от реки Хуанхэ, ханьцы должны были выйти в Западный край, а для того, чтобы выйти в Западный край, им нужно было избавиться от сюнну, кочевавших к северу от этих земель.

В шестнадцатом году Юн-пин (73 г. н. э.) ханьский двор принял, наконец, решение «усмирить» сюнну. Получив приказ, два ханьских военачальника, Доу Гу и Гэн Чжун, во главе своих войск вышли во второй луне из ближайшей к границе крепости Цзюцюань, продвинулись по пустыне к северу, разбили вождя сюнну Хуянь-вана и заняли его главный опорный пункт в Иулу.

Одновременно с окончанием военных действий главнокомандующий Доу Гу направил в Западный край своего посла для установления связей с местными царствами. Тогда-то для этой цели и был выбран Бань Чао, временно исправлявший должность *сыма* — начальника военного приказа. Получив под начало 36 человек, он покинул заставу Юймэньгуань и отправился с миссией посланника в далекие и чуждые земли.

Бань Чао был крупного телосложения и в этом смысле по всем статьям заметно превосходил любого из своих подчиненных. На первый взгляд он казался человеком совершенно простодушным, однако его острые, цепкие глаза всегда светились каким-то странным светом. Прежде чем заговорить, он обыкновенно долго сверлил собеседника взглядом — и любого от этого взгляда охватывал трепет. Обычно Бань Чао был немногословен, но когда начинал говорить, то его низкий голос звучал горячо и убедительно.

В то время на территории Западного края существовало свыше тридцати маленьких государств со столицами в виде крепостей. Все они находились в бассейне реки Тарим или вокруг него. Государства, сложившиеся вокруг крепостей Чэши Ближнее (Турфан), Чэши Дальнее (Цицзяоцзин), Яньци (Карашал), Гуйцы (Куча), Гумо (Аксу), Вэньсу, Шуле (Кашгар), располагались на южном склоне Тянь-Шаньского хребта и носили общее название «царства Северного тракта».

На северном склоне хребта Куньлунь также издавна сложилось несколько небольших государств, таких как Юйтянь (Хотан) и Шачэ (Яркенд). Их называли царствами Южного тракта. Ближе всех к ханьскому Китаю находилось царство Шаньнань, от которого в Западный край можно было двигаться как по Северному, так и по Южному трактам.

«Все они располагаются к западу от Сюнну, к югу от усуней. К югу от этих земель простираются гигантские горы (хребты Тянь-Шань и Куньлунь), а через них течет река Тарим.^[58] На шесть с лишним тысяч *ли* с Востока на Запад расстилаются эти земли. На востоке они соседствуют с Хань, отделяясь заставами Юймэньгуань и Янгуань, на западе упираются в горы Цунлин (высокогорья Памира)» — так говорится об этих землях и разбросанных на них тридцати маленьких царствах в «Повествовании о Западном крае» из «Истории (Ранней) Хань». Населяли этот край народы, принадлежавшие к иранской ветви арийской расы. В то время китайцы всех их без разбору называли «варварами».

Выступив с заставы Юймэньгуань, Бань Чао и 36 его подчиненных 16 дней шли по пустыне, и по пути им не попадалось на глаза ничего, кроме костей погибших путников. В этом песчаном океане в буквальном смысле слова не было «ни птицы, в небе летящей, ни зверя, по земле бегущего».

На семнадцатый день утром они достигли мест, совершенно непохожих на те, по которым они шли до вчерашнего дня: земля здесь была покрыта твердой соляной коркой. Еще через день пути вдали показалась крепость. Это и было царство Шаньшань.

Одетый в ханьское платье правитель царства встретил Бань Чао очень радушно, однако через несколько дней пребывания в Шаньшане посол вдруг почувствовал, что ему перестали уделять столько же внимания, как прежде. Отсюда Бань Чао сделал вывод, что к царству Шаньшань подошел отряд сюнну.

Тогда Бань Чао обратился к сопровождавшему его жителю Шаньшаня:

— Я знаю, что сюда должны прибыть послы из Сюнну, — гневно сказал он. — Говорите, где они сейчас!

Скоро шаньшанец с искаженным от страха лицом уже докладывал:

— Прибыли три дня назад. Сейчас стоят в тридцати *ли* отсюда...

Не теряя времени, той же ночью, несмотря на бурю, Бань Чао нанес удар по лагерю сюнну. Пустив по ветру огонь, Бань Чао вызвал панику во вражеском стане и легко им овладел. Посол из Сюнну и сотня его сопровождающих были зарублены. Так закончилось первое сражение, которое Бань Чао провел в чужих краях.

На следующее утро Бань Чао продемонстрировал правителю Шаньшаня отрубленную голову посла Сюнну, принудил его присягнуть в верности Хань и отправить в империю своего сына в качестве заложника.

Проведя в Шаньшане месяц, Бань Чао вернулся на родину, где за свои заслуги получил повышение — стал *цзюньсыма*, воеводой.

В том же году Бань Чао снова получил приказ отправиться в Западный край — на этот раз послом в царство Юйтянь (Хотан). Он взял с собой только тех же 36 человек, что были с ним в прошлый раз. Доу Гу предлагал ему увеличить отряд, но Бань Чао отказался: он хотел, чтобы в миссии, отправлявшейся вместе с ним за тридевять земель, оказались только глубоко преданные ему люди, количество же солдат решающего значения не имело.

Отряд Бань Чао снова пересек зыбучие пески, прошел через Шаньшань, двинулся по Южному тракту и через 30 с лишним дней после выхода с заставы Юймэньгуань достиг Юйтяня. Уже у самых границ царства, после перехода через пустыню, Бань Чао потерял трех человек в сильнейшей песчаной буре...

Царство Юйтянь давно находилось в подчинении у Сюнну, поэтому, в отличие от Шаньшаня, группу Бань Чао здесь встретили холодно.

В то время в Юйтяне было в обычае верить всему, что говорили жрецы. Один из них сообщил Гуанду, правителю Юйтяня, что у ханьского посла есть буланый конь, которого нужно немедленно отобрать и принести в жертву. Гуанду послал к Бань Чао гонца, потребовавшего коня.

Бань Чао согласился отдать коня, но в руки самому жрецу, а когда тот явился, то тут же его обезглавил. Смертельно напуганный Гуанду перебил прибывших в его царство послов Сюнну, принес присягу на верность Хань и направил туда своего сына в качестве заложника.

Таким образом, Шаньшань и Юйтянь сдались на милость Хань, а сама империя впервые за пятьдесят с лишним лет получила выход на Южный тракт.

Войска под командованием Доу Гу и Гэн Гуна, действовавшие параллельно с экспедицией Бань Чао, в том году также одержали победы в боях с кочевниками. В одиннадцатой луне они покинули свою базу в Дуньхуане, двинулись от гор Куньлуня на север и нанесли по сюнну мощный удар. После этого войска, собрав остатки сил, ворвались в Западный край, продвинулись по Северному тракту к царствам Чэши Ближнее (Турфан) и Чэши Дальнее (Цицзяоцин) и заставили их сдаться.

В следующем, семнадцатом году под девизом царствования Юн-пин (74 г н. э.) Бань Чао в третий раз вошел в Западный край. На этот раз он отправился с миссией в самое дальнее царство края — Шуле (Кашгар), которое отстояло от ханьской столицы Лояна на 10 300 *ли*.

Незадолго до этого в результате действий соседнего с Шуле царства Гуйцы (Куча) правитель Шуле был убит, а его трон занял некий Доути, уроженец Гуйцы. Шуле захлестнуло недовольство. А ведь это было процветающее царство: за стенами крепости всегда можно было видеть ослов, груженных хлопком и овечьей шерстью, а к северу от цитадели протекала полноводная река Шуле...

Бань Чао решил спасти Шуле от кабалы Гуйцы. Он ворвался во дворец правителя и, не дав никому опомниться, убил Доути. Вместо него Бань Чао посадил на трон Чжуна, сына старшего брата бывшего властителя Шуле, и тем завоевал доверие народа этого царства.

В то время в Шуле насчитывалась 21 тысяча дворов, царство располагало войском из тридцати с лишним тысяч солдат. Это привело Бань Чао к мысли создать в Шуле опорный пункт для управления Западным краем, и потому он сразу отправил командующему Доу Гу гонца с рапортом, в котором просил разрешить ему остаться в этом царстве. Такое разрешение было получено.

Поскольку Шаньшань, Юйтянь, Шачэ, Чеши Ближнее и Чеши Дальнее подчинились Хань, в империи решили восстановить должность Всеохраняющего Западный край — им был назначен Чэнь Му. Гэн Гун стал воеводой пятого ранга, а Гуань Чун — воеводой шестого ранга.

Отряды Чэнь Му и Гэн Гуна общей численностью несколько сот человек были размещены в крепости Цзиньпу (царство Чеши Дальнее). Гуань Чун занял крепость Лючжун — тоже в Чеши Дальнем. Здесь также было размещено несколько сот солдат и военных поселенцев...

Итак, Бань Чао обосновался в царстве Шуле, а чтобы укрепить свою решимость навсегда остаться в чужих краях, даже вызвал с родины жену и детей.

Однако период, когда Мин-ди мог спокойно проводить политику освоения Западного края, длился недолго — еще примерно полгода. Уже в начале следующего, восемнадцатого года под девизом царствования Юн-пин (75 г. н. э.) северные сюнну дали хань-цам понять, что они начинают новую кампанию за возвращение Западного края.

В третьей луне в край неожиданно вступило большое, двадцатитысячное войско сюнну. Оно окружило Чеши Дальнее. В ответ Чэнь Му и Гэн Гун с отрядом в 300 человек вышли из крепости Цзиньпу и двинулись на противника. После того, как Гэн Гун прокричал в сторону сюнну: «А теперь получите божественные стрелы от ханьского двора!», китайцы засыпали лагерь противника отравленными стрелами, чем заставили их трепетать от страха. Потом, воспользовавшись разразившейся бурей, они внезапно атаковали расположение вражеских войск и отбросили сюнну на север.

Готовясь к новым набегам сюнну, Гэн Гун в пятой луне совершил маневр и ушел с небольшим числом солдат из Цзиньпу в другую, меньшую по размерам крепость.

В седьмой луне сюнну действительно нанесли новый удар и окружили две крепости, в которых засели Чэнь Му и Гэн Гун. Особенно трудно пришлось Гэн Гуну: нападавшие отрезали его отряд от протекавших у крепости горных ручьев, и осажденных мучила невыносимая жажда. Гэн Гун вырыл колодец глубиной 15 *чжан*^[59] но воды в нем не было ни капли. Тогда полководец, облачившись в церемониальные одежды, провел несколько страж в истовых молениях и непрестанных поклонах перед сухим колодцем — и из него хлынула чистейшая вода. Узнав о таком вмешательстве божественных сил, враг бросился врассыпную...

В восьмой луне скончался император Мин-ди, и в империи Хань наступил большой траур. Застава Юймэньгуань была закрыта, а войска перестали получать с родины любые подкрепления. Результат не заставил себя ждать: сначала «отложилось» от Хань и перешло на сторону Сюнну царство Чеши Дальнее, а затем одно за другим восстали и прочие государства Западного края...

В одиннадцатой луне того же года войска Гуйцы (Куча) и Яньци (Карашал) напали на

крепость Цзинь-пу и убили Всеохраняющего Чэнь Му, а с ним еще 2000 ханьских солдат. Откликнувшись на этот успех союзников, сюнну атаковали крепость Лючжун, которую защищал Гуань Чун. Окруженный вражескими войсками, Гуань Чун принял смерть на поле брани...

Известия о поражениях ханьских войск приходили одно за другим. Большая армия Сюнну и Чэши Дальнего окружила ставку Гэн Гуна. Гэн Гун несколько месяцев терпел невероятные лишения, потерял всех солдат, кроме нескольких десятков человек, но из занятой крепости не ушел. Более того, когда сюнну направили к нему посла с предложением сдаться, то Гэн Гун обезглавил посланника.

В самой империи на трон вместо Мин-ди взошел император Чжан-ди.^[60] Он быстро пересмотрел политику предшественника, ликвидировал должность Всеохраняющего Западный край и приказал вывести с чужих земель все ханьские войска.

Вместе с тем в первой луне первого года под девизом правления Цзянь-чу (76 г. н. э.) на помощь осажденным в иноземной крепости войскам Гэн Гуна было направлено подкрепление из 7000 солдат.

Пришедшие на помощь ханьцам войска нанесли удар по крепости Цзяохэ — ставке властителя Чэши Ближнего, в результате чего убили 3800 человек, более 3000 взяли в плен, а также захватили 37 000 верблюдов и овец. Отдельное соединение в составе 2000 человек было направлено непосредственно на выручку Гэн Гуну. Преодолев трехметровой толщины снег, отряд, в конце концов, вызволил из окружения Гэн Гуна и его товарищей, которые находились на грани смерти от голода. Когда перед освободителями открылись ворота крепости, в ней оставалось в живых 26 человек. Еще несколько человек умерло по дороге на родину, так что в третьей луне к заставе Юймэнь-гуань вышло только 13 защитников цитадели...

Все это время Бань Чао находился в Шуле, самом дальнем царстве Западного края. Вместе с верным Чжуном, правителем Шуле, он бился с захватчиками из Гуйцы (Куча) и Гумо (Аксу), когда гонец привез ему приказ возвращаться на родину. Для Бань Чао это известие было как ушат холодной воды.

Когда жители Шуле узнали, что Бань Чао приказано возвращаться домой, они заявили, что выводить сейчас из страны ханьские войска — значит отдавать ее на растерзание Гуйцы, а местный окружной военачальник покончил с собой на глазах у ханьского полководца.

Тем не менее Бань Чао и его отряд тронулись в путь и с трудом добрались до Юйтяня (Хотан), где их также встретили горькие стенания всех горожан, начиная с самого правителя и высшей знати царства. А некоторые из жителей Юйтяня буквально цеплялись за копыта коня Бань Чао, будучи не в силах расстаться с полководцем.

У дворца правителя Юйтяня Бань Чао встретил еще одного ханьского посланника, который передал ему повторный приказ вернуться домой. Посол также сообщил, что освобожденный Гэн Гун вместе с войсками, направленными ему на помощь, в ближайшее время возвращается на родину.

Бань Чао вспомнился Гэн Гун — невысокий и худощавый, в отличие от него самого. Ему нравился этот молодой военачальник, выходец из знатного рода. «Да, продержаться год с лишним в осажденной крепости — для этого, конечно, нужно быть Гэн Гуном, — размышлял Бань Чао. — Если бы не подкрепление, то он бы так и умер голодной смертью... То есть даже смерть не заставила бы его уйти из этой иноземной крепости... Какие ужасы пережил тогда Гэн Гун — представить себе невозможно! Мне ли этого не знать! Но вместе с тем ясно, что вернуться на родину — это вовсе не главное желание Гэн Гуна...»

— Знаете, — вдруг сказал Бань Чао послу, — я, пожалуй, останусь здесь... Вы же видите, что из Юйтяня люди просто не пустят меня дальше на восток... Я возвращаюсь в Шуле. А вы,

пожалуйста, передайте от меня Гэн Гуну низкий поклон.

Забрав жену, детей и десятка два солдат, Бань Чао действительно двинулся обратно в царство Шуле...

После долгого пути вдали, наконец, показались пожелтевшие тополя и ивы, окружавшие крепость Шуле. За рекой, протекавшей через город, поднималось огромное мутное облако желтой пыли. Бань Чао остановил коня и долго смотрел на землю, в которой будут лежать его кости...

После ухода Бань Чао из царства Шуле там сразу же начался бунт. Вернувшись, Бань Чао казнил 600 человек, вступивших в сношения с Гуйцы (Куча), и тем восстановил в стране мир и покой.

Оставаясь в Шуле, Бань Чао не вмешивался в дела управления царством. Он служил в должности военного советника у Чжуна, правителя страны, и на самом деле имел власть только над войском. А еще Бань Чао души не чаял во владителе царства — молодом, красивом и бесстрашном Чжуне, великолепном наезднике и стрелке из лука. Чжун тоже прекрасно относился к Бань Чао и высоко ценил его достоинства...

На третьем году под девизом правления Цзянь-чу (78 г. н. э.) царство Гумо (Аксу) вступило в союз с Гуйцы, противником Шуле, и, таким образом, перешло в стан его врагов.

Бань Чао собрал под своим началом более десяти тысяч солдат из царств Шуле, Кангюй, Юйтянь, Юйми и двинулся с ними на север. Пройдя болотные топи, окружавшие реки Юйтянь и Тарим, он свернул в пустыню и неожиданно атаковал лагерь Гумо. Эта длительная экспедиция — только дорога в одну сторону заняла месяц — принесла Бань Чао 700 отрубленных голов его врагов...

Вернувшись из дальнего похода, Бань Чао решил представить ханьскому двору свои соображения о политике «управлении варварами посредством варваров».

«Покорнейше прошу вас по примеру августейших предков ваших продолжить освоение западных земель, то есть на севере атаковать сюнну, а на западе — посылать послов в чуждые пределы. Шаньшань и Юйтянь уже сейчас склоняются к империи. Юйми, Шачэ, Шуле, Большое Юэчжи, У сунь и Кангюй также желают вернуться... Имея это в виду, можно с их помощью разбить Гуйцы и обеспечить беспрепятственное движение по трактам, ведущим в Хань. Приобрести Гуйцы — значит в сотню раз против нынешнего уменьшить число тех, кто сеет беспорядки в Западном крае».

Так начиналась пространная докладная записка на высочайшее имя, в которой Бань Чао предлагал целый план действий по захвату Гуйцы. Когда-то сын прежнего правителя Гуйцы, Байба, был отправлен в Хань в качестве заложника. Теперь, согласно Бань Чао, нужно было объявить Байбу новым владителем Гуйцы, придать ему войско и с его помощью нанести удар по непокорному царству.

В своем рапорте Бань Чао отметил и еще одно обстоятельство, важное для покорения Гуйцы: поля и нивы Шачэ и Шуле располагались на исключительно плодородных почвах и вполне могли обеспечить провиантом ханьские экспедиционные войска...

Таким образом, Бань Чао предлагал использовать в дальнем зарубежном походе не только военную силу варваров, но и их продовольственные ресурсы...

Но с кем передать докладную записку? Бань Чао долго выбирал посланника из числа своих соратников, вместе с которыми он провел немало лет в Западном крае...

Один из них — его звали Чжао — сам вызвался выполнить эту миссию. Все эти годы Чжао

служил Бань Чао верой и правдой и всегда был готов жизнь отдать за своего командира. А еще в Чжао поражала стремительность и четкость, с которыми он отдавал команды солдатам. Так что у Бань Чао просто не было лучшего кандидата на важную роль посланника, готового отправиться на родину, за десять с лишним тысяч *ли*... Но, поразмыслив, Бань Чао все же выбрал для этой цели другого человека.

— Но почему?! Почему вы не поручили это важное дело мне? — удивился Чжао.

— Видишь ли, — отвечал ему Бань Чао, — я никак не могу предугадать, согласятся ли при дворе с моими предложениями: слишком мало там тех, кто осведомлен в делах Западного края. Сто против одного, что ничего не получится. Так зачем же мне ради этого отрезать свою собственную ногу? — Иными словами, Бань Чао не хотелось расставаться со своим самым преданным соратником по зарубежью, человеком, которому он доверял больше других...

Впрочем, вопреки опасениям Бань Чао, ханьский двор принял его записку благосклонно. Император Чжан-ди своим указом присвоил Сюй Ганю ранг *цзясыма*, исполняющего обязанности начальника военного приказа, придал ему тысячу «добровольцев», отобранных по всей стране из числа преступников, и направил их в Западный край на помощь Бань Чао.

Отряд Сюй Ганя добрался до Шуле как раз в тот момент, когда положение Бань Чао перед лицом внешних и внутренних врагов стало критическим: царство Шачэ вышло из подчинения и стало действовать заодно с Гуйцы, в самом Шуле тоже нашлись изменники...

Воспользовавшись подоспевшей подмогой, Бань Чао подавил внутренние беспорядки и казнил более тысячи мятежников. Теперь на очереди было усмирение Гуйцы, но прежде чем начать эту экспедицию, Бань Чао снова обратился к ханьскому двору — на этот раз с предложением сделать примирительные заявления в отношении Усуни.

Между Бань Чао и империей теперь постоянно курсировали многочисленные гонцы. От одного из них Бань Чао узнал, какие невероятные слухи ходят в Лояне о нем самом: дескать, спокойно живет он себе за границей с женой и детьми в покое и праздности, а о родине и думать забыл...

Бань Чао быстро определил клеветника: это был некий Ли И, которого по его же, Бань Чао, просьбе направили в качестве посла в У сунь. В то время Гуйцы перерезали дорогу к этому царству, и посол вернулся домой, так и не выполнив свою миссию...

Впрочем, Бань Чао не очень озлобился на человека по имени Ли И. Гораздо больше его раздражало состояние умов соотечественников, благодаря которому так легко разносились по родной стране сплетни, распускаемые подобными ничтожными людишками...

Тем не менее, Бань Чао решил расстаться с женой и отправить ее на родину. Стоя в крепости у окна своих каменных палат, он долго смотрел, как все дальше и дальше на восток уходит осел, на котором восседает его жена, и конный отряд охраны, пока, наконец, клубящиеся тучи песка и солнечное марево не скрыли от его глаз крохотную женскую фигурку...

Вместо Ли И в царство Усунь был направлен новый ханьский посол. Правитель царства согласился установить отношения с Хань и отправить туда своего сына в качестве заложника. Вскоре к Бань Чао в Шачэ тоже пожаловал посол из царства Усунь с богатыми дарами. К тому времени прошло уже полгода, как Бань Чао расстался с женой.

На приеме Бань Чао со всем возможным почтением обратился к проделавшему долгий путь усуньцу:

— Сегодня мне хотелось бы преподнести вам то, что вы пожелаете. Все, чем я располагаю здесь, — ваше. Поэтому покорнейше прошу вас обходиться без церемоний...

Усуньский посол понял слова Бань Чао как вежливое преувеличение и произнес:

— Разве что осмелюсь просить что-либо для вас менее значимое...

— Самое дорогое, что у меня было, я уже отправил в Хань, пожертвовав им ради

построения отношений с вашей страной. А больше ничего ценного у меня, увы, не осталось... — ответил на это Бань Чао...

В следующем, первом году под девизом царствования Юань-хэ (84 г. н. э.) на помощь Бань Чао в Западный край были направлены 800 солдат под командованием Хэ Гуна.

Получив свежее подкрепление, Бань Чао нанес удар по царству Шачэ. В ходе этой кампании против Бань Чао выступил человек, который до этого много лет делил с ним все трудности и лишения. Это был Чжун, правитель царства Шуле, подкупленный Шачэ.

Посадив на царский трон Шуле бывшего первого министра, Бань Чао уже было собрался атаковать Чжуна, но от этой мысли пришлось отказаться, потому что тот получил подкрепление из царства Кангюй и ушел вместе с кангюйскими войсками.

Зачем Чжун поднял мятеж? Для Бань Чао душа варвара осталась совершенно темной...

Два года спустя, на третьем году Юань-хэ (86 г. н. э.), когда Чжун во главе кангюйских войск напал на Шуле, он был схвачен и предстал перед Бань Чао...

Вынув меч из ножен, полководец подошел к пленнику и остановился. Глаза молодого бывшего правителя, которого он когда-то так любил, пылали ненавистью. Почему? Это тоже так и осталось непонятно...

— Варвар! — выдохнул Бань Чао, и голова Чжуна упала ему под ноги...

С этого времени немногословный по природе Бань Чао стал совсем молчаливым...

В первом году под девизом царствования Чжан-хэ (87 г. н. э.) Бань Чао собрал более 25000 солдат из Шуле (Кашгар), Юйтяня (Хотан) и других царств и нанес новый удар по Шачэ (Яркенд).

В это время в войсках поползли слухи, что Чжао, один из подчиненных Бань Чао, тайно взял себе в жены женщину из Юйтяня и из-за любви к ней совсем потерял боевой дух. Бань Чао поначалу не придавал этим слухам никакого значения, но когда они появились вновь, то вызвал к себе Чжао и спросил, правда ли это — про женщину.

— Так точно, правда, — без тени смущения ответил тот. — Только вот что из-за этого я боевой дух потерял — такого и. в помине нет... Готов выполнить любое, самое опасное ваше задание! Приказывайте!

Бань Чао понимал, что в словах Чжао нет ни капли лжи. Тем не менее, он приказал ему немедленно отослать женщину обратно в Юйтянь...

Получив такой приказ, Чжао снова пришел к Бань Чао, на этот раз вместе с той самой женщиной — а на самом деле молоденькой девушкой с сережками в ушах...

На дорогу Чжао дал ей осла и кувшин с водой...

Причитания женщины еще очень долго звучали в ушах Бань Чао. Но он ведь всего лишь приказал Чжао сделать то, что раньше сделал сам...

Два дня спустя тело женщины было найдено в степи между Шачэ и Шуле. В ее груди торчали две отравленные стрелы. По пути домой, в Юйтянь, женщину убили солдаты из Шачэ...

Бань Чао повелел разыскать Чжао, чтобы отдать ему приказ захоронить тело женщины, но того в расположении отряда не оказалось. Бань Чао лично обошел лагерь — безрезультатно. Верный соратник, с которым он долгие годы делил все трудности и горести, пустился в бега...

Во время этой кампании Бань Чао внезапно атаковал объединенное войско Шачэ и Гуйцы, что принесло ему 5000 отрубленных вражеских голов, а также множество лошадей и большие суммы денег. Вернувшись в Шуле, Бань Чао разослал повсюду гонцов на поиски Чжао, но того и след простыл.

В том же году правитель Шачэ, который особенно долго сопротивлялся Бань Чао, был, наконец, свергнут...

В самой Хань в первом году под девизом царствования Юн-юань (89 г. н. э.) скончался

император Чжан-ди, ему наследовал его сын Хэ-ди.^[61]

С тех пор как Бань Чао был назначен послом в Шаньшань и впервые попал в Западный край, прошло 17 лет. Своими многолетними военными и дипломатическими усилиям Бань Чао, которому уже исполнилось 58 лет, сумел подчинить Ханьской империи все царства Южного тракта.

Впрочем, и вдоль Северного тракта осталось только два царства, враждебных Хань: лишь Гуйцы (Куча) и Яньци (Карашал), опираясь на поддержку Сюнну, продолжали упорно сопротивляться усилиям Бань Чао.

Со своей стороны, и Бань Чао никак не мог нанести по ним мощный удар, ведь каждый поход против этих отдаленных, затерянных в бескрайней пустыне царств занимал по крайней мере месяц...

Конечно, солдат для таких походов можно было легко набрать в царствах Северного тракта. Но у Бань Чао было очень мало надежных ханьских воинов, а без них он не мог нанести решающий удар по объединенному войску Гуйцы и Яньци, усиленному к тому же бесстрашными солдатами из Сюнну...

В свою очередь, после того как Бань Чао покорил царство Шачэ, единственного союзника Гуйцы и Яньци на Южном Пути, эти царства также не решались на далекие и крупные военные экспедиции. Вместе с тем отряды северян, усиленные конницей Сюнну, то и дело появлялись вблизи царств Южного тракта и затевали небольшие стычки.

После одного из таких боев подчиненные доложили Бань Чао, что среди командиров войска Гуйцы видели удальца, очень похожего на Чжао. А один из подчиненных вообще настаивал на том, что виденный им командир-сюнну не мог быть никем, кроме Чжао...

— А почему ты в этом так уверен? — спросил его Бань Чао.

— Сюнну как воюют? — ответил тот. — Сперва по пущенным стрелам узнают нашу силу, а потом набегают со всех сторон и мечами рубят... А тот, который на Чжао похож, — тот совсем по-другому бился. Подошел поближе и давай засыпать нас стрелами, а когда они закончились, то бросил по центру конницу и вихрем пронесся через весь наш отряд. Чжао всегда любил так драться, — заключил воин...

Впрочем, доказать, что это действительно был Чжао, так никто тогда и не смог...

В пятой луне второго года Юн-юань (90 г. н. э.) Бань Чао принял на себя удар семидесятитысячного войска памирского царства Большое Юэчжи.

Известие о вторжении огромной армии вызвало в столице панику, но Бань Чао не устранился крупномасштабной вражеской экспедиции: солдат у юэчжей действительно было много, но зато провиант им приходилось доставлять за много тысяч *ли*...

В конце концов юэчжам все же удалось окружить войска Бань Чао, но тут у них как раз и возникли трудности с провиантом. Юэчжийский полководец послал конный отряд на восток, в Гуйцы, просить продовольствие, но Бань Чао предусмотрительно поставил на дороге засаду, и вражеский отряд был изрублен.

Юэчжи столь устрешились, что пришли к Бань Чао просить мира. Скоро мир действительно был заключен, юэчжи ушли за Памир и прислали оттуда Бань Чао драгоценные камни, львов, персидских антилоп и другие диковины...

В пятой луне того же года военачальник Доу Сянь выбил сюнну из занятой ими крепости Иулу, так что на этой территории от кочевников не осталось и следа. Как следствие одержанной победы перешли под руку Хань царства Чэши Ближнее и Чэши Дальнее, которые до того времени противостояли империи.

Во второй луне следующего, третьего года Юн-юань (91 г. н. э.) Доу Сянь снова перешел границу империи, прошел 5000 *ли* и у подножия Алтайских гор нанес поражение сюнну,

захватив 4000 пленных.

В результате этих ударов сюнну ушли на Запад и более на северной границе пустыни не появлялись. С этого времени Гуйцы и Яньци стали терять свои позиции в Западном крае и в конце концов совершенно ослабели.

Таким образом, после ухода юэчжей и поражения сюнну вся территория Западного края постепенно перешла под контроль Хань. В десятой луне того же года перед Бань Чао наконец-то пал многолетний враг ханьцев царство Гуйцы (Куча), которое противостояло полководцу вместе с войсками союзников — царств Гумо (Аксу) и Вэньсу.

В этом же году после пятнадцатилетнего перерыва была восстановлена должность Всеохраняющего Западный край (последний раз ее учреждали в первом году под девизом правления Цзянь-чу (76 г. н. э.), а просуществовала она тогда чуть более года). Новым Всеохраняющим стал Бань Чао. Его постоянный помощник Сюй Гань получил должность *чжанши*.

В двенадцатой луне третьего года под девизом Юн-юань (91 г. н. э.) Бань Чао оставил в Шуле войска под командованием Сюй Ганя, а сам ушел в Гуйцы. Кроме того, один ханьский воевода пятого ранга и 500 его солдат заняли город Гаочан в царстве Чэши Ближнее, а другой военачальник вошел в крепость, принадлежавшую наследнику правителя Чэши Дальнего.

Первый же гонец, прибывший из Лояна после того, как Бань Чао получил титул Всеохраняющего Западный край, принес полководцу печальное известие о том, что его старший брат Бань Гу умер в тюрьме.

Как оказалось, Бань Гу, известный ученый-конфуцианец, уже в преклонных годах участвовал в походе против сюнну, будучи советником военачальника Доу Сяня, но по навету клеветника был брошен в тюрьму, где и умер... Известие о смерти брата привело Бань Чао в самое мрачное расположение духа.

Многие годы провел Бань Чао в чуждых пределах, занятый ратным делом, но впервые по его щекам потекли слезы вечной разлуки с родным человеком — хотя и матери, и жены его уже несколько лет как не было в живых...

В том же году, вслед за сообщением о смерти старшего брата, Бань Чао получил еще одно печальное известие. Умер Гэн Гун, человек, который многие годы отдал трудной борьбе в Западном крае. После окончания кампании на этих землях отважный полководец отличился в сражениях против западных цянгов,^[62] но был оклеветан и брошен в тюрьму. Уволенный с государственной службы, он впал в меланхолию и вскоре скончался...

Разрыдавшийся при вести о смерти старшего брата, Бань Чао не пролил ни слезинки при известии о кончине Гэн Гуна, но целый день просидел взаперти, не желая никого видеть...

Осенью шестого года под девизом правления Юн-юань (94 г. н. э.) Бань Чао направил войска против трех царств, которые по-прежнему никак не желали окончательно покориться Хань. Это были царство Яньци (Карашал) и две его марионетки — Вэйсюй и Вэйли. Собрав 70 тысяч солдат из восьми царств (Гуйцы, Шаньшаня и др.), а также 1400 человек китайских чиновников и торговцев, Бань Чао пошел в наступление на Яньци.

Когда войско вышло к границам Вэйли, Бань Чао послал в каждое из трех царств гонцов с посланием следующего содержания:

«Я, Всеохраняющий, пришел усмирить ваши три царства. Ежели желаете исправить свои ошибки и обратиться к добродетели, то вышлите навстречу мне людей высоких чинов. Я награжу прибывших правителей и их приближенных дарами. Как только все будет должным образом исполнено, сразу отведу войска. Каждому правителю вышлю также по пятьсот штук ткани, лощеного шелка...»

В ответ из Яньци прибыл главнокомандующий Бэй Цзяньчжи — человек, который на самом деле обладал в царстве реальной властью. От имени правителя он преподнес войскам Бань Чао традиционное угощение — говядину и вино.

Бань Чао одарил Бэй Цзяньчжи, но заставил его вернуться обратно, сказав:

— К вам прибыл лично Всеохраняющий! Если его не выйдет встречать сам правитель, это будет нарушением всех приличий!

Вскоре Гуан, правитель царства Яньци, действительно выехал с дарами в Вэйли приветствовать Бань Чао. Одновременно он приказал разрушить все мосты через болотистый, густо поросший тростником перешеек, чтобы не пустить войско Бань Чао в свое царство. Казалось, что огромная армия теперь прочно заперта в Вэйли и не сможет пробиться в Яньци.

Однако Бань Чао, узнав о том, что мосты разрушены, двинулся другой дорогой. Его солдаты шли по горло в воде, но сумели форсировать озеро и войти в Яньци.

Один из крупных чиновников этого царства решил вступить в тайные переговоры с противником и направил к ханьцам посланника, но Бань Чао его казнил. Затем он приказал властителям трех царств в определенный день собраться у него в лагере, пообещав «щедро воздать» прибывшим.

Пришли 30 человек, в том числе Гуан, правитель Яньци, Фань, правитель Вэйли, а также Бэй Цзяньчжи. Правитель царства Вэйсюй на встречу не явился. Еще семнадцать человек, включая главного министра Фуцзю, устрашились кары за содеянное и покончили с собой, бросившись в озеро.

— Почему здесь нет правителя Вэйсюя? Почему утопились Фуцзю и другие люди? — обрушился Бань Чао на Гуана и его чиновников. Голос полководца гремел, слова звучали резко, словно команды. Не сходявшая с лица Бань Чао суровость делала его иным, совершенно на себя не похожим...

За убийство Чэнь Му, бывшего Всеуправляющего Западным краем, Гуан и Фань были казнены.

Бань Чао ввел войска во все три царства и, наконец, водворил в них спокойствие. Он взял в плен 15 тысяч человек и захватил 340 тысяч голов скота — лошадей, коров, овец.

Полгода Бань Чао провел в Яньци. Он возвел на трон нового правителя, полностью усмирив волнения в царстве и только после этого с триумфом возвратился в Гуйцы.

В следующем, восьмом году под девизом правления Юн-юань (96 г. н. э.) ^[63] Бань Чао был удостоен титула Динъюань-хоу и получил во владение тысячу дворов.

В девятом году Юн-юань (97 г. н. э.) Бань Чао направил Гань Ина послом в государство Дацинь (Римская империя). У западных границ царства Аньси (Парфия) дорогу Гань Ину преградили вооруженные люди, поэтому посол не достиг своей цели и вернулся домой. Тем не менее, могущество Ханьской империи распространилось за Памир, и она стала принимать дары даже из таких далеких стран, которые отстояли от империи на 40 тысяч *ли*...

В начале четырнадцатого года под девизом царствования Юн-юань (102 г. н. э.) Бань Чао впервые направил на высочайшее имя просьбу разрешить ему вернуться на родину:

«Если жизнь моя завершится в воинском стане, то жалеть я несколько не буду. Но при всем том не хотелось бы, чтобы потомки писали: "Вассал такой-то скончался в Западном крае". Слуга ваш покорный уж не питает надежды достичь уезда Цзюцюань. Желал бы лишь одного: еще при жизни своей войти во врата Юймэньгуань...

С тех пор как получил я приказ отправиться в пустыню, уж тридцать лет пролетело. С родными своими навек разлученный, более их не увижу; все, кто со мной рука об руку шли — все покинули мир сей... Годы мои велики, семьдесят мне

миновало. Хвори меня одолели, дряхлость и старость, и нет уже на голове моей ни одного черного волоса...»

В своем длинном письме-прошении на высочайшее имя Бань Чао ни словом не погрешил против истины: ему действительно уже было за 70, и 30 лет он провел в чужих краях. Император Хэ-ди внял просьбе Бань Чао и весной того же года издал указ о возвращении его на родину.

Получив приказ возвращаться, Бань Чао решил тотчас же покинуть Гуйцы. Перед отъездом он пригласил к себе своего преемника, нового Всеохраняющего Жэнь Шана и обратился к нему со следующими словами:

«Нет за Великой стеной средь служилого люда почтительных сыновей иль благодарных потомков. Все, кого в дальних землях на должности мы назначали, — все совершали проступки и прегрешенья. Души у варваров — словно у птиц и животных: трудно взрастить их, но проще простого разрушить. В чистой воде не водится крупная рыба. Добросердечным правлением мира в низах не добьешься. К мелким проступкам питай снисхождение, забрасывай крупные сети...»

Тридцать лет жизни в чуждых пределах многому научили Бань Чао. И говоря о людях с душами, как у животных и птиц, он имел в виду далеко не только одного Чжуна, правителя царства Шуле...

В седьмой луне Бань Чао двинулся через зыбучие пески на восток. Много лет назад вместе с ним шли на запад тридцать шесть его подчиненных. Сегодня из тех сопровождающих ни осталось никого, ни единого человека — все они умерли...

Пустыня же за эти годы совершенно не изменилась. Обжигающе горячий ветер все так же носил по воздуху песок, мелкие камни и засыпал ими путников.

А еще в поле зрения ослабевших глаз Бань Чао часто попадали караваны важно шествующих верблюдов, которые принадлежали кочевникам — это было единственное, что изменилось в пустыне.

Бань Чао прошел — как он и надеялся, живым — через ворота заставы Юймэньгуань; миновал уезд Цзюцюань, на землю которого он не чаял снова вступить; прошел через несколько городов, в которых шла бойкая торговля с племенами инородцев — и, наконец, в конце восьмой луны, проделав путь длиной более трех тысяч *ли*, вступил в столицу, Лоян.

Вскоре после прибытия Бань Чао получил аудиенцию у императора Хэ-ди. Когда-то полководца направил послом в Западный край император Мин-ди. С той поры на троне сменилось два поколения монархов — сначала его занял Чжан-ди, а затем Хэ-ди. Нынешний Сын Неба был молод, ему исполнилось только 24 года...

Выйдя из императорского дворца, Бань Чао в сопровождении трех человек отправился пройтись по улицам Лояна. Они показались ему сплошными торговыми рядами, над которыми витали варварский дух и варварские манеры. Одежды прохожих били в глаза своей роскошью. Бань Чао заметил женщин, чьи запястья были украшены речным жемчугом из страны Юйтянь. Собственно говоря, все изобилие в городе создавалось рядами лавок, в которых продавались товары из варварских стран. Бань Чао своими глазами увидел, что те трудности и лишения, которые он испытывал в чужих странах, удивительным образом превратились в изобилие лоянских улиц. Улиц, по которым он, Бань Чао, сейчас проходил...

— Варвар!

Крик мальчишки заставил Бань Чао остановиться. Он вдруг понял, что это слово относится

именно к нему. Тридцать лет жизни на чужбине действительно превратили его в старого варвара. Желтая пыль пустыни изменила цвет кожи и глаз, а годы одиночества окончательно согнали с его лица присущие ханьцам хладнокровие и невозмутимость.

Бань Чао давно страдал от болей в груди, и после аудиенции у Хэ-ди слег в постель. Император, узнав о болезни посла, соизволил прислать ему лучшие лекарства...

В начале девятой луны, когда здоровье Бань Чао немного улучшилось, он снова получил у Хэ-ди аудиенцию, на которой представил монарху детальный доклад о положении дел в западных землях.

Выйдя в тот день из императорского дворца, Бань Чао снова решил пройтись по улицам Лояна. И снова услышал:

— Варвар!

На этот раз кричала уже целая ватага уличных мальчишек.

Бань Чао направился на северо-западную окраину города, где жили торговцы из числа варваров. Мужчины и женщины из стран Западного края зазывали покупателей каждый на своем языке.

По дороге Бань Чао повстречался один сюнну. Это был древний, зажившийся, изможденный старик, одетый в какие-то лохмотья, и только глаза у него были острые, пронизывающие. Бань Чао мельком взглянул на сюнну и вдруг понял, что когда-то знал этого человека...

Лишь через некоторое время его осенило: неужели это Чжао?! Тот самый Чжао, с которым в его жизни было столько связано? А если это Чжао, то, значит, он тоже много лет провел в северных пустынях и набрался обычаев сюнну, которые изменили не только черты лица, но и весь его облик...

На следующий день Бань Чао окончательно слег и вскоре скончался. После прибытия его в Лоян не прошло и двадцати дней. При дворе глубоко скорбели о смерти посла и отслужили по нему пышную поминальную службу.

Вскоре после кончины Бань Чао Западный край снова впал в смуту. Всеохраняющий Жэнь Шан перестал следить за настроениями на этих землях, в результате чего все царства Западного края сплотились и единым фронтом выступили против него. А с тех пор как Всеохраняющим стал Дуань Си, пламя войны в Западном крае уже не угасало...

А потом... Потом выяснилось, что дорога в Западный край далека и трудна; что варварские народы непостоянны и склонны к измене; что пребывание войск в Западном крае требует колоссальных средств — и в силу этих трех причин при императоре Ань-ди, в шестой луне первого года под девизом царствования Юн-чу (107 г. н. э.) Ханьская империя окончательно ушла из Западного края. Были отозваны Всеохраняющий, чиновники, ведавшие военно-земледельческими поселениями, выведены все войска. Ворота заставы Юй-мэньгуань снова наглухо закрылись.

Шел пятый год после смерти Бань Чао...

О ПАГУБАХ, ЧИНИМЫХ ВОЛКАМИ

На тридцать втором году правления китайского императора Ши-хуан-ди ^[64] (215 г. до н. э.) в северных пределах империи военачальник Мэн Тянь во главе огромной трехсоттысячной армии атаковал войска сюнну. Это было первое прямое противостояние между собственно Китаем, объединенным под властью династии Цинь, и могущественным северным кочевым народом. Мэн Тянь нанес сюнну несколько поражений и занял плато Ордос, ^[65] которое в течение многих лет подвергалось набегам кочевников. Теперь здесь были созданы китайские уезды, а сам Мэн Тянь обосновался в районе Шанцзюнь (ныне уезд Суйдэ провинции Шэньси), откуда руководил всеми войсками, охранявшими границу.

Позднее Мэн Тянь был направлен на строительство Великой стены, простиравшейся на десять тысяч *ли* от области Линьтяо (уезд Линьчжан провинции Ганьсу) до области Цяньдун. Подчиненные ему отборные воинские части в стратегически важных пунктах «срывали горы, засыпали ущелья — прокладывали прямой тракт».

Ши-хуан-ди также направил в Шанцзюнь своего старшего сына Фу Су. В должности военного инспектора тот вместе с Мэн Тянем должен был «прилагать все силы для усмирения сюнну».

Благодаря принятым мерам сюнну уже не могли, как прежде, выдвигать к государственным границам Цинь большие соединения и теперь совершали только мелкие набег, которые, впрочем, постоянно повторялись.

На тридцать седьмом году своего правления (210 г. до н. э.) император Ши-хуан-ди скончался. К этому времени прошло уже шесть лет с тех пор, как Мэн Тянь нанес свои удары по сюнну.

Первый советник Ли Сы и евнух Чжао Гао задумали узурпировать власть и сделать вторым императором-властителем, Эрши Хуан-ди, не законного наследника Фу Су, а младшего сына Ши-хуан-ди, принца Ху Хая. Они написали от имени императора подложное письмо, устранявшее с их пути его старшего сына Фу Су, а заодно и военачальника Мэн Тяня: обоим была дарована «почетная смерть». Получив этот указ, Фу Су покончил с собой, заколовшись мечом, а Мэн Тянь принял смерть от яда в Янчжоу.

А всего лишь через четыре года после этого империю Цинь постигла печальная судьба: она рухнула — и, как оказалось, именно эти события и поставили ее на грань распада.

Опасаясь плохих последствий, новые власти тщательно скрывали от войск, охранявших северные границы, факт «почетной смерти» наследного принца Фу Су и военачальника Мэн Тяня. Только через полгода после этого случая о нем случайно стало известно в одном из подразделений, охранявших Великую стену на ближайшем к Шанцзюню участке Ордоса. Вслед за тем печальная весть двумя языками пламени побежала по всей извилистой Великой стене на восток и на запад: сначала — медленно, потом — постепенно набирая скорость. Так мчится по степи пламя пожара...

Повсеместно вспыхивали беспорядки. Для солдат, охранявших границу, самоубийство военачальника Мэн Тяня и наследного принца Фу Су было гораздо более важным событием, нежели кончина императора Ши-хуан-ди, ибо непосредственно затрагивало их самих. Особенно тяжело воспринимали солдаты и офицеры смерть Мэн Тяня...

Конечно простая солдатня, собранная по всей стране из головорезов и преступников, относилась к Мэн Тяню по-своему. Но сотни и тысячки за время сражений с сюнну в чуждых землях прониклись к своему военачальнику если не благоговейным трепетом, то

глубоким уважением. А некоторые его просто боготворили: беспристрастность Мэн Тяня, его заботливость о подчиненных, его порядочность, отвага, честность — все эти качества полководца стали своего рода талисманами, оберегавшими жизни солдат на северных рубежах...

Впрочем, в глазах других людей Мэн Тянь, напротив, был дьяволом, заслуживающим всяческих проклятий. Он мог ради своего успеха безжалостно положить костями тысячи людей, он был готов ради борьбы с варварами по много лет держать войска за границей. Он был суров — ради сохранения воинской дисциплины. Он мог легко лишить жизни дюжину солдат — ради поддержания порядка.

Итак, пока одни скорбели о кончине Мэн Тяня, другие страстно надеялись, что эта смерть поможет им вернуться на далекую, давно покинутую родину. Однако вызванные этими настроениями волнения не шли дальше простого брожения умов. Вокруг известия о смерти Мэн Тяня строились различные догадки и ложные умозаключения — впрочем, они оставались лишь слухами и не приводили к конкретным действиям. Места службы офицеров и солдат слишком далеко отстояли от столицы, чтобы они могли судить об истинном положении вещей при дворе или предсказать, куда именно повернет эпоха в своем развитии...

Если слухи о смерти Мэн Тяня на самом деле и повлияли на обстановку в передовых частях, то только в одном подразделении, которому выпал наихудший жребий среди всех войск, охранявших Великую стену: стоять на самом отдаленном ее участке, у подножия Темных гор, Иньшань... [\[66\]](#)

В тот день отряд из тысячи воинов под командованием Лу Чэнькана находился в пятистах *ли* к северу от Великой стены. После тяжелых сражений с сунну, продолжавшихся более месяца, у бойцов, наконец, выдался день отдыха. Сунну бежали из этой местности на север, и теперь она была свободной от противника.

Впрочем, Лу Чэнькан не собирался оставлять здесь свой отряд даже на один день: уже завтра воинам предстояло снова двинуться на север. Хорошо понимая, какую опасность таит в себе долгое преследование, командир все же собирался атаковать еще один населенный пункт, который располагался в горах в двухстах *ли* к северу и был превращен в опорную базу сунну. Для того чтобы поставить точку в прошедшей кампании, эту деревушку нужно было сжечь дотла — только так и можно было искоренить причину регулярных набегов сунну на эти земли. Об этом же говорилось и в приказе, который Лу Чэнькан получил от своего начальника. К тому же время уже шло к зиме, вот-вот должен был выпасть снег, и все боевые действия нужно было завершить до первого снегопада.

В тот день Лу Чэнькан принимал гонца из вспомогательного отряда китайских войск. Это подразделение под командованием Чжан Аньляна также стояло за границами империи, но в глубоком тылу передовых частей. В поисках стоянки отряда Лу Чэнькана посланец десять с лишним дней метался по предзимней степи, продуваемой диким северным ветром, но все же довез до цели переданные Чжаном триста шкур, большой запас мяса и письмо.

Лу Чэнькан с каким-то щемящим чувством нежности припомнил лицо своего боевого друга, с которым он так давно не виделся. Для отряда, которому предстояла трудная зимовка в горах Иньшань, шкуры и мясо были просто бесценным подарком.

Командир тепло встретил гонца и прямо перед своей палаткой устроил пир в его честь. Именно здесь, на пиру, Лу Чэнькан раскрыл письмо от Чжан Аньляна, прочитал его — и не поверил своим глазам: несколько иероглифов, выписанных на бамбуковой дощечке, сообщали, что военачальник Мэн Тянь «принял почетную смерть».

Известие не укладывалось у Лу Чэнькана в голове. Для него Мэн Тянь всегда был самым живым из всех живых...

Когда-то, на двадцать шестом году правления Ши-хуан-ди, Мэн Тянь одержал большую победу над княжеством Ци.^[67] В том сражении участвовал и Лу Чэнькан — тогда он командовал небольшим отрядом. С тех давних пор Лу Чэнькан всегда нес службу под началом Мэн Тяня. Десять лет своей жизни, с тридцати до сорока, они отдали борьбе против варваров!

Конечно, за это время Лу Чэнькан не возвысился так, чтобы получать аудиенции у Мэн Тяня. Но зато Лу был однажды удостоен доброго отеческого слова из уст полководца!

...Было это осенью тридцать третьего года, когда овладевшие Ордосом циньские войска противостояли армии сюнну. Противников разделяла река Хуанхэ. Лу Чэнькан воевал тогда в отряде, который первым переправился через реку и трое суток в ожесточенных боях удерживал плацдарм на противоположном берегу. Нескольких воинов, оставшихся в живых после этих боев, приветил сам Мэн Тянь. По-видимому, Лу Чэнькан привлек внимание полководца своим внушительным видом, поэтому Мэн Тянь только на него обратил свой благосклонный взгляд и спросил, как его зовут. А когда Лу Чэнькан назвал себя, то Мэн Тянь кивнул головой и произнес: «Герой — вот твое имя!» То были единственные слова, сказанные им перед строем...

Лу Чэнькан испытал тогда незабываемые чувства. Он действительно был смел и отважен, но после этих слов его отвага возросла против прежней вдвое... Позднее Лу командовал сотней, полутысячей, тысячей солдат — и всегда его воинов направляли в самую гущу боев. А еще... Конечно, сам Мэй Тянь об этом и не подозревал, но Лу Чэнькан всегда выполнял все приказы так, как будто их отдавал лично он, его полководец. Ради своего командующего Лу мог вынести любые тяготы и, не задумываясь, пожертвовать жизнью...

Словом, Лу Чэнькану в любом случае было трудно поверить в то, что командующий Мэн Тянь вдруг просто так, беспричинно, взял да и принял «почетную смерть». Лу отказывался в это верить. Нет, этого положительно не может быть! Ему казалось, что произошло что-то сродни мгновенному светопреставлению, случилось сотрясение тверди земной...

Всю ночь Лу Чэнькан не смыкал глаз. И бессонной той ночью, после долгих размышлений, принял он в сердце своем твердое решение: все баталии с еюнну прекратить, а отряд свой отвести на родину. Нет теперь никакого смысла сражаться с еюнну, нет никаких причин оставаться на зимовку в землях варваров. Все эти причины были — но были лишь до тех пор, пока был жив Мэн Тянь. А теперь-то его нет...

О том, что с ним случится после возвращения отряда на родину, Лу Чэнькан совершенно не думал. Пусть его покарают, пусть приговорят к смерти! Какое это теперь имеет значение, если самому командующему Мэн Тяню была беспричинно «дарована смерть»? Не все ли равно, что случится с ним, командиром одного из бесчисленных отрядов, стоящих ныне на границе?

Лу Чэнькан написал Чжан Аньляну письмо, в котором поблагодарил его за дружество и добросердечие, а затем погрузил на лошадей гонца полученные вчера подарки и приказал посланцу возвращаться обратно. Сотня солдат Лу Чэнькана была приставлена охранять посла на всем пути до пункта назначения, отстоявшего от расположения отряда на сотню с лишним *ли*.

На следующий день, дожидаясь возвращения конвоя, Лу Чэнькан собрал свой отряд и впервые сообщил воинам, что все они возвращаются на родину. Солдаты, естественно, не возражали. Они вообще не задумывались о том, что когда-нибудь сражения с еюнну за границами империи, наконец, закончатся, и потому не сразу уразумели истинный смысл слов Лу Чэнькана. Солдаты вдруг остро почувствовали, что все на свете имеет конец — даже их трудная жизнь, которая, казалось, так и будет всегда мчаться прямо к пропасти, полной несчастий и бед...

Спустя три дня после отъезда гонца от Чжан Аньляна, утром, отряд под командованием Лу Чэнькана свернул лагерь и двинулся на юг. По плану намечалось через семь-восемь дней выйти к берегу реки Хуанхэ, а через десять-одиннадцать достичь Великой стены, которую бойцы

отряда не видели уже целых три года.

С самого начала похода отряд встречали всяческие несчастья. Все время дул ледяной, пронизывающий до костей ветер. На третий день к нему прибавился снег; его тяжелые, мокрые хлопья нещадно били в лица людей и хлестали по конским мордам. На четвертый день ветер стих, но снег, и так застилавший все небо, продолжал идти и становился все гуще...

То и дело останавливаясь, отряд продолжал ощупью двигаться вперед. Каждый из тысячи солдат, находившихся в подчинении у Лу Чэнькана, как свои пять пальцев знал эту степь, по которой они проходили несчетное число раз. Но каждый знал и тот ужас, который испытывает человек, когда выпавший снег за одну ночь делает знакомую степь совершенно неузнаваемой...

К вечеру того же дня Лу Чэнькан заметил справа по ходу отряда деревушку племени каре: ее землянки были разбросаны у подножья безымянного холма. За день отряд не прошел и половину пути до деревни, где был намечен ночлег. Идти дальше не имело смысла. Двигаться вперед — значило только множить число раненых и обмороженных и увеличивать опасность потеряться в буране. В результате было решено войти в деревню племени каре и переждать метель там.

Отряд Лу Чэнькана не только впервые входил в деревню племени каре — он и приближался-то к такой деревне впервые. Среди всех племен, разбросанных по этим землям, племя каре считалось самым диким и варварским. К тому же каре никогда не общались с чужаками. Мужчины этого племени занимались скотоводством, женщины работали в поле — и все они жили в невероятной нищете. Мужчины каре наносили татуировки на губы, а женщины заплетали свои волосы чайного цвета в длинные тугие косы, свисавшие вдоль спины. Что еще — вблизи них витал характерный для всего племени резкий запах, который иноплеменники называли не иначе, как трупным зловонием и потому питали к каре особое отвращение.

Войдя в деревню каре, солдаты Лу Чэнькана заняли пятьдесят освобожденных для них землянок. Конечно, полусотни домиков было явно мало для того, чтобы удобно разместить тысячу солдат, но занимать большее число землянок — значило просто выгнать людей каре на снег. Собственно говоря, пятьдесят землянок тоже не давали солдатам ничего, кроме крыши над головой, но в данных обстоятельствах и это пристанище казалось для них бесценным даром. К тому же нельзя было сказать, что туземцам из племени каре стоило больших трудов освободить пятьдесят землянок: в деревне было около сотни домов, так что речь шла о постое только в половине из них. Обитатели той полусотни землянок, в которых должны были остановиться солдаты, просто перебрались в другие дома, так что размещение отряда больших помех поселянам не создало...

Простояв с полчаса у околицы, отряд, по-прежнему построенный в походную колонну, вошел, наконец, в занесенную снегом деревню племени каре. Пятеро поселян вызвались быть провожатыми: они показывали солдатам пустующие землянки, которые те постепенно и занимали. Землянки были разные: в некоторых помещалось всего несколько человек, в иные же набивалось более тридцати солдат...

Постепенно сокращаясь, колонна солдат медленно продвигалась вдоль подножия холма. Засыпанный снегом по самые макушки росших на нем деревьев, холм более всего напоминал огромный белый пирог...

Только после того как Лу Чэнькан убедился, что все его воины до последнего человека размещены на ночлег, он вошел в отведенное для него жилье — точно такое же, как и прочие. В занесенной снегом землянке еще чадила неостывшая зола от дров, которые только что горели в очаге, вырытом в земляном полу. Все указывало на то, что обитавшие здесь люди оставили свое жилище совсем недавно...

Справа от входа в хижину находилась тесная каморка, пол которой был густо устлан

тростниковыми циновками. Было ясно, что эта комнатка служила хозяевам чем-то вроде спальни, но Лу Чэнькан не смог даже шага сделать за ее порог — такой невероятно тяжелый дух исходил оттуда. «Так вот он какой, этот трупный смрад, за который их так ненавидят другие племена», — подумал командир.

В землянку вошел солдат, разжег огонь в очаге и тотчас вышел. Лу Чэнькан сел на грубый деревянный стул и придвинулся к огню. Здесь ему предстояло провести целую ночь...

Через полчаса двое солдат принесли ужин — и тоже сразу ушли. Ужин состоял из пирожка и супа из баранины. В супе, поблескивая, плавали пятна жира. Глядя на полыхающий огонь, Лу Чэнькан молча начал есть...

После известия о смерти Мэн Тяня Лу Чэнькан заметно отдалился от своих подчиненных. Теперь, когда закончились бои, им незачем было общаться, не о чем было говорить. Подчиненные видели, что сейчас командир не в духе и к нему лучше не подходить. Они слишком хорошо знали, как страшен бывал в гневе Лу Чэнькан, когда, выстроив перед собой пленных сюнну, он без лишних слов отсекал им руки — одну за другой, одну за другой... Солдаты видели такое десятки раз, но так и не смогли привыкнуть к этому зрелищу... Что и говорить: Лу Чэнькан действительно заботился о своих подчиненных больше, чем другие военачальники, но верно и то, что его солдаты после первого случая расправы над пленными сюнну уже никогда не могли избавиться от вечного страха перед своим командиром...

Нехитрый ужин закончился. Лу Чэнькан, ссутулившись, по-прежнему неподвижно сидел и смотрел на огонь. Солдатам, приносившим ему еду, казалось, что их сорокалетний командир старел прямо на глазах. Однако Лу Чэнькан сторбился вовсе не от старости. Просто чем пристальнее вглядывался он в языки пламени, тем сильнее в его сердце бушевала буйная ярость. Мэн Тянь, Мэн Тянь принял смерть! При мысли об этом Лу Чэнькана охватывал бессильный гнев, и он едва удерживал себя в согбенной позе...

Время от времени через щели в двери в дом вместе с порывами ветра залетала снежная крупа. Очаг почти замело белым снегом, но Лу Чэнькан не обращал на это никакого внимания.

Лу Чэнькан задремал, но пробежавший по спине холодный воздух заставил его открыть глаза. Он подбросил дров в огонь. Сырые поленья разгорались с трудом, однако через некоторое время в очаге вновь поднялись алые языки пламени. Лу Чэнькан опять задремал, но был снова разбужен холодным сквозняком. Так повторялось несколько раз, но командир вдруг внезапно вскочил со стула:

— Кто здесь? — прорычал он.

Где-то рядом ему почуялся шорох. Ветер так не шумит.

Некоторое время Лу Чэнькан молча стоял, прислушиваясь к треску поленьев, а затем схватил копьё и распахнул дверь клетки, в которой хранились овощи — она была напротив спальни. Здесь тоже были набросаны камышовые циновки, на которых валялся всякий хлам. Разворошив их копьём, Лу Чэнькан обнаружил настил, закрывавший подпол. Командир без предупреждения ткнул в половицы острием копьёя:

— Выходи!

Было слышно, как человек в подполе зашевелился и стал поднимать крышку погреба. Лу, затаив дыхание, следил за ним, не опуская копьёя.

Из погреба показалась... женщина. Каких лет, непонятно, но точно, что женщина. Лу Чэнькан кинулся к ней, ухватил за одежду и потащил к огню. Но прежде чем он успел хоть слово сказать, женщина сама открыла рот:

— Ты что?! Я же уже умерла! Еще раз убить меня хочешь? — резко произнесла она на местном наречии.

— Чего прячешься? — спросил Лу.

— Да не прячусь я! Просто дом нельзя оставлять. Хозяин-то мой прошлой осенью умер. Дух его в этом доме спит, так что и мне спать снаружи никак нельзя...

— Да, так умер-то мой муж прошлой осенью... — продолжала женщина. — Так что и я теперь разве что дышу, да по виду жива, а на самом деле померла давно. И нет в моем сердце ни печали, ни радости... Умерла я уже, понял? Разве можешь ты меня еще раз убить?

Отблески пламени, пылавшего в очаге, едва освещали лицо женщины, но и этого света было достаточно, чтобы понять, что она была еще очень молода, чуть старше двадцати. Глубоко в ее глазах поблескивали огоньки дикости, отличавшей женщин этого племени.

— Умерла, говоришь? Ну, тогда считай, что я тоже умер: меня тоже ничто не радует, ничто не печалит... — проговорил Лу Чэнькан и повысил голос:

— А мне-то что до мертвецов? Марш в спальню!

Женщина резко подняла голову, так что ее коса отлетела за спину:

— Нет, я пойду! — В ее голосе звучал вызов.

— Куда это, интересно?

— А то ты не знаешь?! Из дома!

— Ты что? Наружу? Зачем?

Лу Чэнькан выглянул за дверь. Там по-прежнему валил снег.

— Ночью, да по такому снегу только за смертью ходить...

— Да сколько ж можно говорить! Я умерла уже! Мне ли смерти бояться? — женщина повернулась и направилась к двери. Лу Чэнькан снова схватил ее за платье:

— погоди! Можешь вернуться к себе!

Женщина снова бросила на него быстрый взгляд:

— Нельзя мне под одной крышей спать ни с кем, кроме мужа! Ухожу! Если нет — иди ты!

Лу Чэнькан все это время не отрывал глаз от лица незнакомки, но только сейчас, совершенно неожиданно для себя, вдруг почувствовал, что женщина распяляет его как мужчину.

Давно забывший, какие они — женщины, Лу Чэнькан вдруг снова, на этот раз против своей воли, взглянул в лицо стоявшей перед ним молодой дикарки.

Бросившись к женщине, Лу в третий раз схватил ее за платье и снова поволок — на этот раз в постель. Женщина отчаянно сопротивлялась, но когда он швырнул ее на сухой камыш, то она вдруг сдалась, перестала противиться Лу и застыла как мертвая...

На рассвете, открыв глаза, Лу с трудом понял, что он лежит в каком-то смрадном логове в обнимку с дурно пахнущей женщиной. Стоял дикий холод, но в объятиях женщины он совершенно не чувствовался: ее тело пылало, как огонь. Женщина спала.

Лу Чэнькан вскочил, схватил оставленный в комнате меч, вынул его из ножен, воткнул в связку сухого камыша, служившего изголовьем, и снова обнял женщину. Теперь он был готов зарубить каждого, кто войдет в спальню. Всякий, кто увидит, что он обнимает женщину из племени каре — не жилец на этом свете!

Женщина проснулась. Она и в этот раз сначала яростно ему сопротивлялась, но потом сдалась и лежала с широко раскрытыми глазами — холодная, застывшая, словно мертвая.

Рассветало. Лу Чэнькан вложил меч в ножны и втокнул женщину в тот же подпол, где она пряталась прежде.

И опять целый день шел снег, а Лу Чэнькан сидел у огня. Он отнес женщине половину своего обеда. Та молча приняла еду.

Наступила ночь. Когда стало ясно, что солдат больше не придет в его землянку, Лу снова вытащил женщину из подвала и поволок ее в заваленную камышом спальню. В ту ночь Лу Чэнькан снова вынул из ножен меч и воткнул его в изголовье, а сам упал на землю и обнял неправдоподобно горячее женское тело...

Ни на третий, ни на четвертый день отряд так и не смог выйти из деревни каре. Снег то шел, то переставал, тяжелые пепельно-серые тучи по-прежнему низко висели над самой землей.

Под защитой обнаженного меча Лу Чэнькан проводил с женщиной ночь за ночью. Лежа с ней, он внимательно вслушивался в тишину, но ни малейшего шороха не долетало до его слуха. Всякий, кто зашел бы в комнату и увидел, чем они тут занимаются, был бы зарублен на месте — будь он хоть солдат, хоть командир.

Днем, сидя в одиночестве у огня, Лу Чэнькан время от времени обнюхивал свои руки: он опасался, что запах женщины, этот отвратительный трупный смрад, проникнет и в его тело. Но с наступлением ночи он никак не мог удержаться от того, чтобы под защитой меча не обнять эту разящую мертвечиной дикарку.

На пятую ночь женщина впервые заговорила:

— А зачем ты меч в изголовье ставишь? — спросила она.

— Чтобы зарубить каждого, кто увидит, как мы тут с тобой лежим, — ответил Лу.

— А зачем это? — снова удивилась она, и на этот раз Лу Чэнькан не нашелся с ответом.

— Не думала, что так ответишь. Хотя ясно: позор тебе, что со мной спознался. Но и мне ведь позор! Ведь для наших спознаться с чужими — это верная смерть. Так что мне от своего позора тоже мечом защищаться придется. Войдет сюда кто — мне прежде тебя надо за меч хвататься...

Она, как обычно, бросила на Лу Чэнькана ледяной, полный ненависти взгляд, но сейчас он впервые ощутил к этой дурно пахнущей женщине нечто вроде привязанности... «Вот такую бы — да в жены!» — вдруг подумал Лу Чэнькан, который так и не обзавелся семьей.

На шестой день бесконечный снег, наконец, прекратился. Можно было давать отряду команду выступать, но Лу Чэнькан отложил выход еще на сутки. Ночью, обнимая женщину, он понял, что ему будет трудно с ней расстаться...

— Нынче вечером все у нас закончиться должно, — проговорила женщина после того, как отдалась ему. — Завтра уходи из деревни. — Голос ее звучал совершенно спокойно.

— Можешь не говорить, я и так уйду, — сказал Лу Чэнькан. — Отряд-то только из-за снега здесь и остановился. А снег уже перестал.

— Так, значит, вы только из-за снега здесь и стоите? — проговорила она. — Ох, если б хватило духу, никогда тебя не отпустила бы... Но не могу я этого сделать, не могу! — и женщина вдруг в голос разрыдалась.

Шло время, а женщина все плакала. «Что это с ней?» — подумал Лу Чэнькан... Наконец, когда высохли последние слезы, женщина заговорила:

— Я почему тебя не держу? Да потому что не переживу, если ты зверем станешь! В племени нашем исстари говорят: с чужаком семь ночей провести — в зверя оборотишься. А у нас нынче ночь шестая. Еще на день здесь останешься — и ты, и я навсегда зверями станем!

Слова женщины ошеломили Лу Чэнькана. И не то его потрясло, что они превратятся в зверей. Из слов женщины Лу Чэнькан вдруг понял, что она его любит.

В эту ночь она вела себя с ним совсем не так, как прежде — нежно и ласково...

— В зверей превратимся, говоришь? — спросил он ее. — А в каких хоть зверей?

— Мы? Мы, скорее всего, — в волков. Да, похоже на то. Смотри, как к бою готовимся: все клинками себя защищаем. Ведь войдет кто — и ты и я сразу на него набросимся, да? Вот и волки точно так делают, я слышала. Говорят, если кто увидит, как волк с волчицей милуются, так они на него кидаются и гонят без роздыху, кто бы он ни был, а как настигнут — разрывают насмерть. Так разве можем мы в кого иного оборотиться? Нет, в волков, только в волков! Сердца-то у нас уже волчьи!

В ту ночь женщина затемно вернулась в свой подпол, наказав Лу Чэнькану назавтра не

заговаривать с ней и уходить из дома молча, не проронив ни слова.

Лу Чэнькан согласился. Он тоже решил, что так будет лучше всего.

На следующее утро отряд все-таки вышел из бедной грязной деревушки племени каре, в которой простоял шесть дней.

Было тихо — ни снега, ни ветра. Лу Чэнькан двигался верхом во главе отряда. Скоро шедшие вместе конные и пешие воины оказались одни среди бескрайней степи, покрытой снежным настом, твердым и блестящим, словно белая эмаль.

Отойдя на двадцать с лишним *ли* от деревушки племени каре, отряд внезапно остановился. В заснеженной степи творилось что-то странное. Далеко справа по ходу колонны снег громадным столбом взмывал в небо, а потом оттуда, с невообразимой высоты, лавиной обрушивался вниз, засыпая солдат. Лошади взвивались на дыбы, ржали и рвались прочь.

К Лу Чэнькану подъехал Ли, служивший у него в штабе. Всадник был с ног до головы облеплен хлопьями свежего снега.

— Слышите?! — произнес он, когда его конь поравнялся с конем командира. — Там, вдали, волки воют!

Опасность нападения волчьей стаи тревожила его больше, нежели снежные смерчи.

Два всадника сразу же разъехались и двинулись дальше обычным ходом. Лу стало ясно, что в отряде поднимается паника. Он прислушался: неужели в самом деле где-то здесь — волки?...

За короткое время по степи один за другим пробежало уже несколько вихрей. Они поднимали в небо тучи снега и водопадами обрушивали его на землю.

Лу Чэнькана в который раз накрыло снежной крупой — и тут вдруг в самом деле ему послышались какие-то звуки.

Но это был вовсе не волки. До слуха Лу долетали горькие рыдания женщины из племени каре...

— Волки! Волки воют! Слышите?! — раздался рядом испуганный крик. Кричал уже не Ли, а другой офицер.

Лу снова прислушался. Откуда-то из глубины пепельно-серого, засыпанного снегом пространства до его слуха долетали неясные звуки. Нет, это точно был душераздирающий женский плач!

Все эти степные странности, в конце концов, закончились, отряд снова построился в колонну и двинулся вперед, но в ушах Лу Чэнькана весь день продолжал звучать плач женщины — избавиться от него он никак не мог.

В тот же день, сразу после полудня, отряд вошел в какую-то деревеньку. Лу Чэнькан распорядился остановиться здесь на ночлег.

— Что-то плохо себя чувствую, — сказал он одному из офицеров. — Пойду спать, прошу не тревожить!

А когда наступила ночь, Лу оседлал коня и поскакал обратно, в ту самую деревню племени каре, которую его отряд покинул сегодня утром.

Лу Чэнькан без отдыха гнал коня по бескрайней заснеженной равнине, залитой голубым лунным светом. Разлука с женщиной из племени каре стала для него нестерпимой; Лу решил еще раз с ней встретиться и до рассвета вернуться в расположение отряда. План должен, должен был удалиться: от места стоянки до деревни каре было совсем недалеко.

Глубокой ночью Лу Чэнькан въехал в спящую деревню. Он остановил коня у землянки, в которой провел шесть дней, привязал его к дереву, растущему у входа, и подошел к дому. Из землянки пробивался свет, и дом, в котором Лу Чэнькан провел шесть ночей, показался ему совсем иным, не таким, как прежде.

Он толкнул дверь и сразу же увидел женщину, которая сидела у очага на корточках, спиной

к нему. Лу Чэнькан окликнул ее. Пораженная женщина обернулась и некоторое время молча смотрела на мужчину.

— А я так надеялась, что ты не вернешься! — наконец, проговорила она. Ее голос звучал совершенно спокойно, но был полон глубокого чувства. — Только об этом небо и молила. Но ты пришел...

Женщина вскочила, бросилась Лу Чэнькану на грудь и заколотила по ней своими ладонями.

— Я должна была ради мужа умереть, да, видно, в глубоком грехе родилась: теперь ради тебя жить хочу! Пусть зверем стану, но я жить, жить хочу! — прокричала она и впервые сама увлекла Лу Чэнькана в постель.

Лу Чэнькан вытащил меч из ножен и воткнул его в пол у изголовья — так, как он это делал всегда вплоть до прошлой ночи.

От женщины, как обычно, разило мертвечиной, но сейчас для Лу это не имело ни малейшего значения. Он горячо любил эту женщину и был любим ею, он страстно обнимал ее и при тусклом свете огня впервые глядел ей в лицо...

Лу проснулся на заре. Огонь в очаге погас. В белесом предрассветном сумраке холодно поблескивал меч, вонзенный в изголовье.

— Проспал! — При мысли об оставленном отряде Лу хотел быстро подняться, но вдруг почувствовал, что его тело движется как-то иначе, не так, как прежде. Он все-таки вскочил и попытался взяться за меч, но вместо руки почему-то поднес к клинку лицо — и в следующий миг ловко схватил лезвие зубами.

Лу Чэнькан оглядел себя: оказалось, что и руки его, и ноги, и туловище были покрыты густой бурой шерстью. И только тут Лу Чэнькан понял, что он превратился в волка... Лу перевел взгляд на лежавшую рядом с ним женщину. Сомнений не осталось: женщина тоже превратилась в волчицу.

Она потянулась, разом пружинисто распрямив передние и задние лапы, потом открыла глаза и легко вскочила с постели.

И вот что удивительно: хотя по наружности они стали волками, однако в глазах Лу это существо с обликом волчицы ничем не отличалось от той женщины, что была с ним рядом до вчерашней ночи...

— А ты знаешь, что превратились в волчицу? — спросил ее Лу Чэнькан.

— Знаю, — ответила женщина. — Я еще ночью, когда глаза открыла, это поняла. Тогда — испугалась, а сейчас — ничуть не жалко. Что теперь горевать да печалиться? Прошлого не вернуть...

Впрочем, сам Лу не смог отнестись к случившемуся с ними столь же легко, как это сделала женщина. С другой стороны, она была права: теперь они навсегда стали волками, и с этим уже ничего не поделаешь...

Лу Чэнькан выбрался из землянки. Сначала он даже не понял зачем. Но потом сообразил: конечно, чтобы раздобыть им еды! Женщина шла за ним. Выскочив за дверь, на снег, Лу Чэнькан оглянулся на следовавшую за ним волчицу и впервые почувствовал, что любит ее всем своим волчьим сердцем. Он будет заботиться о своей любимой, он будет защищать ее от врагов! Ради этого Лу Чэнькан устремил взгляд своих яростно сверкающих глаз на самый край бесконечной заснеженной равнины...

Шел седьмой год правления императора Гао-цзу (200 г. до н. э.). Миновало шесть лет с тех пор, как пала династия Цинь. Прошло десять лет с той поры, как исчез из своего отряда Лу Чэнькан. В Китае на смену эпохе Цинь пришла эпоха Хань. Чжан Аньлян, тот самый, который когда-то прислал Лу Чэнькану шкуры и мясо, по-прежнему служил за границей империи командиром отдельного отряда охраны Великой стены. В смуте конца эпохи Цинь, когда страна развалилась на части, а многие соединения, охранявшие Великую стену, попросту рассыпались, Чжан Аньлян не ушел со своего поста. Поэтому сегодня, при ханьском императоре Гао-цзу, его отряд стоял на тех же самых позициях, которые когда-то он занял по приказу циньского двора.

Сегодня Чжан Аньлян оставлял место своей постоянной службы и с тремя солдатами выходил в поход, который должен был занять четыре дня и три ночи. Чжан Аньляну предстояло встретиться с военачальником, назначенным новым командующим войсками по охране Великой стены в этом районе. Становья кочевников находились теперь гораздо севернее, чем два или три года тому назад, и сейчас эти места были совершенно свободны от угрозы набегов.

В первую ночь воины выбрали для стоянки берег маленького болотца, расположенного в глухой, пустынной местности. Было начало лета. Днем землю сжигала палящая жара, а ночью воздух остывал так, как будто уже наступила настоящая зима. И все-таки здесь это время года считалось еще самым благоприятным...

Чжан Аньлян уже засыпал в своей палатке, когда к нему явился один из солдат и доложил, что на вершине ближнего холма резвится пара волков. Чжан Аньлян и двое других солдат тотчас же выбежали наружу.

Луна заливала землю ослепительной синевой. По правую руку, на вершине недалекого холма, действительно можно было видеть волка и волчицу, занятых любовной игрой. Как они услаждали друг друга! Пара волков, резвящихся посреди беспредельной степи... Это была потрясающая, невыразимая никакими словами картина — может быть, еще и из-за того, что место действия было залито ярким лунным светом.

Один из солдат положил стрелу на тетиву лука и прицелился в волков. Стрела упала на вершине холма, и в тот же миг волк и волчица бросились в разные стороны.

На заре Чжан Аньляна разбудил сдавленный вскрик. Командир стремглав выскочил из палатки. Прямо у входа лежал солдат, исполнявший в их маленьком отряде обязанности повара. На его шее и на боку зияли огромные раны, с которых свисали вырванные клочья мяса. Солдат был мертв. Чжан с одного взгляда понял, что его загрыз волк.

Днем потерявшая одного воина группа Чжан Аньляна вошла в ближайшую деревню. Одна лошадь шла без седока. Солдаты указали жителям деревни место, где они оставили тело зарезанного волком товарища, и попросили селян похоронить его. Сразу после этого Чжан Аньлян и двое его солдат покинули деревню.

Той же ночью разбитый среди холмов лагерь снова постигло несчастье. На этот раз все произошло глубокой ночью. Один из солдат вышел из палатки по нужде и не вернулся. Чжан Аньлян обнаружил, что тот исчез, только на следующее утро. Поиски в окрестностях лагеря ничего не дали; все, что удалось найти — это разбросанные по густой траве куски человеческого мяса...

Трагические происшествия последних двух дней убедили Чжан Аньляна и единственного оставшегося у него солдата в том, что их преследуют волки. В души воинов впервые закрались зловещие предчувствия. Они зашли в ближайшую деревню, до которой было полдня пути, попросили ее жителей продолжить поиски пропавшего солдата и двинулись дальше.

На третьи сутки пути было решено не ставить лагерь, а заночевать в следующем по ходу селении. Ради этого двое всадников гнали своих лошадей весь день напролет. Дважды — в

полдень и на закате — они слышали отдаленный волчий вой. К ночи воины успели-таки добраться до селения, но здесь у солдата начался сильный жар. Он заболел и слег.

Весь четвертый день пути Чжан Аньлян гнал своего коня в полном одиночестве. К полуночи он должен был добраться до цели — небольшой дереvушки, лежавшей у Великой стены. Чжан Аньлян был не робкого десятка и никакого страха перед волками не испытывал. Но теперь, когда приходилось в одиночку, без единого солдата, добираться до расположения своих войск, даже его одолевали тягостные мысли.

Вечерело. Чжан Аньлян остановился у подножья невысокого каменистого пригорка, чтобы дать отдых коню, загнанному за день непрерывной скачки. Всадник спешил, растянулся на земле — и тут же услышал неподалеку волчий рык.

После того, что случилось, следовало быть настороже. Чжан тотчас же вскочил и долго вглядывался в степь, покрытую до самого горизонта волнами невысоких холмов.

На западе тонуло за горизонтом красное, как кровь, солнце. Насколько мог видеть глаз, все вокруг — и холмы, и степь, и трава — было окрашено в багровый цвет.

Чжан Аньлян снова опустился на землю — и тотчас же услышал голос волка, на этот раз гораздо ближе, чем прежде. Это был мрачный и долгий, бесконечно долгий вой...

Чжан опять вскочил на ноги — и вдруг увидел, что на каменистую террасу, где он стоял, выбежал одинокий волк. Опустив хвост и прижавшись к земле, волк пересек наискось всю террасу, укрылся за выступом скалы и стал оттуда рассматривать Чжан Аньляна. В широко раскрытой пасти зверя колыхался длинный язык.

Чжан обнажил меч. Если враг подойдет ближе, он зарубит его одним ударом! Чжан никогда не отводил взгляда от противника и смело смотрел в глаза даже самому свирепому зверю. Нельзя показывать врагу свою слабость!

Спустя некоторое время Чжан с изумлением увидел, как волк вышел из укрытия и сел, протянув вперед передние лапы.

— Чжан Аньлян, ты?

Чжан поначалу даже не понял, откуда исходил голос, назвавший его по имени.

— Давненько мы не виделись!

За всю свою жизнь Чжан не испытывал большего потрясения. Только сейчас он уразумел, что этот голос шел из пасти волка. От крайнего изумления Чжан долго не мог вымолвить ни слова, но потом, наконец, прохрипел:

— Ты... ты кто?!

Волк, тяжело дыша, снова зашевелил языком:

— Ты, конечно, не поверишь, но я — Лу Чэнькан! Да, почему-то я принял столь гнусный облик, но я в самом деле твой старый друг, — я Лу Чэнькан!

Чжан молчал. Рассказали бы ему такое — ни за что не поверил. Заметив, что Чжан сомневается, волк продолжал:

— Друг! Послушай меня! Голос-то ты мой помнишь? Разве не с тобой, дружище, мы столько раз вино пили да ночи напролет обо всем толковали? Ну, хоть голос-то ты мой не забыл?

Голос, доносившийся из пасти волка, действительно был похож на голос старого друга и товарища, а его Чжан помнил очень хорошо.

— Как же ты превратился в волка? Почему? — сумел, наконец, выговорить Чжан Аньлян.

— Ох, не спрашивай... Наверное, я об этом вообще никогда не смогу рассказать... На все воля Неба... А знаешь, как мне умереть хотелось после того, как я волком оборотился? Но каждому отведен свой срок... Как я ждал смерти! Но она все не приходила. Вот и получилось, что дожил в таком виде до сегодняшнего дня... А сегодня мне кажется, что жить все-таки

лучше, чем умереть. И знаешь, почему? Потому что я с тобой поговорил...

Трагические ноты, прозвучавшие в этих словах, нашли отклик в душе Чжана. Он не мог не выразить сочувствие другу, судьба которого сложилась столь странно:

— Лу!.. — начал он.

Но когда Чжан произнес имя старого друга, где-то вдали послышался волчий вой. Волк по имени Лу Чэнькан разом поднялся с земли.

— Да, недолго прожил я с человеческой душой, — произнес он. — И теперь — всё! Едва слышал знакомый вой, как душа моя снова стала волчьей. На этот раз — навсегда. Вот даже сейчас: говорю с тобой — а душа у меня уже волчья. Еще немного — и совсем волком стану. А стану волком — тебя, Чжан, загрызу!

Чжан увидел, что в глазах волка по имени Лу Чэнькан медленно разгораются огоньки злобы и ненависти...

— Да, я волком обернусь... — продолжал Лу Чэнькан. — Я в волка превращаюсь! И, Чжан, пойми: я просто должен буду на тебя напасть! Ты видел то, чего никто не должен видеть: меня с женой моей! Волчьей кровью клянусь, я этого тебе не спущу! Да, Чжан, я стану волком и наброшусь на тебя! Тогда руби меня, Чжан! Но только прямо стой и не сгибайся! Склонишься — мы, волки, победим!

С последними словами волк Лу Чэнькан поднял голову к небу и громко завыл. В ответ тут же послышался вой другого волка. С каждой секундой он звучал все ближе и ближе.

А перед Чжаном теперь стоял самый настоящий волк — матерый, свирепый, кровожадный, готовый к бою волк по имени Лу Чэнькан. В этом диком звере уже не осталось ничего от его прежнего товарища...

Чжан выставил навстречу волку острое меч. Он должен, должен зарубить этого лютого зверя, стоящего от него в двух шагах!

Напряжение в противостоянии противников достигло предела...

И тут Чжан увидел: по склону соседнего холма, отделенного от его пригорка небольшой лоциной, стрелой несется еще один волк. Зверь скрылся в низине, но прежде чем Чжан успел об этом подумать, волк с непостижимой, поистине невероятной быстротой взбежал на холм, где стоял Чжан Аньлян.

Этот волк в мгновение ока преодолел всю каменистую террасу и завершил свой бег гигантским прыжком. Вместе с ним прыгнул на человека и волк по имени Лу...

Чжан понял, что сейчас один из волков обрушится на него сверху, а другой — сбоку, и сумел уйти от первой атаки. Он отбивался от них мечом, разя налево и направо, но волки умело уворачивались от клинка, разбегались и снова бросались в атаку.

Смертельный поединок продолжался недолго. В конце концов Чжан споткнулся о камень, упал на колени, и в тот же миг оба волка огромными прыжками разом бросились на него. Один из них впился Чжану в горло, второй — вцепился в бедро. Хватка у обоих была мертвая.

На каменистую террасу, окрашенную в красный цвет лучами заходящего солнца, обильным потоком вытекала алая кровь Чжан Аньляна. Вытекала — и мгновенно впитывалась в землю.

* * *

Примерно через полгода после этих событий ханьский двор направил в войска, охранявшие Великую стену, распоряжение, в котором говорилось:

«Волки в последнее время все чаще пагубы людям нашим чинят. А посему всем командирам и солдатам, за пределами империи находящимся, быть надлежит начеку и всегда носить на латах набрюшники...»

Но что это были за набрюшники и насколько хорошо защищали они от нападений волков — сегодня за давностью лет этого уже никто не знает...

В СТРАНЕ РАКШАСИ

Это повествование начинается с рассказа о том, что давным-давно на маленьком островке в Стране Сокровищ стоял огромный Железный замок, в котором жили пятьсот ракшаси.^[68] Где именно находилась Страна Сокровищ — в точности неизвестно. По-видимому, так называлась одна из областей Древней Индии еще в то время, когда последняя носила название Страна Небесного Бамбука, по-китайски Тяньчжу. Можно предположить, что Страна Сокровищ была расположена у самой оконечности перевернутого треугольника, изображающего на современной карте Индию, то есть в одном из самых южных ее районов. А если это так, то местом действия нашей истории, островом ракшаси, можно считать один из маленьких островков, разбросанных вблизи нынешнего острова Цейлон, который в те давние времена назывался Страной Львов...

Железный замок стоял среди невысоких холмов, тянувшихся вдоль северного побережья острова. Он хоть и назывался Железным, но был построен вовсе не из железа, а из твердого камня ржаво-красного цвета. В ясные дни под лучами палящего солнца он сиял багровым цветом, а когда небо заволакивали тучи, тот же замок казался непроглядно черным и невысказанно зловещим в своем молчании. А в синеве лунных ночей замок поблескивал россыпями золотых искорок и потому был хорошо виден даже издалека...

Над башней замка круглый год были подняты два огромных флага. По ним ракшаси гадали: развевавшийся на ветру флаг добра служил им благоприятным предзнаменованием, вздымавшийся стяг неудачи обещал беды...

Когда на берег острова выбрасывало корабль, то ракшаси превращались в хорошеньких девушек, брали в руки благовония, цветы, музыкальные инструменты и выходили к кромке прибоя встречать людей, потерпевших кораблекрушение. Они зазывали мореплавателей в Железный замок, где привечали их самым радушным образом, осыпали ласками и начинали жить с мужчинами под одной крышей. Но если какая-то из ракшаси видела, что сердцем ее мужчины завладела другая женщина, то она сначала бросала его в железную клетку, а потом съедала живьем.

Вот такие обычаи были в царстве ракшаси...

В один прекрасный день над башней Железного замка затрепетал флаг, предвещавший удачу. Ракшаси никогда прежде не видели, чтобы флаг удачи развевался так победно.

С высоты башни было хорошо видно, что волны выбросили на отмель большой парусник. Вокруг него толпилось огромное число моряков. Стало ясно как день, что корабль потерпел крушение: все его мачты были изломаны в щепки, а остатки парусов болтались на морском ветру, словно длинные водоросли.

На замковую лестницу начали одна за другой выходить ракшаси. Каждая из них бросала взор на морское побережье и принималась спускаться по ступеням вниз. И каждая на седьмом пролете лестницы внезапно превращалась в обворожительную красавицу.

Первые тридцать девушек, сходявших по ступеням, несли в руках цветы и благовония, следующие тридцать — играли на музыкальных инструментах, а за ними выступали прочие красавицы, скромно склонявшие миловидные личики с изящно очерченными бровями и манящими алыми губками. В полной тишине прелестницы шествовали к морю. Первые девушки уже вышли на берег, а по замковым лестницам все шли и шли обольстительные ракшаси, и казалось, что этой процессии не будет конца...

На берегу каждая женщина выбирала себе мужчину и вместе с ним входила в широко

открытые парадные ворота Железного замка.

Когда к морю вышла последняя из пятисот красавиц, царица ракшаси, из всех потерпевших кораблекрушение на берегу остался только один человек. Это был молодой капитан корабля по имени Соукала...

С тех давних пор, как злые демоны построили на этой земле Железный замок, из него впервые вышли все пятьсот ракшаси.

С этого дня Соукала стал жить с царицей ракшаси в палатах Железного замка. Между тем все остальные моряки из его команды селились в хижинах, которые они сами себе строили среди холмов, у их подножий или у самого моря. Так на северном побережье острова появился поселок, который со временем превратился в оживленный призамковый городок.

Потерпевшим кораблекрушение морякам понравилось жить на острове. Море здесь изобиловало рыбой, в горах можно было набрать сколько угодно очень ароматных плодов и ягод. А всю еду им готовили женщины...

Так незаметно пролетел месяц, наполненный радостями, словно сладкий сон.

Потом мужчины начали каждый день собираться на берегу моря, где под началом молодого капитана пытались восстановить свой корабль. Но корпус судна был поврежден очень сильно, и потому никто не мог сказать, сможет ли оно даже после серьезного ремонта выдержать переход до родной страны моряков, отстоявшей от острова на несколько сотен миль.

После трех месяцев жизни на острове Соукала решил оставить попытки починить корабль, на котором они сюда прибыли, и предложил построить новое судно. Подчиненные поддержали своего капитана.

С этого времени мужчины занялись новой работой, и ее с каждым днем становилось все больше. Им приходилось забираться в чащу леса, рубить огромные деревья, перетаскивать бревна на побережье, обтесывать их — все для того, чтобы построить новый корабль. Но зато когда мужчины возвращались после работы домой, их там ждали заботливые подруги, которые радели о своих мужчинах более, нежели любые другие известные им доселе женщины.

Бывало так, что если мужчина царапал палец, то его подруга ради того, чтобы добыть листик лечебной травы, забиралась в самые глухие заросли, не считаясь с тем, что колючки ранили все ее тело.

И так поступали все ракшаси без исключения. А причина такой невиданно глубокой любви была проста. Дело в том, что все ракшаси, называемые также быстроногими демонами, имели два дара: они могли летать по небу и превращаться в людей. При этом судьбой было предопределено так, что если ракшаси, превратившаяся в женщину, в течение тысячи дней не принимала своего прежнего облика, то она навсегда оставалась обычной земной женщиной. Впрочем, до сих пор такого не случалось: тысяча дней — это немалый срок, и для ракшаси оставаться все это время существом с женской душой и в женском обличий было невероятно трудно. Даже если ракшаси превращалась в женщину, ее изначальная демоническая сущность все равно присутствовала в глубине души и втайне выжидала удобного случая, чтобы пересилить человеческую. В конце концов дьявольские начала души брали верх, а ракшаси возвращались к своему обычному облику многоликих чудовищ-якши^[69] и начинали мучить и поедать мужчин.

Но пока что все эти женщины бросали на своих мужчин взгляды наипрекраснейших глаз и раз за разом повторяли: «Дорогой, бесценный мой! Ради тебя я готова сносить любые тяготы! Я всегда с радостью жизнь свою отдам, если это тебе поможет! Об одном только прошу тебя: не ищи ты себе места в сердце другой женщины, ибо, если найдешь себе место в сердце ее, если свяжешь себя с ней нитями любовными, то не смогу я остаться для тебя такой же нежной, как ныне!»

Все мужчины постепенно привыкли к тому, что женщины всегда говорят им такие ласковые слова. Поэтому, когда женщины в очередной раз бросали на них взгляды, полные безграничной любви, то мужчины сами начинали говорить своим подругам те нежности, которые женщины собирались им сказать.

Так в мгновение ока на острове промелькнул год. Женщины одна за другой стали рожать детей. Скоро плач малюток стал слышен в призамковом городке повсюду. Рожденные ракшасы, дети ничем не отличались от детей обычных женщин, правда, среди них не было ни одного мальчика — все новорожденные были девочками.

Мужчины, конечно, немного потолковали об этом странном явлении, но особого удивления оно не вызвало: в конце концов потерпевшие кораблекрушение моряки, которые по своему буйному нраву сами немногим отличались от чертей, объяснили все тем, что до них на острове жили одни только женщины.

У Соукалы тоже родилась девочка... Капитан каждый день обходил деревню, наблюдая за тем, как работают его подчиненные, и, улаживая распри, которые постоянно вспыхивали между ними. И если до рождения ребенка Соукала ходил по поселку один, то после рождения дочери стал часто брать с собой жену и носить на руках ребенка. У девочки были странные лиловые губы, и она никогда не улыбалась, но Соукала ее очень любил. Впрочем, лиловые губы и не улыбочивые лица были и у всех остальных детей, — не только у дочери капитана...

Итак, через год после появления на острове моряков женщины начали рожать детей, а спустя еще полгода буквально каждая из пятисот островитянок стала матерью.

Между тем Соукала, обходя деревню, все чаще удивленно покачивал головой. Дело в том, что из поселения стали внезапно исчезать матросы вместе со своими женами. Бывало так, что еще вчера в каком-то из домов жили люди, а сегодня зашедший в деревню Соукала видел на его месте только пустое строение, в котором уже не было ни мужчин, ни женщин.

Сначала Соукала думал, что эти люди переезжают в другие дома из-за того, что не ужились с соседями. Однако при более внимательном взгляде выяснилось, что пропавших этих — не два и не три, а немалое число.

Когда Соукала спросил об этом свою жену, та рассказала, что на южном побережье острова Железного замка есть многолюдный город, и что мужчинам, видно, просто надоело жить здесь, и они вместе с женщинами попытались перебраться туда. Но для того чтобы попасть в этот город, продолжала она, нужно преодолеть обширные болота, в которых обитают огромные змеи. А потому все беглецы в пути наверняка погибли, и посылать за ними людей не стоит: не будет в том пользы.

«Похоже, она права, — подумал Соукала. — Действительно, живя в поселке у большого Железного замка, люди не голодают, но одного этого им, очевидно, мало, чтобы быть вполне довольными своей жизнью.

На то, чтобы закончить постройку корабля для возвращения на родину, придется потратить еще год с лишним. Но даже если корабль удастся достроить, сможет ли он пересечь огромный океан? Кто знает...

А если люди дошли до таких мыслей, то, скорее всего, они откажутся вернуться и решат провести остаток жизни на этом острове, — продолжал размышлять Соукала. — Но если человек и в самом деле принял такое решение, то зачем ему оставаться в призамковом поселке? Конечно, он соберет вещи и переедет в другое место, где можно будет вести другую, более достойную жизнь...»

К концу второго года пребывания на острове число таких беглецов достигло половины мужского населения поселка, а через два с половиной года перевалило за две трети. Теперь каждый день у моря на строительстве корабля работало чуть больше ста человек. Поселок

совсем обезлюдел, но Соукала, казалось, не очень беспокоило исчезновение людей. Теперь вместе с ним уже работали только те, кто действительно хотел вернуться домой, кто надеялся в один прекрасный день достроить корабль и выйти на нем в море.

Люди из поселка по-прежнему пропадали — правда, всего по несколько человек в месяц, но теперь, когда там оставалось совсем немного жителей, их исчезновение особенно бросалось в глаза. При этом иногда пропадало по два-три человека за день, а иногда проходило и десять, и двадцать дней, но никто из поселка не исчезал...

Когда в поселке оставалось около семидесяти мужчин, случилось одно происшествие. Произошло оно с самым молодым из обитателей — двадцатидвухлетним рулевым затонувшего корабля. Он взял в жены девушку на пару лет моложе себя, но совсем еще юную и ребячливую. Она была беременна уже вторым ребенком и не могла часто спать с мужем. Поэтому однажды ночью молодой моряк набросился на женщину своего приятеля, которая осталась дома одна, — он уже давно положил на нее глаз. Женщина сначала кричала и сопротивлялась, но вскоре затихла.

Юноша оставил ее и торопливо выбежал из дома. Яркий лунный свет заливал улицы поселка. Было светло, словно днем. Юноша поначалу беспокоился — а вдруг кто-нибудь слышал, как кричала женщина? — но, выйдя на улицу, убедился, что в домах тихо, и решил, что никто ничего не заметил.

Молодой человек приоткрыл дверь своего дома. В тот же миг через дверь к нему протянулась белая, изящная ручка его жены — и вдруг с невероятной силой схватила его за руку и мгновенно втянула внутрь... Выставив вперед свой огромный живот, жена смотрела на него с нескрываемой злобой.

— Ну что ж, пойдём... — прошипела женщина, и снова потащила мужчину за собой, на этот раз — прочь из дома.

Крепко держа мужчину за руку, женщина повела его по освещенным ярким лунным светом улицам поселка — тем самым, по которым он только что шел домой.

— Куда мы идем? Отпусти руку! — проговорил было мужчина, но женщина не ответила.

Скоро он совершенно перестал сопротивляться и безвольно шел за ней, увлекаемый какой-то немислимой, страшной силой. С полдороги мужчине пришлось пуститься бегом, а потом он упал на колени, так что дальше женщина просто волокла его по земле...

Когда юноша увидел перед собой колоссальный Железный замок, блистающий в лунном свете яркой синевой — совершенно не такой, как днем, — его охватил невыразимый ужас. Теперь с его уст срывались лишь отрывистые слова:

— На помощь! Да, я виноват!

В этот момент неведомая сила потащила мужчину еще быстрее, небо вокруг него закружилось, и не успел он и ахнуть, как оказался на нижней ступеньке лестницы, ведущей ко входу в башню Железного замка...

— Ну, ты, поднимайся! Есть пора! — впервые открыла рот женщина. Лежавший на земле моряк поднял на нее взгляд и вдруг увидел, как рот женщины быстро разъехался до ушей, и у него на глазах меняются все черты ее лица. Теперь это было лицо ведьмы-якши!

Мужчина почувствовал, как чья-то рука схватила его за волосы и пытается оторвать от земли. И это была уже не женская рука, а какая-то жуткая, узловатая, рыжая коряга...

Юноша судорожно вцепился в перила лестницы. Ведьма стала срывать с него одежду. В этот момент рядом с ними появились женщина и мужчина, — появились внезапно, как будто спустились с неба. Женщина, поднимаясь по лестнице, тащила мужчину не за руку, а за ногу, отчего тот судорожно дергался и с глухим стуком бился головой о каждую ступеньку.

На верхнем пролете лестницы мужчина в последний раз попытался воспротивиться, издал

душераздирающий крик и быстро исчез в железной клетке. Вслед за ним сгнула и превратившаяся в якшу женщина.

Ведьма дотащила раздетого юношу за волосы до середины лестницы, но там он сцепился с ней в отчаянной схватке. Молодому человеку помогало то, что он был обнаженным. Не разжимая рук, якша и юноша таскали друг друга вверх-вниз по ступенькам лестницы. Наконец, ведьма ослабила хватку, и безжизненное тело юноши скатилось вниз по лестнице...

В смертельном испуге, не помня себя, молодой человек бросился прочь из замка. Рядом с ним, то спереди, то сзади, снова и снова возникала злобная якша. Голый юноша кричал во всю мочь и из последних сил все бежал и бежал, пока, наконец, не добрался до поселка, где и упал без чувств.

С того дня молодой рулевой стал повсюду сопровождать капитана. Юноша не только повредился рассудком, но и потерял дар речи, и потому Соукала не мог понять, зачем он ходит за ним, и что творится в душе молодого безумца.

Рулевой не только повсюду следовал за Соукалой: он все время пытался увлечь капитана к холму, на котором высился Железный замок. Несколько раз Соукала поддавался на уговоры и соглашался туда пойти, но юноша всякий раз останавливался на пол дороге, в ужасе показывал руками па замок, бессвязно выкрикивал какие-то непонятные слова и наотрез отказывался сделать еще хотя бы шаг.

В тот день, когда была закончена постройка корабля, Соукала собрал вокруг него всех своих подчиненных. Их осталось совсем немного, чуть более 30 человек. Остальные бесследно исчезли.

Итак, огромный корабль, вмещающий несколько сот человек, был, наконец, достроен, но рядом с этим гигантом его немногочисленная команда выглядела особенно одиноко и беспомощно...

Тем не менее, вечером на берегу моря была устроен праздничный пир. Перепившие ягодного вина моряки пели песни своей родины, плясали, шумели... Скоро к ним присоединились женщины, и мужчины, распалившись похотью, стали за ними гоняться. Там и сям начали вспыхивать перебранки и драки.

Наутро обнаружилось, что за ночь бесследно сгнуло еще полтора десятка моряков. Вместе с ними исчезли и их женщины, так что поселок моряков совсем обезлюдел.

На следующий вечер после праздника по случаю завершения строительства корабля на берегу собрались все оставшиеся в поселке женщины. День отхода корабля приближался, а им нужно было еще так много обсудить... Ни одного мужчину на это собрание не пустили — этого потребовала жена Соукалы.

Два с лишним десятка женщин выбрали на берегу место и сели в круг так, чтобы коленями касаться друг друга. Каждая женщина держала на руках малышку.

— Примерно через десять суток, — обратилась ко всем жена Соукалы, она же царица якши, — исполнится тысяча дней с тех пор, как мы стали жить с мужчинами из мира людей. Если ничего не произойдет, то скоро мы превратимся в женщин и больше никогда не сможем стать ракшаси. Мы больше не сможем летать по небу или пожирать мужчин — даже если они отдадут свои сердца другим женщинам. Далее. Если мы станем женщинами-людьми, то должны будем вместе с мужчинами-людьми отправиться на их родину, а там... А там, даже если твой мужчина свяжется с другой женщиной, придется горевать, мучиться, но терпеть. Так что лучше — жить как люди или оставаться ракшаси, какими мы были до сих пор?

— И еще один вопрос, — продолжала царица. — Если мы превратимся в женщин из мира людей, то нам всем придется навсегда расстаться со своими детьми. Ведь когда наши девочки вырастут, то станут ракшаси, а посему сейчас мы не сможем взять их с собой и увезти в родную

страну наших мужчин.

Ответы всех женщин были похожи друг на друга: да, им будет горько расставаться с детьми, да, очень жаль, что нельзя будет пожирать мужчин за то, что они связались с другими женщинами, но расстаться со своими нынешними мужчинами они не в силах. Они выбирают отъезд и уезжают со своими мужьями в чужое отечество.

Так решили все женщины, ибо ни одна из них ничего не возразила. Того же мнения была и царица ракшаси.

День отхода корабля на родину был определен, женщины решили ехать — и сразу жизнь в поселке как-то оживилась, несмотря на то, что людей в нем осталось совсем немного. Мужчины каждый день грузили на корабль съестные припасы, женщины им помогали. А пока родители работали, их несчастные дети, которым судьбой было предназначено остаться на острове, сидели на пляже кружком, опутанные веревками. Собранные в одном месте, они выглядели совсем одинаковыми: все — с лиловыми губками, все — грустные и не улыбочивые...

За пару дней до отправления корабля Соукала поздней ночью обходил поселок. До этого он никогда не совершал ночных обходов, но после того как был назначен день отплытия, решил наблюдать за поселком и ночью. К тому времени бесследно сгинуло столько людей, что стало некому вести корабль, и потому нельзя было допустить, чтобы из поселка пропал еще хоть один человек.

Соукала уже завершил свой обход и возвращался обратно, когда перед ним внезапно появился потерявший рассудок рулевой. Юноша увязался за капитаном. Он все время озабоченно показывал на башню Железного замка и что-то кричал.

Почувствовав в поведении молодого безумца нечто необычное, Соукала решил впервые подняться на башню Железного замка. В самом деле, он прожил три года в палатах замка, но никогда не поднимался на его башню!

О том, что эта башня — самое скверное место на острове и что на нее ни в коем случае нельзя подниматься, Соукала узнал от своей жены. Узнал — и, как человек по природе простодушный и прямой, до сих пор прислушивался к ее словам. К тому же пока у него не было ни нужды, ни желания забираться в место, о котором ходила дурная слава...

Однако этой ночью Соукала наконец-то решил подняться на зловещую башню.

Окрашенный в багрянец днем, сейчас, при свете луны, Железный замок казался зеленовато-синим. Соукала миновал хорошо знакомые ему парадные ворота и подошел ко входу в башню.

Замок окутывала зловещая тишина, но Соукала был храбрым мужем и не испытывал страха. Он начал подниматься вверх по лестнице, одолевая пролет за пролетом. На пятом или шестом марше до его слуха долетел слабый голос:

— Спасите!

Голос доносился сверху. Соукала остановился, прислушался, и снова услышал:

— Помогите! Спасите!

Нет, это был не голос, а голоса! Не один, не два, а много!

Соукала пробежал несколько пролетов вверх по лестнице и скоро услышал еще один голос, на этот раз хорошо ему знакомый хриплый голос одного из бесследно исчезнувших матросов:

— Соукала! Мы все здесь! Нас заперли! Послушай: эти женщины... они все ужасные ракшаси! Ты... ты ничего не знаешь! Они каждый вечер забирают троих наших и съедают их! Не съели еще человек шестьдесят, все здесь сидим! Спаси нас! И твоя женщина — она тоже ракшаси, как и все остальные! И тебя тоже, в конце концов, съедят! Спаси нас, Соукала!

— Но как? Как я вас спасу? — закричал Соукала.

— Послушай, Соукала! — раздался в ответ хриплый голос собеседника. — Я когда-то слышал, что... Нужно обратиться к выходящему из моря солнцу, и со всей душой вознести ему

моления! Тогда только избавимся мы от демонов и обретем спасение! Помолись за нас! Спаси нас!..

Соукала не стал больше подниматься вверх по лестнице. Сбежав вниз, он быстро вернулся домой и с порога, без предупреждения, обратился к женщине, с которой прожил почти три года:

— Скажи мне, ты женщина или ракшаси?

Женщина мгновенно побледнела, а на ее лице появилось выражение неизбывной печали:

— Раз уж ты все знаешь, то не буду таиться, расскажу вес как есть. Да, тебе сказали правду: мы — ракшаси!

— Да, мы — ракшаси, — продолжала женщина. — Но всего через пару дней мы перестанем быть ими и навсегда превратимся в земных женщин. И тогда... Пожалуйста, после того как мы станем людьми, возьмите нас с собой в ваше царство! И я тоже буду вести жизнь земной женщины, буду молча страдать и печалиться, если ты изменишь мне с другой! Не знаю, буду я счастлива или нет, но сейчас я только так жить хочу, и ничего иного мне не надо! А потому прошу: не допусти, чтобы за эти два дня в меня снова вселилась душа ракшаси! Не возмущай сердца других женщин, не сходишь с другими, прошу тебя! — и женщина горько расплакалась...

Слова жены глубоко тронули Соукалу, но и оставить своих товарищей умирать в железных клетках он тоже не мог. К тому же, подумал капитан, если удастся вызволить из замка всех живых, а их, судя по всему, около шестидесяти человек, то будет намного легче управлять кораблем. А выйти в море прямо так... Нет, что ни говори, а корабль сейчас выглядит слишком уныло и одиноко и вряд ли выдержит долгий путь.

В ту ночь Соукала крепко обнимал жену, а она всю ночь искала его любви и ласки: без них ее душа не могла успокоиться. Сердце Соукалы переполняла жалость к ракшаси, однако с приближением рассвета он встал с постели и, оставив женщину причитать и плакать, вышел из дома.

Выйдя на берег моря, он обратился лицом к поднимающемуся над водой солнцу и начал истово молиться об избавлении от проклятий ракшаси и об освобождении томящихся в тюрьме товарищей...

Возвращаясь обратно, Соукала вдруг увидел, как из замка бегут люди. Они рассказали ему, что смогли выбраться на свободу только потому, что ворота тюрьмы вдруг почему-то бесшумно распахнулись...

Соукала понял, что больше нельзя медлить ни минуты и тут же оповестил собравшихся, что корабль немедленно выходит в море.

Забегав домой, Соукала не нашел там ни жены, ни ребенка и поспешил обратно на берег.

По огромному паруснику, словно муравьи, сновали матросы.

Наконец корабль закачался на волнах, и в тот же миг Соукала услышал, как над морем поплыли какие-то невыразимо прекрасные звуки. Точно такие же звуки он слышал почти три года назад, когда его выбросило на берег острова после кораблекрушения.

Соукала и его команда еще наслаждались волшебными звуками, когда на берегу вдруг возникла одинокая женская фигура, а за ней в мгновение ока тут и там одна за другой стали появляться и другие женщины — и каждая держала на руках девочку. Матросы забегали, стараясь поскорее найти своих женщин и детей, и скоро на берегу воцарился настоящий хаос.

Соукала охрип, пытаясь призвать команду к порядку, но все было тщетно. Часть мужчин сразу бросилась к своим женщинам, как будто они были привязаны к ним невидимыми нитями, а затем кинулась к своим подругам и половина тех, которые еще совсем недавно сидели скованными в железных клетках...

На лицах людей было написано смирение: «Может, и сожрут нас эти ракшаси, кто знает? Но тут уж ничего не поделаешь...» Пробегая мимо Соукалы, они едва кивали ему в знак

приветствия.

В разгар этого смятения корабль Соукалы отошел от берега, но тут капитан среди стоявшего шума отчетливо услышал тяжелый, пронзительный, словно разрывающий все вокруг крик своей жены — царицы ракшаси, и какая-то буквально неодолимая сила повлекла тело и душу Соукалы обратно к ней.

Выкрикивая заклинания, он из последних сил старался не смотреть на такую близкую полоску берега.

А рассказ наш на этом заканчивается. Что стало с Соукалой после того, как он бежал из царства ракшаси и что приключилось с матросами, которые остались жить на острове, — о том история умалчивает...

ИСТОРИЯ ЦАРСТВА СИМХАЛА

Давным-давно в Южной Индии существовало одно небольшое царство. Случилось так, что дочь правителя этого царства решили выдать замуж в соседнюю страну. В счастливый день свадебный поезд невесты под охраной тридцати воинов вышел из царского дворца. Царство было маленьким, и потому уже на закате второго дня пути паланкин невесты прибыл в приграничную деревню, расположенную у подножья высокой горы. По плану караван должен был провести два дня в горном лагере, а на пятый день пути войти в соседнее царство.

В этих горах путешественникам нередко досаждали разбойники, а также привидения и злые духи, и потому вся свита принцессы состояла из сильных и крепких юношей.

Переночевав в деревне у подножия горы, путники утром вышли из селения и углубились в горы. Ни в этот день, ни ночью ничего существенного не произошло, караван двигался точно по плану. Ничего не приключилось и в течение следующего дня. А вот ночью случилась беда: на лагерь свадебного кортежа, разбитый на крохотном ровном участке у пологого склона горы, было совершено нападение.

Глубокой ночью людей разбудил ужасный рев какого-то диковинного зверя. Все молодые воины разом выглянули из палаток и обратились в слух. Рев повторился. Это был какой-то чудовищный, жуткий, зловецкий рык; казалось, он заполнял собой ущелья и переваливал через вершины гор.

«Тигр», — поняли молодые воины. Все затаили дыхание...

В третий раз рев послышался гораздо ближе. У юношей от страха отнялись ноги. Они не боялись ни разбойников, ни злых духов, но никогда не думали, что в этих местах могут водиться тигры и как с ними бороться — никто не знал. Им живо представилось, как зверь, которого привлек запах человека, теперь шаг за шагом приближался к ним...

В четвертый раз рык тигра раздался совсем близко. Один из юношей не выдержал, поднял полог палатки и выбрался наружу. Скоро его примеру последовали остальные воины.

Стояла ясная лунная ночь. Луна заливала землю таким ослепительно-ярким голубым светом, что казалось, будто наступил день, только голые горы оставались совершенно черными.

Молодым воинам казалось, что еще миг — и тигр выпрыгнет из-за кустов. Рев звучал все ближе и ближе, но откуда именно слышался голос зверя, по-прежнему было непонятно.

Сразу за палаточным лагерем начинался лесистый горный склон. Внезапно все росшие там деревья разом зашумели под порывом ветра. В тот же миг молодые воины метнулись к тени, промелькнувшей на склоне горы напротив лагеря, но сразу же бросились от нее прочь вниз по косогору, сторонясь лунного света и стараясь двигаться только по темным ложбинам.

После того как все воины разбежались, окрестности еще несколько раз огласил рев, он становился все сильнее. С последним рыком обладатель ужасающего голоса выскочил на край поляны, где одиноко стоял брошенный всеми паланкин с невестой.

Это действительно был огромный матерый тигр.

Залитый ярким лунным светом, зверь стал медленно обходить паланкин. Внезапно край покрывавшего паланкин полога поднялся, и показалась женская фигурка. Увидев перед собой женщину, тигр непроизвольно отпрянул и прижался к земле.

В бледно-голубом лунном свете невеста, пошатываясь, сделала несколько шагов навстречу тигру, как будто ее притягивало к нему, и внезапно упала без чувств. Так падает старое сухое дерево...

Прошло полтора десятка лет. Женщина, бывшая когда-то невестой, теперь жила в горах с тигром. У них было двое детей — мальчик и девочка. Тигр почти каждый день уходил далеко в горы, где добывал оленей и собирал дикие плоды, чтобы накормить жену и детей. Женщина сначала горько оплакивала свою несчастную судьбу, но потом смирилась и пришла к выводу, что всему виной ее грехи в прошлой жизни — а раз так, то ей ничего не остается, как провести остаток своих дней женой дикого зверя...

Двое ее детей, мальчик и девочка, по виду ничем не отличались от людей, но души у них были звериные, а характер — буйный и дерзкий. Старший сын вырос особенно крупным и сильным и в поединках никогда не уступал диким зверям.

Однажды в ночь лунного затмения дети вдруг обрели человеческий разум и стали понимать язык людей. Женщина несказанно удивилась и обрадовалась, но радость ее длилась недолго, ибо теперь сын и дочь начали докучать ей вопросами: «Почему мы — люди, а наш отец — тигр?»

Женщине не хотелось раскрывать детям тайну их рождения, но сын и дочь продолжали упорствовать, и матери, в конце концов, пришлось рассказать им о том ударе, который обрушила на нее судьба полтора десятка лет тому назад...

— Но ведь тигр — это не человек, — произнес сын, выслушав рассказ матери. — По-моему, нам нужно как можно быстрее бросить этого зверя-отца и уйти от него к людям.

Сестра согласилась с братом, но мать стала ему возражать:

— Вы двое, если хотите, можете идти. Но я... Я — мать, и потому немного по-другому думаю... Да, раньше я тоже собиралась оставить мужа-тигра, но потом передумала — все равно ведь это меня не спасет... Да и как я смогу убежать от тигра — я, слабая женщина?

— У тигров такие сильные лапы, что они легко пробегают тысячу *ли*, — продолжала она. — У тигров такие зоркие глаза, что они видят на тысячу *ли* вперед. Вы, двое, не уступаете вашему отцу в силе ног, поэтому если захотите уйти от него, то, конечно, уйдете. Да, улучите момент, уйдите, доберитесь до города, где живут люди! Но заклинаю вас — живите там по людским законам!

Прошло еще полгода. Однажды тигр в поисках добычи ушел куда-то далеко-далеко, за высокие горы, за глубокие ущелья. Брат с сестрой решили, что настал подходящий момент, чтобы бежать, и принялись уговаривать мать уйти вместе с ними.

Женщина идти не хотела, но сын насильно взвалил мать себе на плечи, взял сестру и вышел из логова отца-тигра. Двигаясь по дороге, которую заранее разведаль юноша, путники спустились с гор и через пару дней вышли к людям.

Они увидели поселок, вошли в него, и только тогда мать наконец отказалась от мысли вернуться к оставленному в горах мужу. «Чему быть, того не миновать, — убеждала себя она. — В конце концов, мы же возвращаемся на мою родину...» А детям женщина наказала ни в коем случае не раскрывать тайну своего рождения: «Что бы ни случилось, никому нельзя рассказывать о том, что мой муж, ваш отец, — тигр! Узнают об этом люди — не будет нам жизни от их презрения!»

К вечеру следующего дня женщина и двое ее детей добрались до города, в котором она когда-то родилась. Здесь все переменялось: тот царский дом, к которому принадлежала женщина, давно пал, никого из родственников уже не было в живых, а царством правил другой правитель.

Растерявшись от этих известий, мать и ее дети стояли, не зная, что предпринять. Станных полуобнаженных людей обступили горожане — все в один голос спрашивали, из какой страны они пришли.

— Раньше мы жили в этой стране, — отвечала женщина, — да похитили нас злодеи. Долго мы скитались на чужбине, но теперь, к счастью, я с детьми вернулась в родные места.

Жители города из жалости принесли беженцам еды, дали какую-никакую одежду. На следующий день мать и дети поселились на окраине в крохотной хижине, которую из сострадания построили для них горожане. Благодаря помощи соседей им как-то удавалось сводить концы с концами.

Через месяц маленькое царство начало страдать от частых набегов тигра. Это потерявший семью зверь от тоски по жене и детям воспылал яростным гневом, спустился с гор и, оглашая окрестности ужасающим ревом, стал то и дело врываться в деревни, нападать на людей и резать скот.

Тигр был неуловим. Когда люди думали, что он сегодня появится в деревне, тигр заступал дорогу путникам на горном перевале; когда считали, что зверь ушел в горы, тигр внезапно появлялся в полях неподалеку от города и оттуда совершал набеги на городские кварталы.

Никто не знал точно, сколько людей погубил зверь, но вся страна от страха перед тигром потеряла сон. Особенно трепетали от ужаса путники. Теперь в горах даже группа из нескольких человек не могла чувствовать себя в безопасности, поэтому люди сбивались в караваны из нескольких десятков человек. А путешествовали они не иначе, как держа наготове пращи и алебарды, стуча в барабаны и трубя в трубы, сделанные из больших морских раковин.

Узнав о бедствии, обрушившемся на страну, ее правитель из опасения, что его милосердие к подданным перестанет быть повсеместным, приказал спешно уничтожить дикого зверя.

Приграничные горы, в которых обитал тигр, заполнили охотники со всей страны, но им никак не удавалось застрелить зверя. Нападения тигра продолжались, он появлялся и исчезал, как по волшебству, а охотники лишь понапрасну теряли своих товарищей.

Когда стало ясно, что охотникам добыть тигра не удастся, правитель сам выступил из столицы во главе войска и оцепил горы, в которых скрывался зверь. Более десяти тысяч солдат, разбитых на множество отрядов, целыми днями обшаривали лесные дебри, забирались высоко в горы, спускались в глубокие ущелья.

Но и эти меры привели только к тому, что число убитых тигром людей и животных продолжало множиться, а громopodobный рев зверя стал эхом отзываться во всем горам и долинам едва ли не каждый день. Нередко солдаты, едва заслышав рев тигра, уже начинали дрожать от страха и с громкими криками бежали на подгибающихся ногах вниз по горным склонам...

Объявили набор новых охотников. На призыв монарха откликнулись даже добровольцы из других царств. Охотники вместе с солдатами в поисках тигра забирались в самые глухие горы и ущелья. Теперь зверь не появлялся днем, но зато ночью постоянно нападал на стоянки и лагеря. Не проходило и ночи, чтобы в горах не погибал охотник или не был ранен солдат.

В конце концов, правитель обратился к стране с особым указом, в котором объявлялся набор новых храбрецов для борьбы с тигром. Избавителю царства от тигриной напасти было обещано щедрое вознаграждение, но ни одного добровольца больше так и не нашлось...

Царский указ дошел и до бедной лачуги, в которой жили мать и двое ее детей.

— Неужели мы и дальше будем прозябать в такой бедности? — спросил у матери сын, узнав о царском указе. — Зима скоро, а у нас ни еды, ни одежды... Нужно откликнуться на призыв правителя!

При этих словах сына лицо женщины искажилось мукой:

— Можно ли так говорить?! Он хоть и зверь, но отец ваш. Негоже из-за нашей бедности гневаться на отца и тем более причинять ему зло...

Скоро к брату присоединилась сестра, и они принялись уговаривать мать в два голоса:

— Но ведь тигр — это не человек, можно ли здесь говорить о добре и зле? Мы ведь уже ушли от него, о каких отцах и детях теперь можно вести речь? Нам самим нужно о себе думать,

разве не так? А ведь у нас на завтра нет ни зернышка риса!

Мать поняла, что переубедить детей не удастся, смиренно опустила голову и горько расплакалась...

Молодой человек сунул за пазуху кинжал, вышел из дома и двинулся в сторону приграничных гор — туда, где он раньше жил и где теперь набирали добровольцев. В горах, служивших прибежищем тигру, почти у каждой деревни были расставлены заставы. На первой же такой заставе юноша заявил, что он пришел по набору, после чего добровольца направили по цепочке от одного поста к другому. И на каждом посту солдаты бранили глупого юнца, который не боится тигра, а некоторые упрекали его за безрассудство и советовали немедленно возвращаться домой. Но молодой человек пропускал эти слова мимо ушей.

Миновав так несколько застав, молодой человек, в конце концов, оказался перед царским шатром, стоявшим у подножия горы, где и удостоился встречи с правителем.

— И как же ты думаешь справиться с этим зверем? — обратился монарх к своему единственному добровольцу. — Какие-то особые уловки знаешь?

— Увижу тигра, подойду поближе и заколю его — вот и все! — ответил юноша.

Присутствовавшие военачальники рассмеялись, но правитель даже не улыбнулся:

— Тогда за дело! — сказал он.

Впрочем, следующие несколько дней юноша провел в горном лагере безо всякого дела: окрестные горы и долины были плотно оцеплены пешими и конными воинами, однако тигр в эти дни почему-то здесь не показывался.

Но вот однажды ночью молодой человек проснулся от громких кличей и грохота боевых барабанов, которые гулким эхом отдавались в горах и долинах. Прибежавший солдат сообщил, что в лесу только что видели тигра.

Юноша сунул кинжал за пазуху и выбежал из палатки. Ночь была такая лунная, что казалось, будто уже наступил день. От самой палатки пока хватало глаз — повсюду виднелись фигуры солдат. Они рассыпались по берегам ручьев, по склонам холмов, по горным кручам, скрывались среди роц и перелесков. Огромным кольцом оцепления был окружен густой девственный лес, в котором, как говорили, и скрывался тигр.

Солдат было великое множество: одни крепко сжимали в руках мечи, другие готовили алебарды и луки, третьи молились. Были и такие, кто при известии о появлении тигра едва не бросился бежать.

Юноша прошел мимо солдат, миновал линию оцепления и вышел в поле. Теперь только это поле, поросшее высоким бурьяном, отделяло его от цели — леса, в котором скрывался тигр. И как только молодой человек сделал по полю первые шаги, как разносившиеся повсюду боевые клики, звуки труб и барабанов вдруг разом смолкли.

Молодой человек добрался до опушки леса и остановился. Он подумал, что тигр, наверное, укрывается где-то глубоко в чаще, но тут же понял свою ошибку, ибо увидел зверя, который сидел на большом плоском камне у самой кромки леса.

Это и впрямь был тигр. Его отец.

Освещенный прямым лунным светом, тигр сидел недвижимо, как статуя, и только глаза у него сверкали...

Юноша, наконец, поднял взгляд на тигра. Он не видел в нем отца. Нет, теперь перед ним стоял дикий зверь, стоял враг, которого нужно убить — иначе он убьет тебя...

Тигр смотрел в сторону юноши широко раскрытыми глазами, но оставалось непонятным, видит он его или нет — зверь по-прежнему не двигался.

Наконец, тигр медленно поднялся, вытянул вперед передние лапы, выгнулся дугой и издал высокий, протяжный рык. Задул ветер, закачались деревья.

Зверь описал по камню короткий полукруг, опустил хвост, изогнулся и низко наклонил голову. Теперь он был готов к броску на этого дерзкого юнца, который посмел подойти к нему столь близко.

Глядя прямо в глаза зверю, юноша тоже принял боевую стойку, но в следующий миг тигр вдруг внезапно обмяк, словно передумал атаковать противника, снова вытянул вперед передние лапы и с самым безобидным видом опустился на камень.

Юноше стало ясно, что тигр его узнал.

Он подошел поближе. Тигр не шевелился. В глазах зверя не было ничего, кроме нежности и любви. Юноша влез на камень. Тигр медленно повернул к нему голову. Молодой человек подошел еще ближе и склонился над зверем. Тигр лег набок, сощурил глаза и снова пристально оглядел юношу взором, полным невыразимой любви и нежности.

«Отец!» — ударило в грудь юноши теплое чувство, но он сразу отогнал его, нащупал за пазухой кинжал и в мгновение ока глубоко всадил его в брюхо тигра.

Закапала кровь; ее черные брызги разлетались по поверхности камня. Тигр забился в страшных судорогах, но не выказал ни гнева, ни ярости. Он по-прежнему не отрывал от юноши кроткого, полного любви взгляда. Молодой человек изо всех сил рванул кинжал вверх и распорол тигру брюхо.

По лицу тигра впервые пробежала мука. Зверь широко раскрыл рот, будто хотел напиться лунного света, потом несколько раз взвыл то высоким, то низким голосом... Наконец, силы оставили его, тигр вытянулся и испустил дух.

На следующий день молодой человек предстал перед правителем.

— Кто ты, из какого царства и как сумел сотворить столь невиданное дело? — спросил его монарх.

— Я из вашего царства, в детстве рос в горах, там узнал звериные повадки, вот и все, — ответил юноша. Но правитель не удовлетворился таким ответом:

— Здесь что-то нечисто, — произнес он. — Поведай нам все без утайки! Расскажешь — тогда сверх награды за избавление от тигра еще более щедро вознагражу тебя!

Юноша не отвечал.

— А будешь молчать, — продолжал монарх, — тогда не останется ничего иного, как изгнать тебя из царства. Наши подданные не смеют идти против воли правителя!

Молодой человек и на этот раз ничего не ответил. Однако правитель не собирался отступить. Каждый день, снова и снова, он призывал юношу к себе и то сулил ему невиданные блага, то грозил всяческими карами. И однажды молодой человек перестал скрывать и поведал монарху тайну своего рождения. Юноша в подробностях рассказал, как бежал от отца-тигра, как вернулся в родное царство, как прозябал в нужде и бедности и как решил откликнуться на призыв правителя.

Выслушав юношу, правитель произнес:

— Ты, добродетель поправ, на родного отца руку поднял! Мало того — жизни его лишил! Как же тогда ты будешь вести себя с другими, тебе неродными? Воистину, трудно привадить дикого зверя, но легко совершить злодеяние! Ты сделал большое дело — избавил народ от напасти. Но лишать жизни отца родного — это вершина жестокосердия! За геройский поступок твой богато награжу тебя, но за свершенное зло караю изгнанием из царства! Быть по сему! Воистину, не бывать в царских законах кривде, не бывать в словах государя обмана!

Молодого человека увели домой, и он стал ждать новых повелений монарха.

Между тем по приказу правителя построили два больших корабля и доверху нагрузили их съестными припасами и роскошными одеждами. Когда оба корабля были готовы, к ним привели юношу и его сестру, и каждый поднялся на свой корабль. В день, когда корабли должны были

выйти в море, на берегу собрались огромное число людей, чтобы поглазеть на это зрелище.

Так мудрый правитель славно вознаградил и отменно наказал брата и сестру. Что же до их матери, то она осталась в его царстве. За то, что женщина не отступила от своего супружеского долга, монарх даровал ей домик и средства на пропитание...

Сильное южное течение подхватило корабли и унесло их в открытое море. Через месяц корабль юноши прибило к берегам какого-то острова. Увидев на острове густые леса и обильно плодоносящие деревья, юноша решил остаться здесь жить. Через несколько лет у этих берегов потерпело кораблекрушение судно, на котором находился измученный морским переходом купец со своей семьей. Молодой человек убил главу семейства, а его дочерей оставил жить на острове. У юноши от этих девушек родилось множество детей; все они выросли сильными и здоровыми. У других потерпевших кораблекрушение вблизи острова также рождалось много детей. Через несколько веков население острова разделилось на господ и подчиненных, высших и низших. Был построен столичный город, деревни, возведено несколько замков...

Рассказ юноши о том, как он убил тигра, передавался на острове из поколения в поколение как предание о далеких предках. С годами тигр в этом рассказе постепенно превратился во льва. В конце концов, лев, которого, по преданию, убил пращур островитян, стал символом этого царства, и царство это стали называть Страной Львов.

А корабль, на котором находилась сестра юноши, счастливо избежал кораблекрушения и достиг запада Персии. Здесь девушка очаровала местное божество и произвела на свет множество девочек, положив начало Великому западному царству амазонок.

С этими легендами можно познакомиться в сочинении преподобного Сюань-цзана [\[70\]](#) «Записки о путешествии в Западный Край при Великой династии Тан». Сам Сюань-цзан не добрался до Страны Львов, но слышал рассказы жителей тех мест и записал их.

«Люди Страны Львов ростом низки, обличем черны. У них квадратные челюсти и высокие лбы. По природе своей они свирепы, без вреда для себя пьют вино, настоянное на перьях ядовитых птиц. Но люди эти храбры и отважны, ибо они — потомки дикого зверя» — такими словами заканчивается повествование об этом царстве в «Записках» Сюань-цзана.

Кстати, во времена путешествия Сюань-цзана в Индию в первой половине VII века это островное царство уже называлось не Страной Львов, а носило другое имя — Симхала. Теперь этот остров называется Цейлон. А на каком острове находилось Великое западное царство амазонок, основанное сестрой первого правителя Симхалы, — того сегодня уже никто не знает...

Впервые дочь китайского императора (принцесса крови) была выдана замуж в земли Сюнну во времена государя Гао-цзу.

Гао-цзу выдвинулся во время смуты конца династии Цинь. В результате многолетних усилий ему удалось объединить все «земли, лежащие среди морей»,^[71] и основать новую империю — Хань. В начальный период правления Гао-цзу внутри страны были очень сильны удельные князья — хоу и местные правители — ваны. Обладая огромными территориями и мощными армиями, они стремились отложиться от Хань. Поэтому Гао-цзу не мог уделять много внимания тому, что происходило за пределами империи.

Кроме внутренней неустойчивости, империи Хань угрожало также укрепление государства Сюнну. Кочевые племена, которые то и дело нападали на северные границы страны, всегда доставляли много беспокойства китайским правителям. Но теперь, при шаньюе Маодуне,^[72] объединившим всех сюнну, эти вторжения приобрели невиданную доселе мощь. Год от года они становились все масштабнее, а если и оставались в прежних пределах, то впервые приняли форму стремительных вылазок на юг регулярных вооруженных отрядов.

Между тем северные ханьские земли были скудными, люди там жили бедно, поэтому сюнну всеми правдами и неправдами продолжали в поисках добычи рваться дальше на юг. Остановить их продвижение можно было только военной силой, но Хань тогда не могла выделить для этой цели крупные воинские соединения. В конце концов было решено урегулировать эту проблему путем установления с кочевниками дружеских отношений. Предложил этот план вельможа по имени Лю Цзин. Он также посоветовал выдать старшую дочь ханьского императора замуж за вождя сюнну. Тогда, по мысли Лю Цзина, родившийся у нее сын со временем станет шаньюем, и, таким образом Хань и Сюнну установят между собой родственные отношения. Кроме того, Лю Цзин предложил время от времени направлять в Сюнну ханьских послов с богатыми дарами. Он считал, что в результате всех этих мер сюнну со временем будут относиться к хань-цам более мягко и перестанут вторгаться своими войсками в северные пределы империи.

Гао-цзу внял этим советам и уже в год своего восшествия на престол (202 г. до н. э.) отправил в Сюнну девушку из императорского дома, выдав ее за принцессу крови. Вместе с этой «принцессой» в варварские земли был направлен Лю Цзин, который заключил с правителем сюнну договор о мире и родстве и возвратился обратно. После этого из Хань ежегодно стали посылать в Сюнну шелк, хлопковое полотно, вино, продовольствие. В результате кочевники действительно на некоторое время прекратили масштабные набеги.

Через семь лет, на первом году правления императора Хуэй-ди^[73] (195 г. до н. э.), правитель Сюнну направил в Хань письмо, «полное безрассудных и высокомерных слов». Тогда по малолетству Хуэй-ди власть в стране принадлежала вдовствующей императрице Лю Тай.^[74] Лю Тай ответила на письмо правителя Сюнну примирительным посланием и снова направила в варварские земли девушку из императорского дома. Два-три года после этого в отношениях между Хань и Сюнну сохранялся мир, но затем мелкие набеги кочевников возобновились, а на шестом году властвования императрицы Лю Тай (183 г. до н. э.) сюнну вдруг большими силами вторглись в Дидао (ныне уезд Дидао в провинции Ганьсу).

Через четыре года после этого вторжения на хань-ский трон вошел император Вэнь-ди.^[75] На третьем году правления Вэнь-ди (177 г. до н. э.) сюнну снова крупными силами атаковали

Бэйди (ныне уезд Цинъ-ян в провинции Ганьсу) и Хэнань (участок плато Ордос в провинции Суйюань). Молодой двадцатидевятилетний Сын Неба уделял большое внимание обороне, но и в данном случае не смог выставить против сюнну большую армию: внутреннее положение страны по-прежнему было сложным и не сильно отличалось от того, что было в момент основания империи...

На шестом году правитель кочевников прислал императору Вэнь-ди письмо, в котором говорилось: «Сейчас наша империя Сюнну усмирила соседние племена, и облик ее полон небывалой доселе мощи. Однако стремление к сохранению мира у нас не утеряно...» Иными словами, письмо ставило своей целью запугать Хань и продемонстрировать силу Сюнну...

Сюнну действительно дважды разбили племена юэчжи, которые долгие годы противостояли им на кочевых землях, и с такой силой нельзя было не считаться. Получив письмо, Вэнь-ди решил обсудить с приближенными сановниками и знатью, что предпочтительнее: война с сюнну или мир с ними. Большинство выступило против начала войны, полагая, что разбить сюнну будет крайне трудно, а даже если это и произойдет, то удержать их земли все равно не удастся. В результате император отправил правителю Сюнну письмо, выдержанное в сдержанных тонах, послал шаньюю богатые дары и предложил продлить договор о мире и родстве.

Вернувшийся из земель варваров порученец сообщил, что Маодунь шаньюй умер, а место нового правителя Сюнну занял его сын Цзюй, который стал править под именем Лаошан-шаньюя. Император Вэнь-ди тут же повелел отправить в дар новому шаньюю Сюнну ханьскую принцессу. Пока было непонятно, что за человек новый правитель, каков он по характеру, какую политику он будет проводить. Но, так или иначе, при ханьском дворе посчитали бесполезным с самого начала выказывать родственные чувства к правителю северной страны, населенной кочевым народом. Хань и впредь предстояло поддерживать с Сюнну долговременные отношения. Вот почему империя отправляла туда уже третью принцессу...

Для поездки в Сюнну выбрали шестнадцатилетнюю девушку из императорского рода. Когда же стали подбирать принцессе наставника, который должен был вместе с ней отправиться в далекие варварские земли, то выбор пал на евнуха Чжунхан Юэ (Чжун-хан — фамилия, Юэ — имя).

Вскоре Чжунхан Юэ предстал перед монаршими очами и получил наказ собираться в дорогу. Как у всех евнухов, по его испещренному глубокими складками и морщинами лицу было совершенно невозможно понять, обрадовался он или опечалился.

Медленно подняв голову, евнух посмотрел на молодого Сына Неба:

— Изволите приказать мне, дряхлому старику, отправляться за тридевять земель?

Чжунхан Юэ служил у Вэнь-ди с его младенческих лет, однако монарх не только никогда не знал возраста евнуха, но и вообще о нем не задумывался. Разумеется, он не считал евнуха юнцом, но и в старики тоже не записывал.

Впрочем, изборожденное глубокими морщинами лицо евнуха, его манера при разговоре вяло, едва-едва шевелить расслабленными губами действительно делали Чжунхан Юэ похожим на вечного старика. Но, с другой стороны, губы у него были бледно-розовые, а голос звучал хоть и хрипло, но как-то весомо и твердо.

Возраста Чжунхан Юэ действительно никто не знал. Да и не только возраста: так, например, не было ничего известно о том, чем он занимался до появления в императорском дворце. А сам евнух рассказывал о себе только то, что родился он в царстве Янь...

Отправляя достойную девушку из императорского дома в варварские земли, Вэнь-ди надеялся, что этот шаг принесет Хань определенные политические выгоды. По иному дело и не мыслилось. Находясь у кочевников, ханьская принцесса должна была не только покорить сердце

мужа-шаньюя, но и установить хорошие отношения с его родственниками, а также, разумеется, умело соперничать с прочими обитательницами «задних покоев».

Но кто в этих трудных обстоятельствах может помочь принцессе подать мысль, подсказать, дать дельный совет? Вэнь-ди считал, что в империи нет человека, который подходил бы на эту роль лучше, чем Чжунхан Юэ: он обладал обширными познаниями, был незауряден в суждениях, а самое главное, был преисполнен преданности — если нужно, мог жизнью своей пожертвовать.

Вэнь-ди снова обратился к Чжунхан Юэ:

— Ты — сокровище наше, а сокровище нельзя надолго выпускать из рук! Как только упрочится положение принцессы какяньчжи, старшей жены шаньюя, — сразу велим тебя отозвать, — произнес монарх, но затем, видимо, подумал, что ему следовало бы быть более определенным, и добавил:

— Десять лет!

Но тут же, встретившись глазами с Чжунхан Юэ, исправился:

— Семь лет!

А еще через некоторое время уточнил:

— Пять лет!

Хорошо знакомое монарху лицо евнуха, которое Вэнь-ди видел перед собой каждый день в течение долгих лет, осталось совершенно непроницаемым. Чжунхан Юэ все так же сидел с неряшливо приоткрытым ртом, рассеянно глядя куда-то в пространство своими глубоко посаженными глазами. Но едва Вэнь-ди лишь только подумал о том, а не сократить ли срок пребывания евнуха в варварских землях до трех лет, как из уст Чжунхан Юэ вдруг послышался скрипучий, но отчетливый голос, разительно не соответствовавший выражению его лица:

— Государь, что три года, что год — все едино. Но если меня действительно отправят в Сюнну, то это истинно не пойдет на пользу ханьскому дому...

С этими словами Чжунхан Юэ совершил церемонный поклон, сгорбился и ковыляющей походкой покинул зал для аудиенций. Говоря монарху неприятные слова, Чжунхан Юэ вовсе не хотел уязвить Вэнь-ди. Просто он сам вдруг ощутил тревожное предчувствие того, что нечто подобное действительно может случиться, и испытал внутреннюю потребность выразить словами свое беспокойство, пока несчастье не произошло на самом деле. Так или иначе, тягостное чувство от этой встречи осталось не только у Вэнь-ди; загадочным образом сам Чжунхан Юэ тоже почувствовал к себе отвращение, как к человеку, на которого нельзя положиться.

Через полгода после этого, весной седьмого года правления императора Вэнь-ди (173 г. до н. э.), Чжунхан Юэ вместе с принцессой вышел из столичного города Чанъаня, миновал пустынные северные земли и прибыл ко двору правителя Сюнну. Евнуха поселили в шатре вместе с полутора десятками человек охраны.

Лагерь правителя Сюнну находился на берегу реки — такой широкой и мутной, что вода в ней казалась неподвижной. Столица Сюнну представляла собой огромное становище: здесь рядами стояло несколько тысяч шатров, между которыми как-то сами собой возникли дороги и площади. На окраинах лагеря сюнну теснились палаточные городки других племен. Кочевники постоянно приходили и уходили; случалось так, что за одну ночь какой-нибудь палаточный городок бесследно исчезал, а на его месте появлялся новый...

Лаошан-шаньюю недавно перевалило за сорок. Это был мужественный, неустрашимый человек со смуглым лицом и острыми, пронизательными глазами.

С тех пор как Чжунхан Юэ вместе с принцессой покинул пределы Хань и прибыл ко двору правителя Сюнну, он ни разу не видел свою соотечественницу. Даже на грандиозном

трехдневном пиру, на котором ханьскую принцессу встречали как императрицу, евнуху не удалось взглянуть на нее и краем глаза.

Этими странными ночами, когда пламя тысяч костров сливалось с холодным блеском звезд, а в сотне разных мест люди разом пировали, шумели, танцевали какие-то невиданные танцы, били в диковинные музыкальные инструменты, Чжунхан Юэ и его спутники ходили по возбужденному пиrom лагерю, и все, что они видели и слышали, казалось для евнуха необычным и удивительным.

Во время этих ночных пиров Чжунхан Юэ обрел полную свободу, которая осталась с ним и в дальнейшем: теперь он мог ходить куда угодно, заглядывать на любое собрание, любоваться какими угодно зрелищами...

В стране Сюнну насчитывалось 300 тысяч воинов, были учреждены чины и звания, которые делились на левые и правые. Существовали титулы левого и правого сянь-вана, левого и правого гули-вана, левого и правого дацзяна, левого и правого дадувэя, левого и правого даданху, левого и правого гудухоу. Левым сянь-ваном обычно становился наследник шаньюя. У крупных военачальников, начиная от сянь-вана и до данху, было в подчинении по десять тысяч всадников, у менее сильных — по несколько тысяч. Все чины и титулы передавались по наследству между родственниками. Каждый располагал своим участком земли, по которому и кочевал свободно со своими стадами в поисках воды и травы. Самые большие владения были у левого и правого сянь-ванов, а также левого и правого гули-ванов. Все военачальники левой стороны жили на восточных землях, а военачальники правой стороны — на западных.

Спустя некоторое время после прибытия Чжунхан Юэ в земли кочевников сюнну устроили церемонию поклонения Небу, Земле и духам, которых они считали своими предками и обожествляли. После строгой, величественной церемонии начался пир, который продолжался три дня и три ночи.

Чжунхан Юэ лицезрел шаньюя ежедневно. Каждое утро правитель выходил из своего шатра и совершал поклон в сторону восходящего солнца, каждый вечер молился на луну.

Приступая к тому или иному делу, сюнну обязательно сверялись с лунной и звездами. Так обстояло дело и во время военных кампаний: атаковали сюнну в полнолуние, а отводили войска при ущербной луне.

Чжунхан Юэ по-прежнему каждый день приходил к шатру правителя, но никакой работы ему не давали. Более того, хотя евнуха приглашали на различные встречи и собрания, его всегда сажали только на последние места и запрещали говорить. Впрочем, Чжунхан Юэ ничуть не тяготился своей странной ролью человека безо всяких занятий. Образ мыслей сюнну, их обычаи и нравы, разнообразные тактические приемы, применяемые военачальниками кочевников — вот что теперь было интересно Чжунхан Юэ, вот что заслуживало его внимания. Так, он старался в деталях понять, что именно знают о ханьской империи представители трех самых знатных родов сюнну — Хуянь, Ланьши и Сюйбу. Выяснилось, что о некоторых вещах они были осведомлены очень хорошо, тогда как о других вообще ничего не знали...

Лаошан-шаньюй почти каждый день обсуждал с представителями знатных фамилий вопрос о том, как подчинить себе земли, лежащие к северу от Желтой реки, Хуанхэ. Первоначально выдвинутый ими план предполагал весьма поспешные действия (войска должны были выдвигаться едва ли не завтра), однако потом этот план начал подвергаться тщательному разбору на основе десятков вариантов гадания по луне и звездам, и в результате стал постоянно меняться, становясь то более гибким, то весьма жестким. Пока шла работа над этим масштабным планом, регулярные набеги на ханьскую территорию, как и раньше, осуществлялись лишь малыми силами. Что же касается крупного похода, то не исключалась возможность проведения его в самое ближайшее время, но в целом он стал представляться

делом более отдаленного будущего.

На третий год пребывания Чжунхан Юэ в землях сюнну туда прибыл ханьский посол. Это посольство привезло в дар правителю большое количество шелка. Чжунхан Юэ присутствовал на аудиенции, которую дал ханьцам Лаошан-шаньюй. Сам посол был евнуху незнаком.

Ханьский посланник только что преподнес правителю кочевников богатые дары, но в его поведении сквозило явное высокомерие — может быть, потому, что посол всеми силами старался не навредить авторитету Великой Хань. А после того как гостям подали угощение, посланник даже стал исподтишка отпускать колкости:

— Я слышал, что у сюнну принято относиться к старикам пренебрежительно, — начал он. — У нас в Хань такое даже помыслить себе нельзя!

Среди присутствовавших сюнну не нашлось никого, кто сразу бы ответил послу, и тот продолжал:

— Молодые мужчины едят все самое вкусное, старики — то, что останется... Уверю вас: если в вашей стране действительно распространены подобные обычаи, то следует немедленно их исправить!

— Ханьский посланник! — внезапно заговорил Чжунхан Юэ, сидевший в самом заднем ряду. Речь его звучала так, будто он сам не понимает, отчего вдруг слова срываются с его уст и почему он не может их остановить. — Разве в вашей стране, по ханьским обычаям, когда молодые люди идут на войну, их родители не отдают им теплую одежду и вкусную еду? А сюнну, в отличие от ханьцев, не забывают о войне ни на день! Вот почему родители постоянно отдают лучшую пищу своим молодым и здоровым детям. Эта пища — знак почета и уважения к будущим воинам. Таким путем, защищая свою родину, отцы и сыновья получают возможность оберегать друг друга. Как можно говорить, что сюнну относятся с пренебрежением к старым людям?

Посол понял, что перед ним ханец, и повысил голос:

— У сюнну взрослые и дети вместе ночуют в одном шатре! Когда умирает отец, сыновья женятся на мачехах, а когда умирают братья, берут себе в жены их жен! Мыслимое ли это дело?!

— По обычаям сюнну, — ответил на это Чжунхан Юэ, — люди едят мясо домашнего скота, пьют его молоко, одеваются в его кожу. Они кочуют вместе со скотом в поисках воды и травы. Во время войны сюнну упражняются в верховой езде и в стрельбе из лука, а в мирное время спокойно наслаждаются семейной жизнью. Их законы и установления просты и легко осуществимы. Правители стоят близко к подданным, поэтому они правят государством, как своим телом. А то, что мужчины сюнну берут за себя жен умерших отцов и братьев, объясняется не прихотями отдельных людей, а заботой о сохранении рода. Вот почему, хотя у сюнну и случаются смуты, к власти обязательно приходят люди из одного и того же рода, связанные кровными узами...

— Но у них не носят форменные парадные одежды, надлежащие головные уборы и пояса, а при дворе даже не установлен церемониал! — продолжал атаковать посол.

— А в Хань блюдут честь и не женятся на женах отцов и братьев, но зато там родственники чуждаются друг друга и непрестанно вступают между собой в кровопролитные распри! О посол, прибывший из страны, в которой люди живут в жалких землянках! Не болтали бы вы попусту! И вообще, кому тут нужны эти ваши чудные шапки?!

Ханьский посол изменился в лице, но не перестал досаждать сюнну вопросами и указывать на их «недостатки». Однако Чжунхан Юэ отбивал все его нападки.

Вскоре после этого случая Чжунхан Юэ был впервые принят Лаошан-шаньюем.

— Что мне нужно сейчас предпринять как шаньюю Сюнну? — доброжелательно спросил

правитель. — Говорите все, что считаете нужным...

Чжунхан Юэ стал подробно излагать свои соображения:

— Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области. Тем не менее в бою сюнну обращают ханьских солдат в бегство, поскольку иначе одеваются и питаются, а потому не зависят от ханьцев. Ныне вы, шаньюй, подражаете ханьским обычаям, полюбили ханьские вещи. Если так будет продолжаться, то Сюнну в конце концов склонится перед Хань! В одеждах из ханьских шелков и ханьского полотна не будешь скакать на лошадях по степи. Такие наряды никогда не сравнятся с одеждами из овчины, исстари принятыми у сюнну. А съестные припасы, получаемые от ханьцев, нужно выбрасывать, ибо они не идут ни в какое сравнение с привычными сюнну молоком и сырами. Вот об этом расскажите народу своему, шаньюй!

Выслушав Чжунхан Юэ, Лаошан-шаньюй сказал, что непременно воспользуется его советами...

После этого разговора Чжунхан Юэ постепенно стал очень занятым человеком. Так, с помощью нескольких порученцев он оценил население Сюнну и численность имевшегося у него скота. Такие росписи были сведены в книги и переданы Лаошан-шаньюю, благодаря чему правитель впервые получил возможность узнать, какой живой силой и каким имуществом располагает каждый князь, а это, в свою очередь, сыграло важную роль в реформировании сюннуского войска.

Теперь Чжунхан Юэ едва ли не ежедневно подолгу беседовал с Лаошан-шаньюем с глазу на глаз, и через некоторое время вдруг понял, что как-то незаметно стал служить правителю Сюнну с той же преданностью, с какой некогда служил молодому ханьскому Сыну Неба. Скоро ханьский Вэнь-ди окончательно стал казаться Чжунхан Юэ далеким и маленьким, а о Лаошан-шаньюе он теперь думал не иначе как о человеке, служить которому верой и правдой и за которого отдать свою жизнь сам бог велел. Да, теперь правитель Сюнну представлялся ему именно таким...

Когда-то Чжунхан Юэ с беспокойством говорил, что если его отправят в страну Сюнну, то это обязательно обернется бедствиями для Хань. Сегодня его слова начинали сбываться.

За время встреч с правителем Чжунхан Юэ постепенно сообщил ему все, что сам знал о государстве Хань. Он рассказал о составе и тактике действий ханьского войска, отметил его сильные и слабые стороны, поделился мыслями о том, как шаньюй может противодействовать ханьцам...

Беседуя с шаньюем, Чжунхан Юэ всегда был очень весел и оживлен. Он был готов всеми средствами помочь правителю осуществить его давнюю мечту: взять в свои руки власть над землями, лежащими к северу от реки Хуанхэ...

В таком развитии событий и впрямь не было ничего невозможного. Чжунхан Юэ предложил правителю Сюнну воспользоваться тем же методом, который успешно применялся в Хань: «управлять варварами руками варваров». Чтобы понапрасну не терять в бою отборных воинов сюнну, предлагалось использовать солдат из числа юэчжей. Поэтому, прежде чем начинать кампанию против Хань, следовало провести крупную карательную экспедицию против царства Юэчжи. Сюнну уже дважды наносили юэчжам поражения, но для того чтобы полностью подчинить их себе, нужна была еще одна крупная военная кампания.

Что же касается Хань, то из-за внутренних слабостей страна по-прежнему не могла посылать войска за границу, и это тоже позволяло сюнну сосредоточиться на борьбе с Юэчжи и пока не спешить с началом кампании против ханьцев. По мысли Чжунхан Юэ, в отношениях с Хань можно было еще некоторое время продолжать политику получения подарков и принцесс. Набеги сюнну на северные ханьские земли предлагалось возобновить только во время сбора там

урожая, — да и то, в основном, чтобы потренировать войска...

Пару раз в год между правителями Хань и Сюнну происходил обмен письмами — их привозили посланники. Ханьский монарх всегда посылал шаньюю письма на дощечках длиною в один *чи* и один *цунь*^[76] которые начинались словами: «Император с почтением справляется о благополучии Великого шаньюя Сюнну и желает ему доброго здравия».

Чжунхан Юэ научил шаньюя посылать в Хань письма на чуть больших дощечках, длиною в один *чи* и два *цуня*, а также писать их высокопарным стилем: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, Великий шаньюй Сюнну с почтением справляется о благополучии Ханьского императора и желает ему доброго здравия».

Большой карательный поход Сюнну против царства Юэчжи начался на седьмой год правления Лаошан-шаньюя (168 г. до н. э.), когда Чжунхан Юэ встречал уже шестую осень в царстве кочевников.

Сюнну двинули против юэчжей крупные соединения, которые стали последовательно нападать на лагеря противника в бассейне реки Или. Главные силы юэчжей бежали на юг, а отдельные отряды укрылись в Южных горах, Наньшань, однако конники сюнну окружили их и принудили сдаться. Согласившихся сдаться взяли в плен, отказавшихся истребили — и мужчин и женщин. Затем настал черед южных племен лоуфань и байян. Эти племена подчинил сюнну еще Маодунь-шаньюй, но среди них нашлись люди, которые поддерживали связи с Хань, и потому по этим племенам был также нанесен удар.

Поход продолжался до лета 167 г. до н. э.

Закончив карательную экспедицию против юэчжей, сюнну отвели войска, дали им отдых, а в следующем, 166 г. до н. э., то есть на четырнадцатом году правления императора Вэнь-ди, огромное сто сорокатысячное войско сюнну вторглось в северные пределы Хань. Началась война за осуществление давней мечты Лаошан-шаньюя — поставить под власть Сюнну территории, лежащие к северу от реки Хуанхэ.

Это Чжунхан Юэ посоветовал шаньюю двинуть войска вперед, пока был высок боевой дух, вызванный победой в кампании по усмирению юэчжей. Правитель начал бросать на юг один за другим крупные соединения конников.

Дела у Сюнну складывались удачно, не давая ни малейшего повода для беспокойства, чего нельзя было сказать о Хань. Правда, убеждение Чжунхан Юэ, что воевать против варваров нужно руками самих же варваров, не выдержало проверки жизнью: солдатами юэчжи оказались слабыми. Но зато отборные сюннуские войска, уже имевшие реальный опыт участия в боевых действиях, проявляли в сражениях невиданную силу и стойкость, да и тактически действовали весьма успешно...

Одна часть войска кочевников вторглась в районы Чжаона и Сяогуань (ныне в провинции Ганьсу). Сюнну полностью разграбили эти территории, убили Ина, военачальника области Бэйди, захватили очень много пленных, скота и почти весь урожай. Другая часть войска дошла до Пэнъяна (ныне в провинции Ганьсу), захватила Юнчжоу и Лунчжоу (в провинции Шэнси).

Ханьцы выставили против сюнну тысячу боевых колесниц и стотысячную конницу. Это войско стало лагерем у столичного города Чаньянь. Император также назначил военачальников в области Шань-цзюнь, Бэйди и Лунси, чем продемонстрировал решимость вести против сюнну настоящую полномасштабную войну.

Узнав об этом, Чжунхан Юэ, который в ходе кампании находился в отряде Лаошан-шаньюя, посоветовал правителю отвести войска.

Ханьцы преследовали противника, пока он не перебрался за Великую стену, но сюнну сумели уйти и вернулись через пустыню к себе на север, не потеряв ни единого солдата.

После этого удачного похода сюнну стали вторгаться в северные границы Хань едва ли не

ежегодно, и после каждого набега на ханьские земли уводили с собой до десяти тысяч человек. Захватывать большое число пленных тоже посоветовал шаньюю Чжунхан Юэ. Теперь в Сюнну все до единого молодые люди стали солдатами, а прочую работу выполняли ханьские рабы.

На восемнадцатом году своего правления (162 г. до н. э.) Вэнь-ди отправил к сюнну своего посла с письмом, в котором говорилось:

«Император с почтением спрашивается о благополучии Великого шаньюя Сюнну и желает ему доброго здоровья. Две лошади, которых вы поручили вашим подчиненным доставить Нам, уже прибыли и с благодарностью приняты...

Наш прежний император установил следующий порядок: все владения, расположенные к северу от Великой стены, в которых живут люди, натягивающие луки, повинуются власти шаньюя, а все поселения, расположенные внутри Великой стены, где живут люди, носящие парадные халаты, пояса и шапки, управляются императором Хань. Это сделано для того, чтобы все люди, которые занимаются земледелием, ткачеством и охотой, имели в достатке одежду и пищу.

Между тем сейчас стало известно, что некоторые злодеи, охваченные стремлением к наживе, разрушили эту справедливость и разорвали данные ими клятвы. Они, пренебрегая жизнями десятков тысяч людей, внесли разлад в добрые отношения между двумя правителями, что чревато самыми серьезными последствиями. Однако, к счастью, все это — дела прошлого времени».

После этих первых слов император подчеркивал необходимость дружественных отношений между двумя странами и продолжал:

«Владения сюнну расположены на севере, где свирепствуют холода. Поэтому Мы желали бы ежегодно передавать в дар шаньюю определенное количество рисовых лепешек, гаоляна, солода, золота, шелка, пряжи, полотна и прочего.

Ныне в Поднебесной царит полный покой, все люди живут в согласии, и Мы, и Вы, шаньюй, являемся для них как бы родителями».

Подобные пассажи тянулись бесконечно, так что казалось, что письмо никогда не завершится, но общий его смысл был понятен и так: ханьский двор разъяснял, как тяжело страдает их страна от набегов сюнну...

Теперь, когда войско сюнну должно было немного отдохнуть и восстановить силы, Чжунхан Юэ посоветовал шаньюю принять предложение Вэнь-ди и заключить договор о мире и родстве.

Вскоре после этого Чжунхан Юэ узнал, что ханьский двор издал эдикт, в котором сообщалось, что ханьские пленники сюнну и люди сюнну, оказавшиеся на землях Хань, возвращаются на родину, а населению, проживающему в пограничной полосе, впредь под страхом смертной казни запрещается пересекать Великую стену.

Судя по всему, эдикт представлял собой не что иное, как попытку ханьского двора подтолкнуть Сюнну к сходным ответным шагам. Но Чжунхан Юэ вовсе не хотел, чтобы этот конфликт завершился так просто. В конце концов, если, не мудрствуя лукаво, отвести войска, то как тогда можно осуществить заветную мечту Лаошан-шаньюя?

В следующем, 161 г. до н. э., Лаошан-шаньюй внезапно умер, и на престол взошел его сын Цзюньчэнь. Вскоре после этого Вэнь-ди направил в Сюнну посла, которому надлежало выразить скорбь в связи с кончиной Лаошан-шаньюя, приветствовать восшествие на престол

нового правителя и уверить его в том, что Хань будет в полной мере соблюдать договор о мире и родстве. Вместе с послом прибыл целый караван лошадей с многочисленными дарами. В свите посла Чжунхан Юэ увидел знакомое лицо одного из придворных. Тот сообщил, что привез ему приказ: император Вэнь-ди отзывал Чжунхан Юэ обратно в Хань.

Чжунхан Юэ пригласил посланника в свой шатер:

— Как видите, в этой стране мою жизнь ничто не стесняет, — начал он. — Когда меня посылали сюда, я и представить не мог, что меня здесь так высоко оценят. Если новый шаньюй этой страны решит, что мне для пользы Сюнну нужно будет вернуться в Хань, то я с удовольствием вновь ступлю на ханьскую землю. Однако пока он не принял такого решения, я остаюсь здесь и буду служить новому шаньюю.

— А разве вы не вспоминаете с любовью столичный город Чанъань? — поинтересовался посланник. — Там ведь у вас много знакомых... А помните сладкий воздух столицы, ее вкусную воду?

— Конечно, мне хочется увидеть Чанъань, — отвечал Чжунхан Юэ, — хочется испить столичной воды, подышать столичным воздухом. Хочется встретиться со старыми знакомыми, поговорить с ними. Да, я горю желанием перед смертью еще хотя бы раз взглянуть на столичный город Чанъань — горю сильнее, чем это может себе представить даже Его величество император Вэнь-ди. Но без приказа шаньюя я в Хань не вернусь. Теперь здесь, среди песков, мой дом, в этой земле будут тлеть мои кости...

В словах Чжунхан Юэ не было неприязни к Вэнь-ди, не было в них и самолюбования или бахвальства. Он действительно очень хотел ступить на землю Чанъаня. Но до тех пор, пока он оставался в Сюнну, был только один способ осуществить это желание: окружить Чанъань огромным сюннуским войском и заставить ханьскую столицу сдаться.

И это были не пустые мечтания. Во время большой кампании 166 г. до н. э., спланированной Чжунхан Юэ, войска сюнну уже угрожали столичному городу Чанъ-ани. Если бы тогда им удалось продвинуться еще на шаг вперед, то Лаошан-шаньюй осуществил бы свою мечту. Сегодня ключ к этой мечте был в руках Цзюньчэнь-шаньюя.

На следующий год, после того как Цзюньчэнь занял престол, Чжунхан Юэ предложил шаньюю расторгнуть договор о мире и родстве с Хань и напасть на ханьские земли.

Твердо веря в то, что сюнну будут придерживаться условий договора, ханьцы держали на границе только небольшие силы. Между тем сами пограничные области находились достаточно далеко от столицы, и чтобы добраться туда из столичного города, большому ханьскому войску требовалось, по крайней мере, несколько месяцев...

Чжунхан Юэ полагал, что даже если на этот раз войскам сюнну и не удастся вплотную подойти к Чанъани, то они все равно смогут окружить и занять обширные территории за Великой стеной.

Однако только что воцарившийся правитель сюн-ну не пожелал следовать подобным советам и не решился расторгнуть существующий договор с Хань, так что Чжунхан Юэ еще не раз пожалел о том, что Лаошан-шаньюй уже не было в живых...

Правда, в конце концов Цзюньчэнь-шаньюй согласился двинуть войска на северные границы Хань, но ограничил их численность тридцатью тысячами человек.

Решение, принятое шаньюем, далеко не удовлетворило Чжунхан Юэ, он неохотно с ним согласился и дал приказ выступить. Тридцатитысячное войско сюнну успешно заняло Шанцзюнь и Юньжун. Отряды конников сюнну легко, словно по безлюдным степям, двигалось через ханьские земли, захватывая богатую добычу. Как и предполагал Чжунхан Юэ, сигнальные огни, сообщавшие о вторжении сюнну, добежали от ханьских пограничных областей до Ганьцюа-ня и Чанъаня только через несколько месяцев. Узнав о вторжении, ханьцы снова

выдвинули свои войска для охраны границы в три опорных пункта. Кроме того, три группировки, готовые противостоять сюнну, были размещены в Силю, к западу от Чанъани, в Цзимэне, к северу от реки Вэйшуй, а также в Башане.

Кампания подошла к концу, когда Чжунхан Юэ убедил шаньюя в бесполезности дальнейших маневров: до тех пор, пока ханьцы держали в приграничных областях большую армию, для сюнну не было никакого резона расходовать силы своих солдат.

С горящими глазами, своим обычным хриплым голосом, который в последние два-три года превратился в невнятную скороговорку, Чжунхан Юэ докладывал Цзюньчэнь-шаньюю:

— Думаю, в ближайшие несколько лет нам еще раз представится случай двинуть против Хань большое войско. Настанет время, когда кто-нибудь из удельных князей — скажем, ваны У, Чу или Чжао — поднимет знамя восстания и выступит против Хань. Вот тогда-то шаньюй и должен бросить на ханьские земли все войска Сюнну!

В 156 г. до н. э. скончался император Вэнь-ди. Чжунхан Юэ несколько раз подносил ухо к самым губам слуги, принесшего эту весть. Сколько лет было сейчас евнуху? Этого по-прежнему никто не знал, но, во всяком случае, он был уже глубоким, дряхлым стариком — плохо видел и почти не слышал.

Несколько раз переспросив слугу о смерти Вэнь-ди, Чжунхан Юэ, наконец, кивнул в знак того, что он все уяснил. Его и без того изрезанное глубокими морщинами лицо к старости покрылось такими чудовищными бороздами, что на евнуха было страшно смотреть, и потому, какие чувства испытал при этом известии Чжунхан Юэ так и осталось непонятным...

Теперь Чжунхан Юэ видел шаньюя крайне редко, но когда такие встречи выдавались, то всем было заранее известно, что он скажет:

— Близится и обязательно наступит тот час, когда нам нужно будет бросить в бой всю армию Сюнну! А до тех пор солдат лучше не двигать. Так я считаю!

Старый глухой евнух теперь действительно всегда и всюду говорил своим невнятным голосом только то, что считал нужным, и, не обращая внимания на ответы собеседника, сразу же брел к себе в шатер. Он совсем исхудал, ссохся и стал похож на карлика...

Как и предсказывал Чжунхан Юэ, в третий год правления наследника Вэнь-ди императора Цзин-ди, ^[77] (154 г. до н. э.), семь княжеств, в том числе У и Чу, подняли мятеж. Посланник Чжао-вана прибыл в Сюнну просить о военной помощи. Цзюньчэнь-шаньюй собирался вместе с Чжао-ваном вторгнуться в границы Хань, однако ханьцы быстро подавили все очаги восстания один за другим. Чжао-ван после десяти месяцев борьбы также был окружен ханьскими войсками и разбит.

Чжунхан Юэ к этому времени уже не было в живых. Когда он умер — неизвестно; считается, что это произошло либо в год смерти императора Вэнь-ди, либо годом позже. Наверное, если бы он был жив, то сумел быстро выдвинуть на помощь мятежникам войска сюнну, и итог того восстания был бы совершенно другим.

В царстве Чжоу^[78] скончался высокочтимый и мудрый монарх Сюань-ван.^[79] На престол взошел его наследник Ю-ван.^[80] На втором году правления Ю-вана в столице царства Хаоцзине^[81] произошло сильное землетрясение. Из-за него серьезно пострадали три реки — Цзиншуй, Вэйшуй и Ло-шуй — сначала разлились, потом пересохли, а окружавшие их горы обрушились.

Главный придворный летописец и звездочет Бо Ян-фу сказал об этом так:

«Царство Чжоу ожидает гибель! Обычно дух Неба и дух Земли сохраняют твердый порядок. Если же этот порядок расстроен, то это значит, что его нарушили люди. Ныне меж духом Неба и духом Земли порядок утерян. Светлая сила *ян* повержена и неспособна выйти наверх. Гнетомая темной силой *инь*, не может она воспарить. Вот и дошло до того, что в Трехречье случилось трясенье земли.

Когда сила *ян* подавлена силой *инь*, теряет она свое место. Когда сила *ян* утрачена, а сила *инь* наличествует, то истоки рек обязательно закупориваются. Если же истоки рек перекрыть, то страна непременно погибнет. В самом деле, как может выжить народ, если вода не увлажняет землю?

В прошлом, когда реки Ишуй и Лошуй обмелели, погиб дом Ся.^[82] Когда обмелела река Хуанхэ, рухнул дом Шан.^[83] Ныне мы видим, что три реки полностью пересохли, а горы обрушились. Раз уж Небо отказалось от нашей страны, то и десятка лет не пройдет, как погибнет она».

Пророчество Бо Ян-фу быстро разошлось по стране. Некоторые верили его словам, другие обвиняли звездочета в том, что он призывает к мятежу...

Долгое сорокашестилетнее царствование предыдущего властителя, Сюань-вана, имело ряд достоинств. На севере он разгромил сюнну, на юге разбил племена хуай и тем самым избавил страну от угрозы нашествий извне. В самом Чжоу монарх подчинил себе все мелкие племена, пресек внутренние смуты, дотоле непрерывно сотрясавшие царство, наполнил его казну.

Впрочем, нельзя сказать, что в период властвования Сюань-вана оправдывались все чаяния его подданных. Монарх отошел от главного, истари принятого принципа управления, — «править народом с помощью добродетели». Поэтому при Сюань-ване, особенно в последние годы его царствования, страна была охвачена ропотом и недовольством.

Иными словами, пророчество Бо Ян-фу не только выражало неудовлетворение порядками, существовавшими при Сюань-ване, но и служило предостережением его наследнику Ю-вану, новому властителю царства Чжоу. Однако каков бы ни был истинный смысл слов Бо Ян-фу, большинство людей воспринимало их не иначе, как предсказание скорых несчастий и гибели государства.

В те же годы, когда Бо Ян-фу произнес свое мрачное пророчество, на женской половине императорского дворца появилась девушка по имени Бао-сы. Бао называлось одно из племен и маленькое княжество, в котором она жила, а Сы была фамилией бедной семьи, которая вырастила девушку.

Отец Бао-сы делал луки из ветвей горного тутовника, из травы плел колчаны для стрел, продавал их и тем зарабатывал себе на жизнь. Покупателями луков и колчанов были простые солдаты, поэтому, хотя отец Бао-сы и мастерил оружие с утра до вечера, не покладая рук, но

доход от продажи был невелик — его едва хватало на то, чтобы растить дочку да сводить концы с концами.

Мать девочки в поисках веток горного тутовника каждый день уходила далеко в горы. Когда Бао-сы была маленькой, мать брала ее с собой. Когда же девочка вступила в возраст юности и стало ясно, что природа наградила ее красотой, то мать перестала брать Бао-сы в горы, опасаясь, что она поранит себе руки.

Бао-сы с малых лет знала, что она — найденьш. Приемные родители не переставая рассказывали девочке, что подобрали и воспитали ее только из чувства сострадания.

А случилось это так: глубокой ночью в чужой стране супруги увидели плачущего ребенка, брошенного на обочине дороги, пожалели его и взяли с собой в царство Бао (оно находилось на территории нынешней провинции Шэньси).

Приемные отец и мать не раз повторяли девушке, что она им не родная, что они сделали для нее благое дело, но Бао-сы эти слова совершенно не задевали: ведь у нее, найденьша, все равно не было другого отца и другой матери. Впрочем, и родители, повторяя «найденш, найденш», вовсе не хотели выказать какое-то особое бессердечие или дать понять девушке, что они ее не любят.

В 15–16 лет Бао-сы заблистала красотой, и скоро в царстве Бао об этой девушке знал каждый. Одно только было в ней странно: Бао-сы совсем не умела улыбаться. Как девушку ни смешили, улыбка никогда не озаряла ее лица. Поэтому серьезность Бао-сы, как и ее красота, также прославилась по всему царству.

А родители не улыбочивой девушки теперь все время ссорились. Им стало ясно, что Бао-сы не умеет улыбаться только потому, что они сами с самого детства говорили ей «найденш, найденш». Теперь приемные отец и мать пытались переложить вину за это друг на друга.

Скоро все царство внезапно заговорило о том, что Бао-сы вознеслась до положения обитательницы задних покоев дворца Ю-вана. Произошло это так: правитель царства Бао чем-то провинился перед Ю-ваном и, чтобы искупить свою вину, решил подарить ему красавицу. Выбор пал на дочь нищего оружейника. Судьба не просто подбросила ей белый шар: для бедной деревенской девушки войти в женские покои Ю-вана означало редкостную, буквально немислимую удачу.

Итак, Бао-сы рассталась с родителями, переехала в Хаоцзин, столичный город царства Чжоу, и стала жить на женской половине дворца Ю-вана. Красота девушки сразу пленила сердце властителя, и через год, на третьем году правления Ю-вана, Бао-сы родила ему сына — принца Бо-фу.

При этом по-прежнему никогда нельзя было понять, радуется Бао-сы или печалится: ни переезд во дворец, ни рождение ребенка не изменили ее лица, которое оставалось все таким же бесстрастным и неподвижным.

Ю-ван благоволил к Бао-сы все больше и больше. В конце концов он отдалил от себя старшую жену Шэнь и рожденного от нее наследного принца Сюань-цзю; их места заняли Бао-сы и ее сын Бо-фу. Но даже после того как Бао-сы стала государыней, а рожденный ею Бо-фу — наследником, никакие чувства не отразились на лице красавицы. Ю-ван так ждал, что на лице Бао-сы появится хотя бы легкая улыбка, но, увы, Бао-сы по-прежнему никогда не улыбалась.

В эти дни Бо Ян-фу, предсказавший гибель царства Чжоу, произнес еще одно пророчество. Он сказал: «Беда уже случилась. Теперь ничего поделать нельзя».

Бо Ян-фу был прав: беда действительно уже случилась. Отстраненная Ю-ваном государыня была дочерью одного из могущественных чжоуских князей-хоу, Шэнь-хоу. Всем было ясно, что Шэнь-хоу не станет мириться с действиями Ю-вана.

Но как именно поступит Шэнь-хоу? Поднимет ли он восстание против Ю-вана с помощью

инородцев из племен цюаньжун и сии? Кто из других князей объединится с Шэнь-хоу и двинет свои дружины против Ю-вана? На этот счет ходили самые тревожные и невероятные слухи. В точности никто ничего не знал, единственное, что было ясно — мятеж непременно будет. В этом уже никто не сомневался.

Сам Ю-ван тоже не сидел сложа руки. Готовясь к подавлению мятежа, он построил мощные крепостные укрепления на вершинах гор Лишань, соорудил во многих местах сторожевые вышки, на которых должны были зажигаться сигнальные огни, установил тревожные барабанные башни. У подножия лишаньских гор были размещены хорошо обученные войска, всегда готовые отразить нападение противника.

Однако ни на четвертый, ни на пятый, ни на шестой год правления Ю-вана ничего существенного не произошло: в действиях Шэнь-хоу не было заметно никаких перемен. Перемещения племен цюаньжун и сии также особой тревоги не вызывали.

На седьмом году некий Ши-фу из царства Го настолько втерся в доверие к Ю-вану, что тот сделал его высшим сановником и поручил управлять государственными делами. Ши-фу был человеком коварным, да к тому же отличался мздоимством, так что все царство Чжоу сразу его возненавидело.

Однажды Ши-фу во время доклада предложил Ю-вану: «А что, если на сторожевых вышках, стоящих на вершинах высоких гор, зажечь сигнальные огни? Может быть, хоть это потешит душу государыни Бао-сы?»

Ю-ван день и ночь ломал голову над тем, как поднять настроение любимой супруги, поэтому когда он услышал, чем можно порадовать душу Бао-сы, то сделал все по слову Ши-фу из царства Го: в тот же день, на закате, на всех сторожевых вышках зажгли сигнальные огни. В мареве вечерней зари запылали факелы, поднялись ввысь столбы черного дыма, а когда землю окутал ночной мрак, вспыхнули тревожные костры. Одновременно на всех горных барабанных башнях ударили в огромные барабаны.

Тотчас же все пришло в движение у подножия гор Лишань. Все до единого вассалы вана оседлали лошадей и поскакали к дворцу правителя. Вооруженные всадники вихрями закружились вокруг ставок своих начальников, а потом слились в несколько десятков отрядов и ринулись вверх по склону горы. Суэта охватила не только окрестности дворца, но и весь столичный город Хаоцзин. А из военных лагерей, разбитых вблизи столицы, начали выдвигаться в сторону города крупные отряды пехотинцев и конников.

Из окна своего покоя во дворце правителя Бао-сы увидела, как вдоль всей изломанной линии горного хребта Лишань на равных расстояниях друг от друга стали вспыхивать сигнальные огни.

Открывшаяся ей картина поражала необычайной, диковинной красотой. Красные языки пламени лизали темное, безлунное ночное небо. Мрак, окружавший дворец, был наполнен ржанием боевых коней и взволнованными голосами прибывающих солдат. Сам дворец тоже бурлил от снующих взад-вперед людей.

Когда вассалы вана и простые воины узнавали, что они напрасно тревожились и гнали коней, что костры на сторожевых башнях зажгли вовсе не из-за нападения врага, то ратникам оставалось только стоять и в изумлении разглядывать огни, по-прежнему полыхавшие на горных пиках. Скоро в коридорах и во дворе замка толпилось великое множество ошеломленных и оцепеневших людей.

— Ну, скажи, красиво? Нет? — спрашивал Ю-ван у Бао-сы, показывая на огни, горевшие на вершинах дальних гор.

И вдруг на лице Бао-сы впервые проступила улыбка, а с ее губ сорвался короткий, тихий смех. Ю-ван с изумлением поднял глаза на Бао-сы, и в тот же миг улыбка исчезла с ее лица. Но

и этого оказалось достаточно, чтобы Ю-вана охватила яростная, безумная радость. Лицо жены, по которому скользнула легкая улыбка, ныне казалось Ю-вану особенно таинственным и прекрасным, попросту неземным.

С тех пор правитель никак не мог позабыть ту улыбку, что внезапно вспыхнула на лице Бао-сы и в тот же миг погасла. Он не переставая размышлял о том, как бы еще раз увидеть улыбку своей любимицы.

И вот на восьмой год правления Ю-вана, спустя ровно год после первой тревоги, вновь запылала огни на сторожевых вышках, вновь, как и в прошлый раз, дворец окружили верные правителю войска. И опять в крепости началась суеда, и снова сгрудились во дворах солдаты и кони, тесня и толкая друг друга. Гремели боевые барабаны, по горным вершинам, на которых так и не появился неприятель, было выпущено великое множество стрел. И опять дворец вана наполнился странными пришлецами с оцепеневшими, почти безумными лицами. Но этой ночью к дворцу пришло немного меньше людей, чем в прошлый раз.

А Ю-ван, который мечтал вновь увидеть улыбку Бао-сы, так ее и не дождался.

В третий раз огни на сторожевых вышках загорелись на девятом году правления Ю-вана. На этот раз людей у дворца правителя собралось совсем мало, и в окутанной тьмой крепости стояла почти полная тишина. Конечно, кое-где слышалось ржание боевых коней, раздавались голоса солдат, но звучали они глухо, как будто войска куда-то скрытно выдвигались под покровом ночи.

Всю ночь Ю-ван провел рядом с Бао-сы, не отходя от нее ни на шаг, но снова так и не увидел на лице красавицы даже тени улыбки.

На десятом году правления Ю-вана огни на сторожевых башнях зажглись в четвертый раз.

На сей раз во дворце правителя собралась лишь жалкая кучка его защитников, а вокруг дворца вообще не было заметно никакого движения пехотинцев и конников.

Огни на сторожевых вышках опять запылала по пустой прихоти Ю-вана; он взял за правило зажигать их ежегодно. На самом деле правитель хотел зажигать сигнальные костры еще чаще, и если бы не запрет советника Ши-фу, то Ю-ван делал бы это по несколько раз в год. Нестерпимое желание увидеть пламя сигнальных костров охватывало правителя всякий раз, когда он вспоминал прекрасную и загадочную улыбку Бао-сы, и Ю-ван никогда не смог бы противиться этому желанию, если бы не советник Ши-фу из царства Го. Тот самый Ши-фу, советы которого когда-то вызвали к жизни эту традицию, теперь не подчинялся приказам правителя и запрещал попусту жечь тревожные огни.

Однажды ночью, в начале одиннадцатого года правления, Ю-вану доложили, что к столичному городу Хаоцзину движется большое соединенное войско, состоящее из ратников Шэнь-хоу, а также воинов из племен цюаньжунов и сии. Это известие оказалось для правителя совершенно неожиданным. Более того, когда Ю-ван получил первые донесения о мятеже, авангард армии мятежников уже собирался штурмовать крепость.

Правитель приказал спешно зажечь на сигнальных башнях костры, чтобы дать знать об опасности своим подданным, и через мгновение по вершинам лишаньских гор побежала цепочка тревожных огней, внушительно загремели огромные барабаны, извещавшие о приближении неприятеля.

Но, увы, — никто не бросился к дворцу правителя. Ни вассалы двора, ни военачальники не обратили никакого внимания на сигнальные огни и грохот боевых барабанов. А костры только напрасно опаляли ночное небо.

Через короткое время в крепости услышали воинственные клики противника, свист сигнальных стрел, извещавших о начале битвы и, прежде чем кто-нибудь успел сообразить, что происходит, на дворец правителя действительно посыпались боевые стрелы. Только теперь

жители столицы и охранявшие ее солдаты поняли, что на город в самом деле напал враг, но, к сожалению, уже не могли ничего предпринять.

Когда на дворец обрушился ливень вражеских стрел, Ю-ван и Бао-сы стояли на самом верху огражденной перилами лестницы, которая вела на балкон, примыкавший к опочивальне. На мелком гравии, усыпавшем балкон, на перилах лестницы, на лицах Ю-вана и Бао-сы — повсюду сверкали алые отблески сигнальных огней, горевших на вершинах гор. Казалось, это последние лучи заходящего солнца заливают все вокруг алым светом. В нескольких местах крепости и окружавшего ее города поднялись ввысь столбы дыма. Откуда-то послышался неясный шум битвы, который с каждым мгновением становился все сильнее.

На балкон вбежало несколько солдат. Они доложили, что выделены паланкины и стражники, чтобы помочь правителям бежать из крепости: Ю-вана должны были вынести через северные ворота, а Бао-сы — через южные.

И в этот миг Ю-ван вдруг услышал смех Бао-сы. Смех был беззаботный, высокий, переливчатый — казалось, будто где-то пересыпают жемчуг. Правитель залюбовался своей удивительной женой. Слегка подняв лицо, Бао-сы вглядывалась в черное ночное небо. Казалось, ее губы были всего лишь расслабленно приоткрыты, но именно с них и струился этот жемчужный смех.

«Засмеялась! Бао-сы засмеялась! — вдруг понял Ю-ван. — Да, это она смеется! Смеется! Смеется!»

Ю-ван все еще зачарованно вглядывался в лицо Бао-сы, когда солдаты плотно обступили правителя и быстро повели его к северным воротам дворца...

Восставшие убили Ю-вана и схватили Бао-сы. Поначалу правителю удалось вырваться из крепости, однако у ближайшего к ней поселка, в гранатовой роще, Ю-вана заметили и зарубили вражеские солдаты.

После смерти Ю-вана все владетельные князья стали на сторону Шэнь-хоу, главы мятежников. Шэнь-хоу покончил со смутой в царстве, умиротворил народ и возвел на престол старшего сына Ю-вана Сюань-цзю, смещенного прежним правителем. Он стал править под именем Пин-вана.^[84] С начала восстания и до воцарения Сюань-цзю прошло не более двадцати дней.

Как и предсказывал Бо Ян-фу, царство, которым десять лет правил Ю-ван, прекратило свое существование. Взойдя на престол, Пин-ван с целью избежать нападений со стороны жунов перенес столицу в Лоян. Город Хаоцзин, который длительное время был столицей царства Чжоу, оказался заброшен. Дворец Ю-вана у подножия гор Лишань также был надолго покинут.

О дальнейшей судьбе Бао-сы, ставшей пленницей Шэнь-хоу, ничего не известно.

Во всех исторических трудах о Ю-ване говорится как о недалеком правителе, который из-за страсти к своей любовнице погубил страну, а о Бао-сы — как о прелестной злодейке, сгубившей Ю-вана и его царство. Так, и в «Ши цзин»,^[85] и в «Чжоу юй»^[86] красавице Бао-сы даются крайне нелицеприятные оценки.

Заслуживает внимания волшебная легенда о рождении Бао-сы, с которой знакомят «Ши цзи».^[87] По-видимому, рассказ о Бао-сы, помещенный в этом труде, в свое время имел в Китае очень широкое хождение.

«Давным-давно, когда дом Ся еще только начинал слабеть, во внутреннем дворе императорского дворца правителя Ся опустились два необыкновенных дракона. Из пастей драконов начала извергаться белая пена. Увидев это, император Ся собрал своих вассалов и стал гадать, можно ли убить этих драконов или прогнать их прочь. Оракул на оба вопроса ответил «нет». Тогда император Ся совершил еще одно

гадание, спросив оракула, надо ли собирать и сохранять извергаемую драконами пену. На этот раз ответ оракула был благоприятным. Император почтительно и со всей торжественностью осведомился об этом и у самих драконов. После этого драконы внезапно исчезли, оставив во дворе одну только пену. Эта пена была собрана в короб и оставлена на хранение в покоях императора Ся.

После того как царство Ся погибло, короб с пеной перешел к дому Инь,^[88] а когда погиб дом Инь, то к дому Чжоу. Короб дерзнули открыть только в последний год правления чжоуского Ли-вана.^[89] Когда сам властитель поднял крышку короба, то хранившаяся там пена постепенно растеклась по всему дворцу, и ее никак не могли убрать.

Тогда Ли-ван приказал очистить дворец от злых духов, для чего множество дворцовых женщин разделись донага и с молитвами вошли в пену. Только так от напасти, наконец, удалось избавиться: заполнившая весь дворец пена стала постепенно исчезать и сжиматься, пока в конце концов не превратилась в маленького тритона, который заполз на заднюю, женскую половину дворца. Там за ним погналась маленькая семилетняя девочка, но едва она коснулась тритона рукой, как тот куда-то исчез.

Потом ловившая тритона девочка повзрослела и стала девушкой, а в семнадцать лет, оставаясь девственницей, забеременела и родила ребенка. Люди ненавидели этого ребенка и называли его «дитя тритона». Женщина не смогла вынести такого позора и бросила младенца, так и не узнав, от кого она его родила.

В те времена дети повсюду распевали такую песню:

*Лук из тутовника да колчан из травы —
Вот что погубит царство Чжоу.*

Кто первым запел эту песенку — неизвестно, однако тогдашние власти решили ее запретить, а заодно и разыскать тех, кто ладит луки из дерева тутовника и плетет колчаны из травы. Выяснилось, что в стране есть единственная супружеская пара, которая делает такие луки и колчаны. Было приказано схватить мужа и жену и убить их. Узнав об этом, супруги решили бежать из страны в царство Бао. По дороге они увидели несчастного брошенного младенца, пожалели его, подобрали и скрылись с ним в царстве Бао, где малютка и выросла. Это и была Бао-сы.

Судя по этой легенде, Бао-сы можно считать дочерью тритона, можно — дочерью пены, а можно — и дочерью божественного дракона.

Но как бы то ни было, нельзя не признать, что Бао-сы, по-видимому, самой судьбой было уготовлено приносить царству Чжоу беды и несчастья, а ее приемным родителям сам рок предназначил воспитать именно такую дочь. И в этом смысле легенда повествует не о том, как Бао-сы стала супругой или любовницей Ю-вана, а о том, как она стала его судьбой.

А если это так, то нет ничего удивительного в том, что Бао-сы никогда не улыбалась. Должно было случиться что-то роковое, изменяющее жизнь до самых ее тайных глубин — только тогда по лику судьбы и могла скользнуть загадочная и всеведущая улыбка. Улыбка Бао-сы.

*Publishing Project (JLPP) which is run by the Japanese
Literature Publishing and Promotion Center (J-Lit Center)
on behalf of the Agency for Cultural Affairs of Japan*

notes

На русском языке опубликованы такие произведения писателя, как романы «Курисио» (1950), «Ледяная стена» (1957), а также некоторые повести и рассказы. Широкую известность получил исторический роман «Сны о России» (1968), посвященный судьбе японца, заброшенного в Россию времен Екатерины II.

В Древнем Китае так назывались земли, лежавшие на Запад от тогдашней территории страны, в основном — Синьцзян и государства Средней Азии. — *Здесь и далее, если нет специальных указаний, примечания переводчика.*

Чжан Цянь (? — около 103 г. до н. э.) — государственный деятель и путешественник. Прошел из Китая в Среднюю Азию путем, получившим позднее в Европе название Великого Шелкового пути. Чжан Цянь первым принес в Китай сведения о Синьцзяне и центральноазиатских государствах.

Хань (Ранняя, Западная Хань) — китайская императорская династия, существовала с 206 г. до н. э. По 220 г. н. э. Ханьский У-ди (156-87 гг. до н. э.) — император этой династии. У-ди более 40 лет вел войны против соседних народов и государств, значительно расширившие границы китайской империи.

Хоу — ранг знатности, буквально «правители на местах».

Точнее — в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики.

Сюнну, хунну — кочевой народ, сложившийся в древности в Центральной Азии. Часть сюнну перекочевала на Запад, где, смешавшись с аборигенами, положила начало новому народу — гуннам. Юэчжи — во времена династии Хань народность (таджики?) и царство на западной границе Китая. В III веке до н. э. юэчжи, теснимые сюнну, отошли на Запад. Большинство их (в китайской терминологии — даю-эчжи, то есть «большие» юэчжи) закончило свою миграцию в Бактрии, где, смешавшись с местным населением, образовало в I веке до н. э. Кушанское царство, которое в период своего расцвета занимало значительную часть территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии. Меньшая часть юэчжи, известная китайцам как «малые» юэчжи, ушла в горную часть Синьцзяна.

Гао-цзу — настоящее имя Лю Бан (247–195 гг. до н. э.) — выходец из крестьян уезда Пэйсянь китайской провинции Цзянсу, один из руководителей восстания, завершившегося захватом столицы государства и основанием в 202 г. до н. э. новой династии Хань. Лю Бан провозгласил себя первым императором династии, приняв титул Гао-цзу.

Хань шу — История [Ранней] Хань. Официальная история династии Ранняя (Западная, Младшая) Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.), историческая хроника, составленная историографом Бань Гу (32–92). «Повествование о заданном крае» (*Сиюй чжуань*) — одна из глав «Хань шу».

Усуни — кочевой народ, обитавший во времена правления в Китае династии Хань к северу от Тянь-Шаня.

Ли — традиционная китайская мера расстояний, в древности — около 516 м.

Имеются в виду рис, просо, чумиза, бобы и пшеница.

Канцзюй (Кангюй) — государственное образование в Средней Азии (ок. II в. до н. э. — ок. IV в. н. э.), объединявшее кочевые и оседло-земледельческие племена, которые обитали в нижнем и среднем течении реки Сырдарья.

Парфия, Парфянское царство, государство (250 г. до н. э. — 224 г. н. э.), располагалось к юго-востоку от Каспийского моря. В период расцвета (середина I века до н. э.) его территория простиралась от Двуречья до реки Инд.

Бактрия (Бактриана), историческая область в Средней Азии по среднему и верхнему течению Амударьи. С первой половины I тысячелетия до н. э. рабовладельческое общество. Столица — Бактра (ныне городище Балх у одноименного города в Северном Афганистане. В VI–IV вв. до н. э. — в государстве Ахеменидов, затем в империи Александра Македонского. С середины III в. до н. э. — Греко-Бактрийское царство. Во II в. до н. э. завоеван тохарами и называлась Тохаристан.

Дуньхуан — древний город в Китае, на западе нынешней провинции Ганьсу.

«Молодые негодяи» набирались в войска для участия в походах в дальние страны взамен наказания за преступления.

Чжао-ди — седьмой император династии Ранняя (Западная) Хань, на троне с 86 по 73 гг. до н. э.

Ван Ман (45 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — тесть императора Пин-ди (1–5 гг.) и регент при его малолетнем сыне. В 8 г. он низложил малолетнего императора и провозгласил себя основателем новой династии Синь. Став императором, Ван Ман начал реформы, направленные на подрыв всеислия местной элиты, в частности, объявил все земли в империи государственными и строго запретил их куплю-продажу. Реформы встретили ожесточенное сопротивление всех, кто по указам императора лишался поколениями накопленного имущества. Однако решающую роль в судьбе Ван Мана и империи в целом сыграло другое: в 11 г. своенравная река Хуанхэ изменила свое русло, что привело к гибели сотен тысяч людей, затоплению полей, разрушению городов и поселков. Согласно традиции, прорыв Хуанхэ и связанные с этим великие бедствия однозначно свидетельствовали о том, что великое Небо выступает против реформ Ван Мана и выражает свое недовольство такого рода катаклизмами. Правитель покаялся и отменил большую часть своих указов, но это лишь усугубило хаос и разброд. В стране начались восстания, в результате одного из которых в 23 г. столица Чанъань пала, а Ван Ман был убит. В дальнейшем, воспользовавшись междоусобицами между главарями повстанцев, ханьские генералы одержали над ними победу и выдвинули в качестве нового императора одного из представителей дома Хань, который под именем Гуан-у-ди (на троне с 25 по 58 гг. н. э.) положил начало Поздней (Второй, Восточной) династии Хань (25 — 220 гг. н. э.).

Сюань-ди — восьмой император династии Ранняя (Западная) Хань, правил с 73 по 48 гг. до н. э.

Гуан-у-ди — первый император династии Поздняя (Восточная) Хань, на троне с. 25 по 58 гг. н. э.

Мин-ди — второй император династии Поздняя (Восточная) Хань, правил с 58 по 76 гг. н. э.

В 48 г. н. э. в Сяунну произошел раскол, поводом к которому стало нарушение установленных правил наследования трона шаньюя (правителя). Старейшины восьми южных родов провозгласили нового шаньюя и откочевали в Китай.

Хэси — буквально «к Западу от Реки», территория западнее реки Хуанхэ.

Бань Чао (32-102 гг. н. э.) — китайский полководец, брат знаменитого историка Бань Гу. Выдвинулся на военной службе. Был назначен офицером во главе военной экспедиции против сюнну, после победы над ними в 73 г. был послан с отрядом в Западный край, где, используя недовольство населения кочевниками, сумел подчинить мелкие города-государства. В 76–80 гг. Бань Чао оставался в Западном крае, несмотря на приказ императора вернуться в Китай. Получив признание своих заслуг со стороны императорского двора, Бань Чао в 90 г. победил войско Кушанского царства, а в 91 г. нанес поражение сюнну. В результате Китаю подчинилось свыше 50 государств. Победы Бань Чао способствовали развитию торговых и культурных связей Китая с Западом по Великому Шелковому пути.

Лоян — столица империи Поздняя (Восточная) Хань

Ань-ди — шестой император династии Поздняя (Восточная) Хань, правил со 107 по 126 гг. н. э.

Чжанши — высокопоставленный чиновник в должности заместителя министра.

Согласно традиционным датировкам, Троецарствием считается период в истории Китая с 220 по 265 или 280 г. н. э. Он получил свое название по числу трех царств (Вэй, У и Шу), образовавшихся после распада в 220 г. империи Хань.

Сяньби (сянби) — кочевые племена, с III в. до н. э. кочевали преимущественно на территории современного автономного района КНР — Внутренней Монголии, занимаясь скотоводством и охотой. Наибольшего могущества достигли при правителе Танынихайе (137–181 гг. до н. э.), при котором их владения простирались на запад, от современного Ляодуна до Дуньхуана (современная провинция Ганьсу).

Восточная Цзинь — китайская императорская династия (317–420 гг. н. э.). Мин-ди — второй император этой династии, на троне с 323 по 326 гг.

Лян — царства и династии, которые существовали в IV–V вв. на территории нынешней китайской провинции Ганьсу.

Сяо-у-ди — девятый император династии Восточная Цзинь, на троне с 373 по 397 гг.

Раннее Цинь — одно из 16 короткоживущих государственных образований в Китае и на прилегающих территориях, существовавших в период с 304 по 439 гг. н. э. Фу Цзянь — второй из шести правителей Раннего Цинь, на троне с 357 по 385 гг. Все правители Раннего Цинь именовали себя императорами.

Кочевая держава жуань-жуаней (иначе жужаней) возникла во второй половине IV в. н. э. в Центральной Азии на границах Китая. В это государство вошли монгольские племена, кочевавшие на территории Восточной Монголии и Западной Маньчжурии. В дальнейшем под властью жуань-жуаней оказалась обширная территория, простиравшаяся от Семиречья до Кореи и от Байкала до Гоби. Держава жуань-жуаней существовала около двух столетий, до середины VI в.

Традиционно выделяют три династии Вэй — Северную (386–534 гг.), Западную (534–556 гг.) и Восточную (534–550). Под Да-у-ди, видимо, имеется в виду Тай-у-ди, третий император династии Северная Вэй, правивший в 424–452 гг.

Ань-ди — десятый император династии Восточная Цзинь, на троне с 397 по 419 гг.

Фа Сянь, буддийский монах и путешественник конца IV — начала V вв. Обнаружив пробелы в священных книгах буддийского учения, известных тогда в Китае, Фа Сянь решил совершить паломничество в Индию за полными копиями манускриптов. С 399 по 414 г. он объехал значительную часть внутренней Азии и Индии.

Тан, китайская императорская династия (618–907 гг.), Тай-цзун — второй император этой династии, на троне с 627 по 650 гг.

Сюань-цзан (около 600–664 гг.), китайский путешественник, буддийский монах. В 629–645 гг. совершил путешествие в Среднюю и Центральную Азию и Индию. В его сочинении «Да Тан си юй цзи» («Записки о западных странах, составленные в правление великой династии Тан»), законченном в 648 году, содержатся многочисленные сведения по географии, этнографии, истории посещенных им районов, в том числе Тянь-Шаня и Памира.

Гедин Свен (Hedin Sven, 1865–1952) — шведский путешественник, географ, археолог и этнограф. В 1893–1935 гг. исследовал Тибет, Синьцзян, Монголию, Восточный Туркестан.

Меса — обширная глинистая возвышенность, сохранившаяся от эрозионного размыва осадочных пород. — *Примеч. автора.*

1 английский фут = 30,48 см.

1 английский дюйм = 2,54 см.

Приведенные цитаты взяты из книги Гедина «Блуждающее озеро» (перевод Ивамура Синобу). — *Примеч. автора.*

«Шуйцзинчжу», «Комментарии к Книге Вод», своего рода историко-географический атлас, составленный во времена династии Северная Вэй (386–534 гг. н. э.) китайским ученым Ли Даоюанем.

Ван Цзунь — чиновник времен династии Ранней Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.). По преданию, во время прорыва дамбы на реке Хуанхэ преподнес божеству реки жертву — белую лошадь — и столь истово возносил ему молитвы, что вода от дамбы ушла. Ван Ба — военачальник времен Поздней Хань (25-220 гг. н. э.). Согласно легенде, Ван Ба, выполняя приказ императора Гуан-у-ди, преследовал неприятеля и вышел к реке Хуюй (в горной части нынешней провинции Шань-си). У отряда не было средств для переправы через бурную и полноводную реку, но военачальник и его подчиненные столь страстно и чистосердечно возжелали выполнить поставленную перед ними задачу, что после их молитв река покрылась льдом. Он растаял только после того, как отряд Ван Ба благополучно переправился на противоположный берег.

Сутки делились на 12 страж.

Чи — мера длины, 1 *чи* равен примерно 30 см.

Чжума — бемерия (бомерия), многолетнее травянистое растение высотой до двух метров, дает прочное волокно.

Согд — историческая область в Средней Азии, в бассейнах рек Заравшан и Кашкадарья, один из древних центров цивилизации.

Дань (другое чтение — *ши*) — традиционная китайская мера объема сыпучих тел, один современный *дань* равен примерно 103,5 л.

Чжанши — высокопоставленный чиновник в должности заместителя министра.

О двух экспедициях Ли Гуанли в Давань (Фергана) за скакунами для императора У-ди упоминалось в новелле «Лоулань». Эрши (Коканд) — столица царства Давань. Перед первым походом на Фергану Ли Гуанли получил титул Эрши-цзянцзюнь — буквально «Ведущий войска на Эрши».

«Исторические записки» (Ши цзи) — фундаментальный труд «отца китайской историографии» Сыма Цяня (145 или 135 — ок. 86 гг. до н. э.), описывающий историю Китая с глубокой древности до I в. до н. э. Историограф Бань Бяо (3-54 гг. н. э.) создал продолжение этого труда под названием «Исторические записки. Дополнительные жизнеописания» (Ши цзи хоу чжуань). Опираясь на материалы упомянутых трудов, а также на собственные изыскания, историк Бань Гу, сын Бань Бяо, написал «Историю [Ранней] Хань» (Хань шу) в 100 главах.

«История Поздней Хань» (Хоу Хань шу) была составлена историком Фань Е (398–445 гг. н. э.) из материалов более древних исторических сочинений.

Фу Цзецзы убил правителя Лоуланя в 77 гг. до н. э. (см. новеллу «Лоулань»). В это время в Хань правил император Чжао-ди (на троне с 86 по 73 гг. до н. э.).

Тянь-Шань располагался к северу от земель, которые китайцы называли Западным краем (см. новеллу «Лоулань»).

Чжан — мера длины, 1 *чжан* примерно равен трем метрам.

Чжан-ди — третий император династии Поздняя [Восточная] Хань, на троне с 76 по 89 гг. н. э.

Хэ-ди — четвертый император династии Поздняя [Восточная] Хань, на троне с 89 по 106 гг. н. э.

Цяны, в основном тангуты — некитайские народности Запада, проживали на территории нынешней провинции Ганьсу.

Следующий год был седьмым годом под девизом правления Юн-юань, т. е. 95 г. н. э.

Ши-хуан-ди, Цинь Ши-хуан-ди (259–210 гг. до н. э.) — правитель (246–221) царства Цинь, император (с 221 г. до н. э.) Китая. Создал единую централизованную империю Цинь (221–207 гг. до н. э.).

Ордос — плато в северной излучине реки Хуанхэ.

Иньшань — горный хребет вблизи нынешней границы между Китаем и Монголией.

Ци — княжество, существовавшее на территории современной провинции Шаньдун.

В индуистской и буддийской мифологии ракшасы (от санскритского *raksas*, «стража») — племя злых демонов, бесы ада, которые увлекают и пожирают людей. Ракшасы женского пола назывались ракшаси.

Якша — в буддийской мифологии полубожественное существо. Считалось, что особенно опасны якши женского пола, пожирающие человеческое мясо и пьющие кровь детей.

Сюань-цзан (около 600–664) — китайский путешественник, буддийский монах. В 629–645 гг. совершил путешествие в Среднюю и Центральную Азию и Индию. В его сочинении «Записки о путешествии в Западный Край при Великой династии Тан» (Да Тан си юй цзи), законченном в 648 г., содержатся многочисленные сведения по географии, этнографии и истории посещенных им районов.

То есть Китай.

Шаньюй — верховный вождь, предводитель сюнну. Маодунь (? — 174 г. до н. э.).

Хуэй-ди — второй император династии Хань, сын Гао-цзу. На троне с 195 по 188 гг. до н. э.

Лю Тай, известна также как Гао-хоу — вдовствующая императрица, вдова Гао-цзу, мать императора Хуэй-ди.

Вэнь-ди, третий император династии Хань, на троне с 179 по 156 гг. до н. э.

Чи и *цунь* — традиционные китайские меры длины. Один ханьский *чи* составлял 27,6 см, *цунь* — 0,1 *чи*.

Цзин-ди, император династии Хань, на троне со 156 по 140 гг. до н. э.

Чжоу — царство и династия правителей-ванов, существовавшие на территории современного Китая в 1027 — 256 гг. до н. э.

Согласно китайской традиции, считается, что Сюань-ван правил царством Чжоу с 827 по 782 гг. до н. э.

Ю-ван — правитель царства Чжоу в 782–771 гг. до н. э.

Хаоцзин — столица царства Чжоу до 770 г. до н. э., находилась на территории нынешнего уезда Чанъань провинции Шэньси.

Ся — мифическая первая династия в Китае. Ее существование традиционно относят к периоду с 2205 по 1786 гг. до н. э.

Шан — династия в Китае с 1766 по 1122 гг. до н. э.

Пин-ван — правитель царства Чжоу в 770–720 гг. до н. э.

Ши цзин — «Книга песен», памятник китайской литературы, содержит 305 песен и стихотворений, созданных в XI–VI вв. до н. э. и отражающих многообразные явления жизни Древнего Китая; отбор и редакция приписываются Конфуцию.

«Чжоу юй» — «Речи царства Чжоу», составная часть китайского исторического памятника «Гоюй», «Речи царств», в основу которой положены записи писцов-хронистов, сделанные при чжоуском дворе и при дворах удельных правителей в период с X по V вв. до н. э.

«Исторические записки» Сыма Цяня.

Иньская династия традиционно датируется 1401–1122 гг. дон. э.

По традиционным воззрениям, Ли-ван правил с 857 до 842 г. до н. э.